
ПРЕДАНИЯ
СКАЗАНИЯ
ЛЕГЕНДЫ
СКАЗКИ
ЭХО

ПРЕДАНИЯ
СКАЗАНИЯ
ЛЕГЕНДЫ
СКАЗКИ

ЭХО

Свердловск
Средне-Уральское
книжное издательство
1978

Э95
СБ1

Печатается по изданию: Эхо. Предания, сказания, легенды, сказки. М., «Детская литература», 1973.

Древнегреческие мифы, индийские легенды, предания и сказания Древней Руси, легенды Англии, Франции и других народов мира вошли в этот сборник. Все свои симпатии и любовь отдают народные сказители тем, кто честно трудится и защищает Родину, кто бунтует против несправедливости и идет на помощь обездоленным.

Адресуется школьникам среднего и старшего возраста.

РИСУНКИ С. ТАРАСОВОЙ

Э $\frac{70803-095}{М158(03)-78}$

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

Если ты посмотришь на оглавление этой книги, то увидишь, что в ней собраны легенды и предания, сложенные и в русских селах и деревнях, и на привольной земле Украины, и в белорусском лесном краю, и в солнечных Грузии и Армении, и во многих других местах нашей Родины.

Есть в этой книге сказки и легенды, сложенные жителями Западной Европы, Африки, Азии и Америки, сурового, холодного Севера и вечнозеленых островов Юга.

Писать эти первые авторы не умели и лишь изустно передавали другим сочиненные ими сказки.

Еще тысячелетия назад на каменистых морских берегах Греции древнегреческие певцы-поэты пели и рассказывали о своих богах и героях.

Несколько прекрасных сказаний (по-гречески «мифов») Древней Греции и других древних стран ты прочтешь в первом разделе книги.

В затерянной среди лесов русской деревушке длинными зимними вечерами при свете лучины неграмотный певец-сказитель напевно «сказывал» односельчанам старинные предания о том, что было давным-давно: о подвигах богатырей — защитников родной земли, о богатом купце Садко, опустившемся на дно морское... И назывались эти предания «былины».

Песни-былины крепко запоминались слушателям, они передавали их своим соседям, когда становились отцами — своим детям, в старости — внукам.

Ученые спустя многие столетия записали и собрали эти былины.

Сказаний было гораздо больше, чем известно нам. Многие из них позабыты. До нас дошли лишь те, которые сотни раз пересказывались устно, прежде чем были записаны. Но, конечно, слушатель не всегда запоминал понравившиеся ему сказания, легенды слово в слово. Нередко, пересказывая их, сказывая былину или миф, он дополнял и украшал их новыми подробностями, переделывая начало или середину, придумывая продолжение. Таким образом у них появлялись новые авторы.

Сказки и легенды создавались в разное время. Некоторым из них уже 3—4 тысячи лет, другие гораздо моложе — им всего 300—400 лет, а есть и совсем «молодые», сочиненные в то время, когда, быть может, уже жил твой прадед.

В сказках и былинах много вымышленного. Ведь не могло быть человека, который выворачивал одной рукой вековые деревья или летал по небу на огненной колеснице; не превращалась лягушка в девушку... Но в них и много правды.

Главная правда сказок, былин и легенд заключается в том, что народ высказал в них свои мысли о том, какого человека нужно считать хорошим, а какого плохим, выразил большую любовь к своим героям, ненависть и презрение к угнетателям, к обманщикам, рассказал о своих мечтах и надеждах. В сказках и легендах народов описываются разная природа, разные обычаи и занятия, но много общего в чувствах, мыслях и мечтах, выраженных в этих сказках.

Горячим патриотизмом, готовностью пожертвовать собой для спасения Родины, восхищением перед ее защитниками проникнуты и русские былины, и красивая грузинская легенда, и французская легенда, и легенды и сказания других народов, напечатанные в этой книге.

Любимый герой легенд и преданий — борец против угнетения и несправедливости. Русский народ не мог примириться с мыслью, что погиб на плахе защитник бедноты Емельян Пугачев, и создал легенду, что он жив и еще вернется. Украинский народ чтит Довбуша, а английский в течение веков вспоминает отважного Робина Гуда.

Дорогой читатель, тебе, наверное, приходилось слышать, как эхо повторяет твой голос? Так и в сказках, мифах, легендах отразились могучий голос народа, его вера в добро и правду, его совесть, любовь к труду и его мечты.

Ф. П. Коровкин

СКАЗАНИЯ И МИФЫ ДРЕВНЕГО МИРА

Л. Н. Толстой

ДВА БРАТА

Индийская легенда

Два брата пошли вместе путешествовать. В полдень они легли отдохнуть в лесу. Когда они проснулись, то увидали — подле них лежит камень и на камне что-то написано. Они стали разбирать и прочли:

КТО НАЙДЕТ ЭТОТ КАМЕНЬ, ТОТ ПУСКАЙ ИДЕТ ПРЯМО В ЛЕС НА ВОСХОД СОЛНЦА. В ЛЕСУ ПРИДЕТ РЕКА: ПУСКАЙ ПЛЫВЕТ ЧЕРЕЗ ЭТУ РЕКУ НА ДРУГУЮ СТОРОНУ. УВИДИШЬ МЕДВЕДИЦУ С МЕДВЕЖАТАМИ: ОТНИМИ МЕДВЕЖАТ У МЕДВЕДИЦЫ И БЕГИ БЕЗ ОГЛЯДКИ ПРЯМО В ГОРУ. НА ГОРЕ УВИДИШЬ ДОМ И В ДОМЕ ТОМ НАЙДЕШЬ СЧАСТИЕ.

Братья прочли, что было написано, и меньшой сказал: «Давай пойдем вместе. Может быть, мы переплывем эту реку, донесем медвежат до дому и вместе найдем счастье».

Тогда старший сказал: «Я не пойду в лес за медвежатами и тебе не советую. Первое дело: никто не знает — правда ли написана на этом камне; может быть, все это написано на смех. Да может быть, мы и не так разобрали. Второе: если и правда написана, — пойдем мы в лес, придет ночь, мы не попадем на реку и заблудимся. Да если и найдем реку, как мы переплывем ее? Может быть, она быстра и широка? Третье: если и переплывем реку, — разве легкое дело отнять у медведицы медвежат: она нас задерет, и мы вместо счастья пропадем ни за что. Четвертое дело: если нам и удастся унести медвежат, — мы не добежим без отдыха в гору. Главное же дело, не сказано: *какое счастие мы найдем в этом доме? Может быть, нас там ждет такое счастие, какого нам вовсе не нужно»*.

А меньшой сказал: «По-моему, не так. Напрасно этого писать на камне не стали бы. И все написано ясно. Первое дело: нам беды не будет, если и попытаемся. Второе дело: если мы не пойдем, кто-нибудь другой прочтет надпись на камне и найдет счастье, а мы останемся ни при чем. Третье дело: не потрудиться да не поработать, ничто в свете не радует. Четвертое: не хочу я, чтоб подумали, что я чего-нибудь да побоялся».

Тогда старший сказал: «И пословица говорит: *искать большого счастия — малое потерять*; да еще: *не сули журавля в небе, а дай синицу в руки*».

А меньшой сказал: «А я слыхал — *волков бояться, в лес не ходить*; да еще: *под лежачий камень вода не потечет*. По мне, надо идти».

Меньшой брат пошел, а старший остался.

Как только меньшой брат вошел в лес, он напал на реку, переплыл ее и тут же на берегу увидал медведицу. Она спала. Он ухватил медвежат и побежал без оглядки на гору. Только что добежал до верху,— выходит ему навстречу народ, подвезли ему карету, повезли в город и сделали царем.

Он царствовал пять лет. На 6-й год пришел на него войной другой царь, сильнее его; завоевал город и прогнал его. Тогда меньшой брат пошел опять странствовать и пришел к старшему брату.

Старший брат жил в деревне ни богато, ни бедно. Братья обрадовались друг другу и стали рассказывать про свою жизнь.

Старший брат и говорит: «Вот и вышла моя правда: я все время жил тихо и хорошо, а ты хоть и был царем, зато много горя видел».

А меньшой сказал: «Я не тужу, что пошел тогда в лес на гору; хоть мне и плохо теперь, зато есть чем помянуть мою жизнь, а тебе и помянуть-то нечем».

Л. Н. Толстой

АССИРИЙСКИЙ ЦАРЬ АСАРХАДОН

Древнеассирийская легенда

Ассирийский царь Асархадон завоевал царство царя Лаилиэ, разорил и сжег все города, жителей всех перегнал в свою землю, воинов перебил, самого же царя Лаилиэ посадил в клетку.

Лежа ночью на своей постели, царь Асархадон думал о том, как казнить Лаилиэ, когда вдруг услыхал подле себя шорох и, открыв глаза, увидал старца с длинной седой бородой и кроткими глазами.

— Ты хочешь казнить Лаилиэ? — спросил старец.

— Да, — отвечал царь. — Я только не придумал, какой казнью казнить его.

— Да ведь Лаилиэ — это ты, — сказал старец.

— Это неправда, — сказал царь, — я — я, а Лаилиэ — Лаилиэ.

— Ты и Лаилиэ — одно, — сказал старец. — Тебе только кажется, что ты не Лаилиэ и Лаилиэ не ты.

— Как — кажется? — сказал царь. — Я вот лежу на мягком ложе, вокруг меня покорные мне рабы и рабыни, и завтра я буду так же, как сегодня, пировать с моими друзьями, а Лаилиэ, как птица, сидит в клетке и завтра будет с высунутым языком сидеть на колу и корчиться до тех пор, пока не издохнет и тело его не будет разорвано псами.

— Ты не можешь уничтожить его жизнь, — сказал старец.

— А как же те четырнадцать тысяч воинов, которых я убил и из тел которых я сложил курган? — сказал царь. — Я жив, а их нет; стало быть, я могу уничтожить жизнь.

— Почему ты знаешь, что их нет?

— Потому что я не вижу их. Главное же то, что они мучались, а я нет, им было дурно, а мне хорошо.

— И это тебе кажется. Ты мучал сам себя, а не их.

— Не понимаю, — сказал царь.

— Хочешь понять?

— Хочу.

— Подойди сюда, — сказал старец, указывая царю на купель, полную водой.

Царь встал и подошел к купели.

— Разденься и войди в купель.

Асархадон сделал то, что велел ему старец.

— Теперь, как только я начну лить на тебя эту воду, — сказал старец, зачерпнув воды в кружку, — окунись с головой.

Старец нагнул кружку над головой царя, и царь окунулся.

И только что царь Асархадон окунулся, он почувствовал себя уже не Асархадоном, а другим человеком. И вот, чувствуя себя этим другим человеком, он видит себя лежащим на богатой постели рядом с красавицей женщиной. Он никогда не видал этой женщины, но он знает, что это жена его. Женщина эта приподнимается и говорит ему: «Дорогой мой супруг Лаилиэ, ты устал от трудов вчерашнего дня и потому спал дольше обыкновенного, но я берегла твой покой и

не будила тебя. Теперь же князья ожидают тебя в большой палате. Одевайся и выходи к ним».

И Асархадон, понимая из этих слов, что он — Лаилиэ, и не только не удивляясь этому, но удивляясь тому, что он до сих пор не знал этого, встает, одевается и идет в большую палату, где князья ожидают его.

Князья земным поклоном встречают своего царя Лаилиэ, потом встают и по его приказу садятся перед ним, и старший из князей начинает говорить о том, что нельзя долее терпеть всех оскорблений злого царя Асархадона и надо идти войной против него. Но Лаилиэ не соглашается с ним, а велит послать послов к Асархадону, чтобы усовестить его, и отпускает князей. После этого он назначает почтенных людей послами и внушает им подробно то, что они должны передать царю Асархадону.

Окончив эти дела, Асархадон, чувствуя себя Лаилиэм, выезжает в горы на охоту за дикими ослами. Охота удачна. Он сам убивает двух ослов и, возвратившись домой, пирует с своими друзьями, глядя на пляску невольниц.

На другой день, по обыкновению, он выходит на двор, где ожидают его просители, подсудимые и тяжущиеся, и решает представляемые ему дела. Окончив эти дела, он едет опять на любимую свою забаву — охоту. И в этот день ему удается самому убить старую львицу и захватить ее двух львят. После охоты он опять пирует с своими друзьями, забавляясь музыкой и пляской, а ночь проводит с любимой женой своей.

Так живет он дни и недели, ожидая возвращения послов, отправленных к тому царю Асархадону, которым он был прежде. Послы возвращаются только через месяц и возвращаются с отрезанными носами и ушами.

Царь Асархадон велит сказать Лаилиэ, что то, что сделано с его послами, будет сделано и с ним, если он сейчас же не пришлет назначенную дань серебра, золота и кипарисового дерева и не приедет сам на поклон к нему.

Лаилиэ, бывший прежде Асархадоном, опять собирает князей и советуется с ними о том, что надо делать. Все в один голос говорят, что надо, не дожидаясь нападения Асархадона, идти на него войною. Царь соглашается и, становясь во главе войска, идет в поход. Поход продолжается 7 дней. Каждый день царь объезжает войска и возбуждает мужество своих воинов. На 8-й день его войска сходятся с войсками Асархадона в широкой долине на берегу реки. Войска Лаилиэ храбро дерутся, но Лаилиэ, бывший прежде Асархадо-

ном, видит, что враги, как муравьи, сбегаются с гор, затопляют долину и одолевают его войска, и бросается на своей колеснице в середину битвы, колет и рубит врагов. Но воинов Лаилиэ сотни, а Асархадона тысячи, и Лаилиэ чувствует, что он ранен и что его берут в плен.

Девять дней он с другими пленниками идет связанный среди воинов Асархадона. На 10-й день его приводят в Ниневию и сажают в клетку.

Лаилиэ страдает не столько от голода и раны, сколько от стыда и бессильной злобы. Он чувствует себя бессильным отплатить врагу за все зло, которое он терпит. Одно, что он может, это то, чтобы не доставить своим врагам радости видеть его страдания, и он твердо решил мужественно, без ропота, переносить все то, что с ним будет.

20 дней сидит он в клетке, ожидая казни. Он видит, как проводят на казнь его родных и друзей, слышит стоны казнимых, которым одним отрубают руки и ноги, с других с живых сдирают кожу, и не выказывает ни беспокойства, ни жалости, ни страха. Видит, как евнухи ведут связанную любимую жену его. Он знает, что ее ведут в рабыни к Асархадону. И он переносит и это без жалобы.

Но вот два палача отпирают клетку и, затянув ему ремнем руки за спиной, подводят его к залитому кровью месту казней. Лаилиэ видит острый окровавленный кол, с которого только что сорвали тело умершего на нем друга Лаилиэ, и догадывается, что кол этот освободили для его казни.

С него снимают одежду. Лаилиэ ужасается на худобу своего когда-то сильного красивого тела. Два палача подхватывают это тело за худые ляжки, поднимают и хотят опустить на кол.

— Сейчас смерть, уничтожение, — думает Лаилиэ и, забывая свое решение выдержать мужественно спокойствие до конца, рыдая, молит о пощаде. Но никто не слушает его.

— Да это не может быть, — думает он, — я, верно, сплю. Это он. — И он делает усилие, чтобы проснуться. — Ведь я не Лаилиэ, я Асархадон, — думает он.

— Ты и Лаилиэ, ты и Асархадон, — слышит он какой-то голос и чувствует, что казнь начинается. Он вскрикивает и в то же мгновение высовывает голову из купели. Старец стоит над ним, выливая ему на голову последнюю воду из кружки.

— О, как ужасно мучался я! И как долго! — говорит Асархадон.

— Как долго? — говорит старец. — Ты только что окунул голову и тотчас опять высунул ее; видишь, вода из кружки еще не вся вылилась. Понял ли ты теперь?

Асархадон ничего не отвечает и только с ужасом глядит на старца.

— Понял ли ты теперь,— продолжает старец,— что Лаилиэ — это ты, и те воины, которых ты предал смерти, — ты же. И не только воины, но и те звери, которых ты убивал на охоте и пожирал на своих пирах, были ты же. Ты думал, что жизнь только в тебе, но я сдернул с тебя покрывало обмана, и ты увидал, что, делая зло другим, ты делал его себе. Жизнь одна во всем, и ты проявляешь в себе только часть этой одной жизни. И только в этой одной части жизни, в себе, ты можешь улучшить или ухудшить, увеличить или уменьшить жизнь. Улучшить жизнь в себе ты можешь только тем, что будешь разрушать пределы, отделяющие твою жизнь от других существ, будешь считать другие существа собою — любить их. Уничтожить же жизнь в других существах не в твоей власти. Жизнь убитых тобою существ исчезла из твоих глаз, но не уничтожилась. Ты думал удлинить свою жизнь и укоротить жизнь других, но ты не можешь этого сделать. Для жизни нет ни времени, ни места. Жизнь мгновения и жизнь тысячи лет, и жизнь твоя и жизни всех видимых и невидимых существ мира равны. Жизнь уничтожить и изменить нельзя, потому что она одна только и есть. Все остальное нам только кажется.

Сказав это, старец исчез.

На другое утро царь Асархадон велел отпустить Лаилиэ и всех пленных и прекратил казни.

На третий день он призвал сына своего Ашурбанипала и передал ему царство, а сам сначала удалился в пустыню, обдумывая то, что узнал. А потом он стал ходить в виде странника по городам и селам, проповедуя людям, что жизнь одна и что люди делают зло только себе, когда хотят делать зло другим существам.

Л. Н. Толстой

СЕМЬ ГРЕЧЕСКИХ МУДРЕЦОВ

Древнегреческая легенда

У греков считалось семь мудрецов: Фалес, Солон, Питтак, Бион, Клеобул, Периандр и Хилон. У мудрецов этих было много ума и учености, и многим наукам и премудростям они научили народ; но их считали мудрецами не за то, что они много знали, а вот за что.

Подле города Милета рыбаки ловили рыбу. Подошел богатый человек и купил у рыбаков тоню[1]. Они продали — взяли деньги и обещали отдать все, что попадется в эту тоню. Закинули сеть и вместо рыбы вытащили золотой треножник. Богатый человек хотел взять треножник, а рыбаки не давали ему. Они говорили, что продали рыбу, а не золото. Стали спорить и послали спросить у оракула, кому надо отдать треножник. Пифия сказала: «Надо отдать треножник мудрейшему из греков». Тогда все жители Милета сказали, что надо отдать Фалесу. Послали треножник к Фалесу. Но Фалес сказал: «Я не мудрее всех. Много есть людей мудрее меня». И не взял треножника. Тогда послали к Солону, и тот то же сказал, и послали к третьему, и третий отказался. И таких нашлось семь человек. Все они не считали себя мудрыми. За то их и прозвали семью греческими мудрецами.

Л. Н. Толстой

КАК ГУСИ РИМ СПАСЛИ

Древнеримская легенда

В 390-м году до Р. Х. дикие народы галлы напали на римлян. Римляне не могли с ними справиться, и которые убежали совсем вон из города, а которые заперлись в кремле. Кремль этот назывался Капитолий. Остались только в городе одни сенаторы. Галлы вошли в город, перебили всех сенаторов и сожгли Рим. В середине Рима оставался только

[1] **Тóня** — улов рыбы, получаемый при одной закидке невода.

кремль — Капитолий, куда не могли добраться галлы. Галлам хотелось разграбить Капитолий, потому что они знали, что там много богатств. Но Капитолий стоял на крутой горе: с одной стороны были стены и ворота, а с другой был крутой обрыв. Ночью галлы украдкою полезли из-под обрыва на Капитолий: они поддерживали друг друга снизу и передавали друг другу копья и мечи.

Так они потихоньку взобрались на обрыв — ни одна собака не услыхала их.

Они уже полезли через стену, как вдруг гуси почуяли народ, загоготали и захлопали крыльями. Один римлянин проснулся, бросился к стене и сбил под обрыв одного галла. Галл упал и свалил за собою других. Тогда сбежались римляне и стали кидать бревна и каменья под обрыв и перебили много галлов. Потом пришла помощь к Риму и галлов прогнали.

С тех пор римляне в память этого дня завели у себя праздник. Жрецы идут наряженные по городу; один из них несет гуся, а за ним на веревке тащат собаку. И народ подходит к гусю и кланяется ему и жрецу: для гусей дают дары, а собаку бьют палками до тех пор, пока она не издохнет.

СКАЗАНИЕ О ГИЛЬГАМЕШЕ И ЭНКИДУ

Вавилонская легенда

Давным-давно, во времена глубокой древности, богиня Аруру сотворила Гильгамеша и сделала его царем города Урука.

Гильгамеш обошел все страны до края земли, видел моря и поднимался на высокие горы. Он постиг премудрость богов, и ему были открыты все сокровенные тайны. Когда Гильгамеш вернулся в Урук, поведал людям о том, что видел и что узнал.

Задумал Гильгамеш обнести Урук высокой крепостной стеной с зубцами, а внутри города повелел выстроить храм богине Иштар, покровительнице Урука.

А богиня Аруру взяла глину и сотворила Энкиду, чтоб было Гильгамешу с кем померяться силой. Шерсть покрывала тело Энкиду, длинные кудри ниспадали до плеч. Никогда

он не видал людей, жил в лесу вместе с газелями, вместе с ними ходил к водопою, питался травой.

Но наступил день, когда Гильгамеш и Энкиду встретились на дороге. Не посторонился Энкиду, чтобы пропустить царя. Схватились они друг с другом и долго боролись. Никто из них не смог одолеть другого, и поняли оба, что равны они силой. Тогда они прекратили борьбу, поцеловались и заключили союз дружбы. И Энкиду поселился во дворце у Гильгамеша.

Однажды Гильгамеш увидел своего друга опечаленным. Гильгамеш огорчился и спросил его:

— Отчего ты печален? Почему полны слез твои глаза?

Ответил Энкиду:

— Тоска меня одолела. Не могу сидеть без дела. Слабеет от безделья моя сила.

Гильгамеш сказал:

— Друг мой, далеко есть горы Ливана. Они покрыты кедровым лесом. В том лесу живет свирепый Хумбаба. Убьем его и изгоним из мира зло.

— Знаю я это место. Бывал я там, когда бродил со зверями. Лес там вокруг простирается на тысячи бэру[1]. Как добраться до середины леса? Хумбаба же страшен. Голос его — ураган, уста — пламя, дыхание — смерть! Неравен бой с Хумбабой. Зачем идти туда?

Но Гильгамеш гордо ответил другу:

— Только боги живут вечно. А человек смертен — коротки его годы. Идем со мной. Я пойду впереди, а ты кричи мне: «Иди, не бойся!» Если же погибну я, останется память обо мне, будут говорить: «Гильгамеш пал в бою со свирепым Хумбабой!» Вечное имя себе создам!

Согласился Энкиду следовать за другом, и они стали готовиться в дорогу. Взяли боевое оружие — топор и секиру, надели на плечи луки, наполнили стрелами колчаны, заткнули за пояса кинжалы и отправились в далекий путь.

Много дней Гильгамеш и Энкиду шли по нехоженым местам и наконец достигли зеленой горы. Друзья вошли в лес, вынули топоры и начали рубить кедры. По всему лесу слышен стук. Разнеслось эхо во все стороны. Услыхал Хумбаба стук топора и, разгневанный, явился перед Гильгамешем и Энкиду:

— Кто пришел сюда рубить кедры моих гор?

И начался между ними смертельный бой. Восемь ветров

[1] Бэру — мера длины, равная 7—10 км.

бога Шамаша помогали друзьям. Не мог Хумбаба ступить ни шагу ни вперед, ни назад. И взмолился он:

— Пощади меня, Гильгамеш! Ты будешь моим господином, а я твоим послушным рабом. Я нарублю тебе кедров и построю из них дома для жителей Урука.

— Не слушай его, — сказал Энкиду, — не верь коварному Хумбабе. Нельзя оставлять его в живых. Когда мы сразим его, исчезнет зло на земле!

И тогда Гильгамеш ударил Хумбабу мечом в затылок, а Энкиду поразил злодея кинжалом в грудь. Третий удар нанес Гильгамеш — и пал на землю мертвый Хумбаба. Заскрипели кедры, исчезли из леса злые чары Хумбабы.

А друзья нарубили кедров, чтобы доставить деревья на берега Евфрата, где растут только финиковые пальмы, зеленые кустарники и травы да камыши.

Возвратились домой победители Хумбабы. Гильгамеш умылся, облачился в чистые одежды, расчесал кудри и надел на голову корону. Увидала его богиня Иштар и пленилась его красотой. Позвала она его:

— Идем со мной, Гильгамеш! Женись на мне, и я подарю тебе золотую колесницу. И все цари на земле будут поклоняться тебе и принесут богатые дары.

Но Гильгамеш хорошо знал, как коварна богиня и как непостоянна ее любовь:

— Недолго ты будешь любить меня. Ты скоро прогонишь меня и сделаешь несчастным. Не хочу я знать тебя!

Как услышала Иштар эти речи, распалилась она гневом, поднялась на небо к своему отцу богу Ану и сказала ему:

— Оскорбил меня Гильгамеш! Создай страшного быка, пусть он убьет обидчика!

Сотворил Ану страшного быка и спустил его прямо в Урук. Бык подошел к Евфрату, сделал семь глотков, и иссякла вода в реке. Потом бык дохнул один раз, разверзлась яма и поглотила сто человек. Дохнул второй раз — еще большая яма открылась, и триста человек погибло в ней. В третий раз бык дохнул на Энкиду, и тот вдвое согнулся. Но Энкиду не растерялся, вскочил на быка и схватил его за рога. Стал неистовствовать разъяренный бык, брызгал слюной на Энкиду, бил его жестким хвостом. А Гильгамеш отважно кинулся на быка и вонзил в него меч между рогами. Чудище бездыханным пало на землю.

Обозлилась Иштар, что не удалось отомстить Гильгамешу, и стала она осыпать его проклятиями.

А Энкиду, услыхав, как оскорбляют его друга, вырвал ногу у быка и швырнул ее в Иштар:

— Если бы я тебя поймал, то и с тобой поступил бы, как с быком!

Тогда боги решили наказать Энкиду за его дерзость, какую он позволил себе по отношению к богине, и наслали на него страшную болезнь.

Слабость охватила Энкиду. Лег он обессиленный на свое ложе и не мог подняться. Позвал Энкиду друга и сказал ему:

— Прокляли меня боги. Смерть покорила меня.

Гильгамеш припал к сердцу друга, а оно не бьется. Тогда Гильгамеш закрыл его лицо платком и ушел, горько рыдая. Он метался по дворцу и рвал на себе одежды, и горестно восклицал:

— О, почему не дано героям бессмертия, чтобы никогда не забылись их подвиги!

Хозяйка богов Сидури сказала Гильгамешу:

— Нигде, Гильгамеш, не найдешь ты бессмертия. Боги создали человека и сделали смерть уделом его. Только себе они оставили вечную жизнь.

Когда же поднял глаза Гильгамеш, увидел жителей Урука. Они славили его и Энкиду, их победу над Хумбабой, победу над быком, они славили Гильгамеша, воздвигнувшего прекрасный город Урук.

И понял Гильгамеш, что никогда не умрет память о том человеке, который делает людям добро.

Смертен человек, но вечно живут его хорошие дела! В них его бессмертие.

СКАЗАНИЯ О ПРОМЕТЕЕ

Древнегреческий миф

Часть I

ПРОМЕТЕЙ-ОГНЕНОСЕЦ

Солнце еще только поднималось над Элладой, а Прометей уже трудился: мял и месил вязкую светлую глину. Гармонично развитые мышцы четко обрисовывались под заго-

релой кожей. Густые черные волосы волнами спадали на широкие плечи. Среди зелени оливковой рощи виднелись уже изваянные им статуи: прекрасные девушки и стройные юноши. Эти полные красоты и достоинства фигуры Прометей создал по своему представлению о том, какими должны быть люди. А люди в те давние времена были совсем не такими: они жили на деревьях и в темных пещерах, не знали ни наук, ни ремесел, питались желудями, плодами или сырым мясом убитых на охоте зверей — огня они тоже не знали.

Прометей не был смертным человеком, он был бессмертным титаном.

Титаны — древнейшие божества эллинов, дети Геи — Земли и Урана — Неба — были ближе к людям, чем боги Олимпа, заботившиеся лишь о сохранении своей власти. Поэтому и трудился Прометей, создавая свой идеал человека будущего.

Вдруг в синеве неба возник и опустился на землю перед Прометеем юноша, обутый в крылатые сандалии, в круглой шапочке и с крылатым жезлом в руке. Это был Гермес, бог плутовства и торговли, сын и вестник верховного бога Олимпа Зевса-громовержца, которого вольные титаны ненавидели за то, что он сверг с престола своего отца — титана Кроноса, заточил его в глубокий темный Тартар и захватил верховную власть над Миром.

— Прометей, меня прислал к тебе Зевс, — объявил Гермес. — Он требует, чтобы ты открыл ему тайну, известную лишь тебе, чтобы ты, сын всезнающей Геи, открыл, кому предназначено судьбой свергнуть Зевса и занять его престол на Олимпе.

— Да, я знаю это, но не скажу, — отвечал Прометей.

— Он требует!

— Я ничем ему не обязан — я вольный титан! А с тобою я не желаю разговаривать.

— Прощай же, гордый Прометей, теперь и ты изведаешь гнев и могущество Зевса. Отныне ты враг его!

Гермес улетел, а Прометей пошел в рощу к статуям.

— Здравствуйте, люди будущего! — приветствовал он создания своих рук.

Но только он это промолвил, как за его спиной раздался звучный женский голос:

— Ты прогнал Гермеса, Прометей, а меня, надеюсь, не прогонишь.

Титан обернулся. Пред ним стояла высокая, стройная и

величественно-прекрасная женщина в доспехах. В руках она держала копье, наконечник его ярко горел под лучами солнца. На голове ее был густогривый шлем. Это была богиня мудрости Афина Паллада.

— Афина, ты? Зачем же ты, чтимая богиня, пришла к врагу своего отца?

— У отца свои друзья и свои враги, а у меня — свои. Отца я чту, а тебя люблю: ты мудр, добр и благороден.

— Благодарю тебя, Афина! Посмотри на мои творения. Они прекраснее нынешних людей: вот легконогая девушка-бегунья, вот могучий борец, вот уверенный в себе воин-копьеносец. В розовых отблесках зари они кажутся почти живыми.

— Увы, мой друг, только почти! В них нет жизни.

— Ты права, богиня, — сказал Прометей, опустив голову.

— Но Зевс их оживит, если ты подчинишься ему! — ответила Афина.

— Подчиниться ему? Нет, никогда! Рожденные свободными, они не станут его рабами! Да к тому же Зевса не заботит счастье человечества, он заботится лишь о сохранении власти.

— Ты прав, — сказала Афина, — человек должен стать прекрасным. Соединим наши усилия. Что сто́ит Сила без Мудрости и Мудрость без Силы? Пойдем, я отведу тебя туда, где Зевс прячет огонь жизни.

Тем временем уже наступила ночь. При свете звезд Афина и Прометей поднялись на гору Олимп. Там, в глухом и потаенном месте, стоял небольшой храм. Повинуясь слову богини, открылись его двери, и Афина с Прометеем вошли в храм. Пред ними на жертвеннике ярко пылал огонь.

— Вот он, вечный огонь Жизни! — тихо молвила Афина.

Взяв свежий ствол тростника, Прометей спрятал в него пылающий уголек и стремительно, как падучая звезда, сбежал с Олимпа.

Собрав сухие листья и ветки, он бросил в них искру небесного огня. И запылал первый на земле костер! Ветер раздул его, искры полетели к статуям. И как только искра касалась статуи, та оживала, в ее лице начинали играть краски жизни, и она спускалась с пьедестала. Вот подбежала к Прометею девушка, за ней другие люди. Ликующим, веселым хороводом окружили они своего создателя. А он, не веря своему счастью, всех обнимал и говорил:

— Теперь вы живые, вы — люди! Идите же к людям, несите им свет и тепло в их темную жизнь.

Прометей вылепил из куска глины круглый горшок, потом кирпич и обжег их па огне костра.

— Человек должен есть горячую пищу, а не сырое мясо! А для этого нужна посуда. Вот смотрите, как она делается. Человек должен жить не в темных и сырых пещерах. Людям нужны светлые и теплые дома. А теперь зажгите неугасимые факелы от костра и несите огонь людям!

И вскоре по всей стране запылали костры, выросли дома, загорелись в них светильники. Зажглись гончарные печи.

Прометей учил гончаров: «Ваши сосуды должны быть не только прекрасны по форме. Они должны быть украшены орнаментами и рисунками». Так родилось искусство.

Переходя из селения в селение, Прометей учил людей добывать руды — дары матери-земли — и выплавлять из них металлы. Зашумели мехи, раздувая пламя в горнах кузнецов, кующих топоры и плуги, мечи и копья, медноострые стрелы для охоты.

Прометей указал людям растущие в лесах и на лугах целебные травы и научил излечивать ими болезни.

Прометей научил людей счету и письму, и, наконец, он укротил коней и впряг их в колесницу, а волов в плуг. Так тяжелый труд человека был переложен на плечи животных.

На севере Греции, в Фокиде, много веков сохранялся храм, а в нем мраморная статуя Прометея, хотя он и не был богом. Невдалеке от храма лежали два больших желтых камня. Это, по преданию, были остатки глины, из которой Прометей создал человечество.

И все люди прославляли Прометея-огненосца! В Колоне, пригороде Афин, был храм, посвященный Прометею, а у самых Афин, в роще памяти героя Академа, был жертвенник Прометея. Ежегодно, в память о первом факеле, афинские юноши начинали отсюда бег с горящими факелами, и побеждал тот, кто первым донесет горящий факел до Афинской площади.

Так чтили Прометея люди.

Но на Олимпе известие о том, что Прометей похитил огонь и подарил его людям, вызвало гнев и возмущение.

— Отец, — сказал Гермес, — Прометей научил людей тому, что раньше знали только боги, и поэтому они теперь перестанут чтить богов и приносить им жертвы. Люди поют и пляшут вокруг Прометея, а о тебе забыли! Пошли на них молнию, отец!

Зевс нахмурился.

— Людям Прометея бытие уже дано, и снова угасить в них огонь жизни нельзя. Но похититель огня будет наказан! Я придумаю ему такую кару, что содрогнется мир.

Часть II

ПРОМЕТЕЙ ПРИКОВАННЫЙ

И над вершинами Кавказа сияло утро, как и тогда — в день похищения огня, в Элладе. Но здесь, в уединенной и пустынной местности, природа была мрачной и суровой. На высоких вершинах белели вечные снега, между гор чернели глубокие ущелья, повсюду громоздились в беспорядке камни. Ни травки, ни цветка нет на крутых каменистых склонах. Тишину нарушают лишь пенистые волны моря, с грохотом разбивающиеся о скалистый берег, обдавая его брызгами и пеной. Никогда не ступала здесь нога человека.

По крутизнам скалистого берега медленно идет Прометей, с трудом волоча по камням звенящие ножные кандалы. Его ведут под руки две коренастые фигуры в черных одеждах, лица ведущих мрачны и злы, в складках их ртов залегла жестокость. Это слуги Зевса Кратос и Бия — Власть и Сила.

За ними бредет, прихрамывая, Гефест, бог-кузнец, с оковами в руках и с молотом на плече.

Идущие остановились возле скалы, нависшей над морем.

— Вот здесь ты, Гефест, исполнишь приказание отца и прикуешь к скалистой круче несокрушимыми цепями Прометея — ослушника державной воли Зевса, — сказал Кратос. — Он преступник. Он посмел похитить священный огонь и передать его людям. Здесь он научится послушанию и отучится от человеколюбия.

— Я не смею исполнить приказ и поднять руку на Прометея, — ответил Гефест. — Ведь он гончар, ваятель, а я кузнец!

— Ты должен исполнить повеление Зевса: ты знаешь, как страшен его гнев. Ты уже однажды испытал его на себе, когда отец швырнул тебя с Олимпа на остров Лемнос и ты, хоть и бог, остался навеки хромым.

— Да, должен, — вздохнул Гефест. — О Прометей, высокомудрый сын всезнающей Геи! Ты самый справедливый из древних божеств, но ты не самый сильный! Не своею волей

я должен здесь тебя заковать в желе́зы. Здесь будешь ты открыт стихиям — и дождю, и ветру. Солнце будет нещадно жечь тебя. Ночь освежит тебя росой, осветит светом звезд — родных тебе титанид. А утром снова зной. Напрасно ты будешь здесь стонать. Стонов твоих никто не услышит!

— Я знаю, Гефест, всегда жестоки новые владыки, — ответил Прометей.

— Ну что ж ты медлишь?! — закричал Кратос на Гефеста. — Или тебе тоже захотелось испытать гнев Зевса?

Гефест принялся за дело. Он приковал к скале руки и ноги Прометея, обвил цепью грудь и пронзил ее острым клином.

— Что, Прометей, узнал теперь силу и власть Зевса, узнал, как красть сокровища богов? Тебя ведь зовут Промыслителем? Так вот теперь промысли для себя: других спасал, спаси теперь себя, — засмеялся Кратос, когда работа была окончена.

— Прощай, мой брат, — печально молвил Гефест, поднимая молот на плечо.

Ушли Кратос, Бия и Гефест, а Прометей остался в одиночестве. Теперь он мог дать волю стонам.

— О Мать-Земля! О всевидящий Гелиос! О вы, неисчислимые Океаниды! Взгляните, что терплю я. Стою я здесь, распят на скале, и этим мукам, как и мне, не будет конца! Бессмертен я, и бесконечен мстительный гнев Зевса! Но это я знал наперед. На муки за род человеческий я пошел своею волею!

Но тут зашумели волны, в лицо Прометею пахнул ветер с моря. Всколебалось море десятками валов — то были Океаниды, зеленокудрые титаниды, дочери титана Океана.

— Прометей, это мы, Океаниды, — сказали они. — Отец нас отпустил слезой смягчить твои страдания, овеять тебя влагой. Лишь тот, чье сердце камень или лед, не тронется мучениями вольного титана, прикованного к скале. Лишь только этот злобный, угрюмый Зевс! За что же он тебя обрек на такие муки?

— Он хочет, чтобы я открыл ему тайну. Но я не раскрою рта, хотя бы прошли века.

— В чем же эта тайна?

— Я знаю, кто лишит е́го престола. Но не открою тайну никому.

Внезапно вновь взбурлило море. Поднялась высокая волна, все выше она, и вот уже это не волна, а огромный старик

с белопенной сединой, разбросавшейся па голубые плечи, облаченные в темно-зеленую хламиду.

— Отец! Отец! — закричали Океаниды.

— Издалека приплыл я к тебе, брат Прометей. Вернее друга, чем старик Океан, у тебя нет,— сказал Океан.— Брат, ты знаешь, я обтекаю мир и вижу все, и знаю все! И я еще древней тебя. Явился я к тебе дать дружеский совет. Пойми границы сил своих и примирись с Зевсом. Бедняга! Ты уже в оковах — так позабудь свой гнев. А я берусь примирить вас с Зевсом. Пойми же, Прометей, что он царит па Олимпе, никому не подчиненный, а ему все подчипены!

— И он подчинен Необходимости. Настанет время, он вступит в новый брак, и сын его свергнет его в Тартар так же, как он сверг своего отца. Если ты, титан, так боишься Зевса, уйди, а я предпочитаю страдать!

Старик Океан погрузился в воды. Но тут же слетел с неба и стал на краю скалы Гермес.

— Зевс велел тебе, Прометей, — сказал Гермес, — открыть немедля, с кем брак столь опасен ему.

— Передай Зевсу, пусть он повелевает тучам, а не мне, титану!

— Тогда ты будешь свержен в Тартар вместе со скалой, к которой прикован.

— Прочь от меня! — загремел могучий голос титана. — Мальчишка, только детский твой ум может рассчитывать, что в благодарность за избавление от мук открою я Зевсу тайну его судьбы. Мне лучше быть прикованным к скале, чем пресмыкаться перед ним. Знай, я не променяю всех своих скорбей на рабское служение тирану и отцеубийце. Я ненавижу богов, его же больше всех!

Гермес взмахнул своим волшебным крылатым жезлом. В ответ сверкнули трезубцем молнии и раскатился небывалый гром. Содрогнулись горы, разверзлась черная бездонная пропасть, и Прометей исчез в ней вместе со своей скалой...

Часть III

ПРОМЕТЕЙ ОСВОБОЖДЕННЫЙ

Годы, десятилетия, а может быть, века провел Прометей во тьме мрачного Тартара, за его медными стенами, куда не заглядывает никогда благодатный луч Гелиоса. Но неукротимый дух Прометея не был сломлен. И вот снова воля

Зевса подняла скалу Прометея в горы Кавказа. Он вдохнул полной грудью свежий горный воздух, увидел лучи Гелиоса.

— Здравствуй, Гелиос! — крикнул он.

Но недолгой была его радость. Вскоре явился Гермес и снова стал допытываться о тайне.

— Я уже сказал тебе, что не открою тайну, — ответил Прометей.— Но знай, что близко свершение судьбы Зевса!

— Если и Тартар не вразумил тебя, то тебе готова новая пытка. Каждый день к тебе будет прилетать орел и клевать твою печень. А к утру она будет снова отрастать. И так будет, пока ты не откроешь тайну!

И вот огромная тень покрыла скалу. С громовым клекотом прилетел орел, опустился и начал рвать когтями тело титана. Полилась кровь и оросила скалу. С тех пор до сего дня видны в камне кровавые прожилки. На закате орел взмахнул крыльями и улетел.

Ночью освежила страдальца Прометея небесная роса, чудесно зажили его раны и отросла печень.

Но шли дни, снова и снова прилетал мучитель. Лилась кровь, и стонало эхо окрестных гор. Тянулись дни мучений Прометея.

Наконец однажды Гермес сказал:

— Лучше смирись, непреклонный Прометей! Твои мучения будут продолжаться до тех пор, пока какой-либо бессмертный не согласится вместо тебя добровольно сойти в Тартар. Таково решение Зевса. Однако вряд ли найдется кто-нибудь, кто отказался бы от бессмертия!

...Однажды Прометей увидел, что вдали по горным крутизнам легко идет какой-то человек с накинутой на плечи львиной шкурой. Бросались в глаза его высокий рост и могучая фигура с буграми мышц. То был великий истребитель чудовищ — Геракл, сын Зевса и Алкмены.

Он подошел к Прометею. Долго смотрели друг на друга титан и полубог-герой. И стало видно, что в человеке силы не меньше, чем в титане. Недаром же Геракл задушил руками страшного Немейского льва, одолел в бою многоголовую гидру Лернейских болот и смочил в ее отравленной желчи свои стрелы, и они стали смертельными.

— Привет, тебе, страдалец за людей,— сказал Геракл.— Я тоже — человек!

— Привет тебе, Геракл!

— Я принес тебе весть, радостную для тебя, но горестную для меня. Мудрый друг мой — бессмертный кентавр Хирон совершил неосторожность: он взял в руки и уронил

себе на колено одну из моих отравленных стрел. Пустая была царапинка, но яд Лернейской гидры проник в его кровь и причинил Хирону ужасные мучения. Теперь он добровольно сошел в Тартар и передал свое бессмертие тебе! Мудрец и исцелитель людей и кентавров, Хирон не смог побороть этот яд. Вся природа горевала о нем. Он шел, и перед ним склонялось все живое — цветы сильней благоухали, деревья наклонялись, олени до земли склоняли свои рога. Но тебе эта весть несет радость и свободу. Ты тоже врачеватель и будешь наследником мудрости Хирона. Тело его сошло под землю, но светлый дух летит к тебе!

— Благодарю тебя, Геракл, человеколюбец и истребитель чудовищ — врагов людей. Но берегись, летит орел Зевса!

На Геракла упала черная тень орла. Увидев человека, он уже раскрыл клюв и издал свой боевой клекот-клич.

Мгновенно выхватив отравленную стрелу, Геракл пустил ее прямо в разинутый клюв. Захлебываясь кровью, орел упал, раскинув коричневые крылья. Отложив лук в сторону, Геракл взял свою палицу, и под ее звонкими ударами распались цепи Прометея.

С трудом поднялся Прометей, расправляя затекшие члены. Ударом ноги он сбросил в пропасть остатки кандалов.

— Слава тебе, Геракл-освободитель. Ты совершил еще один славный подвиг!

— Ну, этот подвиг был полегче других. Но у тебя остался еще один наручник с осколком камня. Дай разобью и его.

— Нет, пусть останется на память: и о страданиях нужно помнить. Пусть люди в память обо мне носят браслеты и кольца с камнями. Теперь, Геракл, в благодарность за освобождение открою тебе тайну, которую скрывал столько лет. Если Зевс вступит в брак с морской богиней Фетидой, то судьбой назначено Фетиде родить сына сильнее отца! — Прометей посмотрел на Геракла и задумчиво сказал: — Я гляжу на тебя и думаю: ведь это человечество породило тебя, равного титанам и богам! Такими и должны быть люди. Я титан и друг людей. Как титан я бессмертен и могу принимать любой облик, поэтому отныне и во веки веков я буду там, где народы будут поднимать свой голос и оружие против всякой тирании — богов или людей! Всегда и везде, где люди будут защищать свободу,— там буду и я. В этом мое бессмертие! В них вечно будет пылать Прометеев огонь...

ДЕВКАЛИОН И ПИРРА

Древнегреческий миф

Многое могли простить людям обитавшие на Олимпе своенравные боги, но не могли простить им их гордости, сознания собственной силы, веры в свой разум. Знали боги, что гордые, сильные и умные люди посчитают себя равными им, богам, и выйдут из повиновения.

Вон Ликаон, правитель крошечного государства Ликосуры, расположенного среди лугов Аркадии, так тот уже позволяет себе насмехаться даже над самим Зевсом-громовержцем — главным среди богов.

Страшно разгневался Зевс на Ликаона и превратил его в кровожадного волка, а дворец его разрушил ударом молнии. Но громовержцу показалось этого мало. Он решил погубить весь людской род.

Державный тучегонитель запретил дуть всем ветрам, кроме влажного южного ветра Нота. Нот пригнал на небо темные дождевые тучи, обложив ими, как огромными бурдюками, все видимое пространство. Словно ночь спустилась на землю, тучи висели так низко, что до них можно было рукой дотянуться. И вот, когда приготовления были закончены, сплошной стеной хлынул ливень. Спастись от него было негде. Вода в морях и реках не по часам, а по минутам, по секундам поднималась выше и выше, заливая все вокруг, сметая пенными волнами любые препятствия. Ушли под воду города с их стенами, домами и храмами, и на их месте крутились бешеные водовороты. Скрылись и башни, которые были на городских стенах. Вскоре вода покрыла и поросшие лесом холмы и высокие горы, где кудрявился кустарник. Вся Греция скрылась под бушующими волнами моря, вышедшего из берегов. Только одиноко поднималась среди волн двуглавая вершина Парнаса — обиталища муз — да Олимп, с которого Зевс метал молнии...

Там, где раньше крестьянин возделывал свою ниву, где зеленели и золотились спелыми гроздьями виноградники, — там теперь плавали рыбы, шевеля плавниками, а в лесах, покрытых водой, резвились дельфины.

Казалось, ни один житель земли не может избежать гибели. Однако могучий и дерзновенный Прометей, еще раньше научивший людей пользоваться огнем, обучивший их письму, решил спасти хотя бы своего сына Девкалиона и его жену Пирру. Заранее узнав о жестоком замысле Зевса,

Прометей дал совет Девкалиону соорудить большой деревянный корабль, положить в него съестные припасы и укрыться в нем с Пиррой.

Девять дней и ночей носился корабль Девкалиона по морским хлябям. Наконец волны прибили его к двуглавой вершине Парнаса. В это время ливень уже прекратился. Вода схлынула, и снова из-под волн показалась земля. Опустошенная, обезображенная, но все-таки родная, твердая почва была под ногами! Девкалион и Пирра сошли с корабля и принесли благодарственную жертву Зевсу, который, как они думали, сохранил им жизнь среди вселенского потопа.

Зевс удовлетворился жертвой, да и наскучило ему разрушение, и он послал к Девкалиону вестника богов — Гермеса.

Быстро понесся Гермес над опустевшей землей и, представ перед Девкалионом, сказал ему:

— Послушай, Девкалион! Властитель богов и людей Зевс доволен тобой. Он повелел тебе самому избрать себе награду. Выскажи свое желание, и Зевс исполнит его.

Девкалион грустно посмотрел на свою верную спутницу, потом они вместе печально огляделись вокруг. Они были одни-одинешеньки среди пустыни.

Девкалион тихо сказал:

— Об одном лишь прошу я Зевса: пусть опять населит он землю людьми.

Быстрый Гермес понесся обратно на светлый Олимп, где за пиршественным столом возлежал умиротворенный Зевс-громовержец, и передал своему повелителю просьбу Девкалиона. Зевс нахмурился.

— Боюсь, опять возьмется за старое людское племя!.. Но если дал слово, надо исполнять.

И тогда Зевс через Гермеса повелел Девкалиону и Пирре набрать камней и, не оборачиваясь, кидать их за спину. Девкалион и Пирра стали бросать камни, как велел Зевс.

Камни, которые бросал Девкалион, обратились в мужчин, а брошенные Пиррой — в женщин.

Так землю снова заселил род людской.

ФАЭТОН — СЫН СОЛНЦА

Древнегреческий миф

Однажды высокоходящий всевидящий бог Гелиос — Солнце — с высоты небес, со своей золотой колесницы, увидел в земле Эфиопии, на берегу Океана, нимфу Климену.

И ему, сжигающему африканскую землю своим знойным огнем, обжег сердце огонь любви. Он полюбил Климену. Пока не скроется опа с берега в доме, не хотел он уходить с неба, и оттого дпи стали длиннее.

Как-то вечером, отослав за море пастись четверку своих огненных коней, Гелиос закутался в темный облачный плащ и явился в дом Климены.

— Кто ты, незнакомец? — испуганно спросила нимфа.

— Я — бог Солнца и видел тебя с высоты неба! — ответил он.

Тут он сбросил плащ и явился во всем блеске красоты, в лучистом венце.

— Я — Гелиос, и я тебя люблю!

Ослепленная красотой и золотым блеском, Климена тоже полюбила Гелиоса и родила от него сына, которого назвала Фаэтоном.

Фаэтон вырос, стал юношей, и однажды он поссорился с сыном нимфы Ио и Зевса — Эпафом.

— Кто ты такой, чтобы спорить со мною? — упрекал его Эпаф.— Я сын самого Зевса, верховного бога. А ты — простой смертный, сын человека.

— Я сын Гелиоса. Я тоже сын бога.

— Ты просто глуп и ложно называешь отца.

Фаэтон покраснел от стыда и, придя домой, рассказал о ссоре с Эпафом своей матери. Разгневанная и оскорбленная Климена, воздев руки к небу и глядя на солнце, сказала:

— Этим светилом, весь мир озаряющим, клянусь тебе: ты порожден Солнцем, оплодотворяющим Землю! И если я лгу, пусть больше никогда не увижу его, пусть навеки ослепну!

— Я верю тебе, мать. Но как я докажу Эпафу правду моих слов?

— Мы живем не в скифской полночной земле,— ответила Климена,— от нас близки чертоги твоего отца. Иди к нему, и он даст тебе совет.

Фаэтон пустился в путь. Пройдя Эфиопию, дошел до Индии, миновал Индию, и вот перед ним среди бархатной ночи заблистал дворец Солнца. Крыша дворца была золотой, гребень ее из слоновой кости, а двери серебряные с мудреной чеканкой: шесть знаков Зодиака [1] на правых дверях и столь-

[1] Знаки Зодиака — двенадцать созвездий, по которым Солнце совершает свой видимый путь по небосклону: Телец, Лев, Скорпион и др.

ко же на левых. Здесь были изображены Рыбы, Близнецы и прекрасная Дева, лицом похожая на Климену. В этом сходстве Фаэтон увидел для себя добрый знак и ободрился душой.

Он открыл двери, вошел в большой зал — и тотчас прикрыл рукою глаза: среди зала, на златокованом троне в нестерпимом сиянии венца, в златотканой одежде, восседал Гелиос. Дни, Месяцы, Годы, Века окружали его.

Тут же стояли молодая Весна в венке из цветов; нагое Лето с золотым снопом на левой руке и серпом в правой; Осень держала налитые солнечным соком янтарные грозди винограда, а седая Зима стояла, распустив по плечам снежные космы.

— Зачем ты пришел сюда, чего ты ищешь в моем дворце? — спросил Гелиос.

— О свет всеобщий беспредельной Вселенной! Лживы видения ночи, но солнце нам освещает лишь правду,— сказал Фаэтон,— скажи мне, правда ли, что ты мой отец?

— Да, я признаю тебя своим сыном. Ты красив и неглуп, к тому же храбр, если посмел прийти ко мне.

Отпустив знаком свиту, Гелиос снял с головы слепящий венец и, сойдя с трона, приблизился к сыну. Смело взглянул на него Фаэтон.

— Отец, дай мне залог, чтоб я мог назваться твоим сыном перед людьми!

— Да, я вижу, ты достоин называться моим сыном, и Климена правдиво указала твое происхождение. Требуй любого залога, и я, клянусь нерушимой клятвой богов, наделю тебя им. Хочешь стать художником — и люди сбегутся смотреть на твои картины. Хочешь стать певцом или играть на лире — тебя увенчают лавром. Хочешь стать победителем в играх Олимпиады — тебя наградят и воздвигнут твою статую. Говори же!

— Это все хорошо, но все это доступно и обычным людям. Нет, я хочу, чтобы люди увидели меня на твоей колеснице. Хотя бы один раз хочу, правя твоими конями, промчаться по небу.

Гелиос покачал головой.

Он понял, что поторопился с клятвой.

— Дерзки слова твои, сын мой! Все бы я тебе дал, кроме того, что ты просишь! Надо большое умение, чтобы править огненной колесницей.

— Но я хочу совершить подвиг. Хочу, чтобы крылатая

слава пошла обо мне, чтоб, увидев меня, говорили: «Вот идет герой Фаэтон, который был в небе!»

— Героем стать непросто,— нахмурился отец.— Это не диск метнуть или копье. То, что ты просишь, смертельно опасно. Ты по рождению и воспитанию смертный, а просишь того, чего не просят и бессмертные боги. Лишь я один могу править огненной колесницей. Даже Зевс, что мечет молнии с неба, не стоял на огненной оси. Будь скромнее в желаниях.

— Скромны только слабые! Сильный рвется к победам!

— А если придет поражение?

— Пусть поражение, пусть даже смерть! Но я хочу дерзнуть!

— Ты смел — это хорошо. Но, когда в полдень кони восходят на высоту, даже мне бывает страшно взглянуть на море и землю. Взглянешь — и сердце замрет. А когда утром могучие кони круто поднимаются на небо и вечером съезжают с крутизны, требуется великая сила рук, чтобы править ими. Доверить тебе колесницу опасно не только для тебя, но для всего живого на земле. А на небесном пути угрожает большими рогами сильный Телец, грозит клешнями Рак. Скорпион замахивается своим ядовитым хвостом. Лев, разинувши пасть, готов пожрать неосторожного. Откажись, мой сын, от губительного желания. Ведь мало быть сыном, чтобы делать дело отца! Откажись!

Но Фаэтон упрямо повторял:

— Нет, хочу одного — колесницы и неба!

— Ну что же, я поклялся и исполню клятву.

Тяжко вздохнул Гелиос и повел сына на гладкое поле, откуда он взлетал на небо. Здесь, вся сияя, стояла золотая колесница. Исчезли в небе созвездия, и отроки привели мечущих пламя копей.

— Вот мои кони,— сказал Гелиос.— Их зовут: Огненный — Пироэнт, Зоревой — Эонт, Сверкающий — Антон и Пылающий — Флегонт. Запомни, быть может, понадобится окликнуть.

Гелиос смазал сыну лицо священною мазью, чтоб оно могло вынести пламя, надел ему свой лучистый венец, облачил в свою одежду.

— Не погоняй коней, лишь крепче натягивай вожжи, сдерживая их,— сказал он Фаэтону.— Они полетят сами. Там, на небосводе, увидишь следы колес, смотри не съезжай с колеи. Не приближайся ни к Дракону, ни к Змееносцу. Остальное вверяю судьбе: быть может, тебе повезет и оста-

нешься цел. Но дальше невозможно нам медлить: Эос[1] уже открывает ворота.

Фаэтон, не слушая отца, дрожа от нетерпения, поднялся на колесницу и взял вожжи. Огнедышащим ржанием наполнился воздух, кони копытами бьют в землю. Эос — Заря раскрыла розовые ворота, и колесница понеслась, пронзая облака.

Однако вскоре кони почуяли, что колесница непривычно легка и что вожжи держат слабые руки.

А Фаэтон увидел слева грозные рога Тельца и дернул вожжи — кони бросились вправо. А там уже Скорпион поднял свой грозный хвост, исполненный черного яду. Фаэтон обезумел от страха, закрыл лицо рукой. Кони свернули с обычного пути и помчались совсем низко над землей.

На земле загорелись деревья, растрескались поля, запылали села и города. Дымом покрылись леса, на вершинах растопились вечные льды, и в долины ринулись бурные потоки. Реки же и озера пересохли от жара, даже в Ниле стала убывать вода.

От великого земного жара колесница Фаэтона накалилась, его стал душить дым, и тогда юноша совсем отпустил вожжи.

Мать-Земля Гея подняла свой лик к небесам и взмолилась:

— О Зевс! Такое-то мне воздаяние за труды! За то, что даю зерно и плоды для людей, листья и травы скоту, за то, что питаю людей и животных? Громовержец, вырви же из пламени, что еще уцелело!

Зевс, в гневе размахнувшись, метнул молнию в возницу, и Фаэтон, пронзенный молнией, с пылающими волосами и одеждой, понесся к земле, подобно факелу, и упал в волны реки Эридан.

Так погиб упрямец Фаэтон, погубивши себя, и многих людей на земле, и плоды их трудов. А речные нимфы на том месте вблизи Эридана, где они погребли обгоревшее тело сына Гелиоса, поставили камень, на котором начертали:

ЗДЕСЬ ПОГРЕБЕН ФАЭТОН,
КОЛЕСНИЦЫ ОТЦОВСКОЙ ВОЗНИЦА.
ХОТЬ НЕ СДЕРЖАЛ ОН КОНЕЙ,
НО ПОГИБ, НА БОЛЬШОЕ ОТВАЖАСЬ!

---

[1] Эос — богиня зари.

ПИГМЕИ

Древнегреческий миф

Давным-давно, когда мир еще был полон чудес, Ливией владел сын бога морей Посейдона и богини земли Геи, великан по имени Антей. Рядом с его государством жил многочисленный народ — забавные крохотные человечки, которых называли пигмеями, что значит «люди размером в локоть». Они жили в мире и согласии. Пигмеи были так малы и так высоки были горы и необъятны пустыни, отделявшие их от остального человечества, что никому не удавалось взглянуть на них чаще, чем раз в сто лет.

Пигмеи были очень трудолюбивы. Их крохотные, как салфетки, поля были образцово возделаны. Города, похожие на игрушечные, блистали чистотой. И Антей, этот настоящий человек-гора, дружески улыбался своим маленьким братьям.

Пигмеи охотно беседовали с Антеем. Привстав на цыпочки, задрав головки и приложив ко рту руки, они кричали изо всех сил:

— Здравствуй, братец Антей! Как поживаешь?

И когда еле внятный, тонкий голосок достигал уха великана, в ответ раздавался громоподобный рев, от которого шатались, как былинки, самые высокие дома пигмеев.

— Спасибо, братец пигмей, понемножку!

Конечно, пигмеям очень повезло, что великан был так дружески расположен к ним. Он позволял пигмейским ребятишкам играть в прятки в его волосах и раскачиваться на его бороде, словно на гигантских качелях. Он с готовностью помогал им: крылья их мельниц продолжали вертеться и без ветра, потому что его вполне заменяло дыхание великана. А когда солнце слишком припекало, он усаживался на землю, и тень его падала на всю страну пигмеев, от одной границы до другой. В то же время он был достаточно мудр, чтобы предоставить пигмеям право самим решать свои внутренние дела, а это, пожалуй, самое лучшее, что большие люди могут сделать для маленьких.

Между тем крохотные друзья великана, как и все маленькие люди, были очень высокого мнения о себе и относились к Антею весьма покровительственно.

— Бедняжка! — говорили они друг другу. — Как ему, должно быть, скучно, ведь он так одинок на белом свете! Что бы он делал без нас? Мы должны хоть немного развлекать его и заботиться о нем!

Единственно, что мешало пигмеям жить спокойно,— это постоянная война, которую они издавна — и уж никто не помнил, по какому поводу,— вели с журавлями.

Если верить некоторым историкам, то пигмеи выезжали на сражения верхом на козлах и баранах. Но посудите сами, могло ли это быть? Ведь и козлы, и бараны слишком велики для таких наездников, как пигмеи. Скорее всего, они мчались на бой, оседлав белок, кроликов, крыс, а возможно, и ежей, чьи колючки должны были устрашать врага.

Журавлям в бою, правда, удавалось иногда длинными своими клювами выдернуть двух-трех пигмеев из боевых рядов, как морковку из грядки, и бесцеремонно проглотить, даже не разжевывая. Но когда порой победа склонялась на сторону журавлей, Антей вступался за своих приятелей. Размахивая своей палицей, он в мгновение ока разгонял журавлей. А пигмеи с триумфом расходились по домам и пировали.

Однако, как оказалось, великан не был всесилен. Однажды он спал, и вдруг земля содрогнулась. Какой-то пигмей проснулся раньше других и в ужасе закричал:

— Вставай, братец Антей, на нас надвигается громадная гора!

Антей отмахнулся:

— Экие, мол, пустяки! Кто посмеет!

А посмел греческий герой Геракл, который обладал такой огромной силой, что даже мог подпереть небесный свод. Геракл приблизился и грозно вызвал Антея на бой.

Страшно затрещали скрестившиеся палицы. Скрипела и стонала под пятой гигантов земля. Бедные пигмеи заткнули от страха уши и не знали, куда бы скрыться от такой напасти.

Наступил уж вечер, а битва продолжалась, не принося победы ни одному из противников. Но вот Геракл изловчился, обхватил и оторвал Антея от матери Земли, поднял его на воздух. Антей тут ослаб и выронил свою дубину, которая вонзилась в землю.

Геракл разгадал тайну Антея. Победить рожденных Землей великанов нельзя до тех пор, пока они стоят на родной почве!

Вопль отчаяния издали осиротевшие пигмеи. Словно туча комаров пропищала. Но Геракл не обратил на это никакого внимания. Утомленный боем, он жаждал одного: отдохнуть, хорошенько выспаться, чтобы набраться сил для следующих подвигов, которые ему предстояло свершить.

Геракл задремал. Тогда пигмеи решили отомстить ему за расправу над Антеем. Но как? Ни их пики, ни мечи, ни стрелы не страшны Гераклу, и пигмеи, обычно такие добродушные, решились на коварство. Они принесли хвороста, сена, положили вокруг спящего Геракла и подожгли.

Геракл проснулся от жара, затоптал костры, но никого вокруг не увидел и очень удивился. Потом ему почудился какой-то писк. Прищурившись, он разглядел крохотных человечков. Вслушавшись, он понял их речь. Геракл сказал, взяв на руки с величайшей предосторожностью одного из пигмеев:

— О ты, чудо из чудес! Твое тельце величиной с мизинец обыкновенного человека, как же велика может быть твоя душа?

— Она так же велика, как и твоя! — гордо ответил пигмей.

Геракл был так тронут этими словами, что пообещал немедленно покинуть землю пигмеев.

ГЕРАКЛ У ЦАРЯ АДМЕТА

Древнегреческий миф

Далеко на север от Афин, за горным проходом Фермопилы, лежит страна Фессалия. В древности она была знаменита своим виноделием и многочисленными стадами. Владел ею тогда прекрасный и благородный царь Адмет. С ним дружил даже сам бог Аполлон!

Адмет был женат на прекрасной Алкесте, дочери царя города Иолка.

Когда под звуки свадебных флейт, свирелей, бубнов, среди приветственных кликов, увенчанная розами вошла Алкеста в дом мужа, Аполлон одарил Адмета неслыханным свадебным подарком — второй жизнью. Светлый солнцекудрый бог спустился в мрачную подземную пещеру, где при свете неугасимой лампады три богини судьбы, три седые сестры Мойры, пряли нити человеческих судеб. Лахесис подбирала сорта и цвета шерсти, определяя жребий будущего человека; Клото пряла нить его жизни; Атропа большими ножницами обрезала ее в назначенный час. Они были сильнее самих богов.

— Вещие сестры,— склонился перед ними Аполлон,— впервые прихожу я к вам с мольбой. Я молю вас — и тебя особенно, суровая Атропа,— когда настанет последний час Адмета, продлите нить его жизни. Он мой друг.

Атропа подняла на него свой ледяной взгляд и медленно сказала:

— Да, светлый бог, ты просишь впервые. Я согласна продлить жизнь Адмета, если кто-нибудь из людей добровольно согласится сойти вместо него в Аид, царство мертвых. Тогда я поверю, что твой Адмет действительно нужен на земле!

— Благодарю тебя, непреклонная Атропа! — ответил ей Аполлон.— В Фессалии много людей, готовых всем пожертвовать ради Адмета.

Во всей Фессалии не было четы счастливее, чем Алкеста и Адмет. Улыбка Алкесты озаряла дом, как первые лучи весеннего солнца. Любой слуга считал радостью и честью исполнить любую ее просьбу: она никогда не приказывала, а лишь просила. Закоренелые злодеи, воры, приведенные на суд царя Адмета, плакали под ее укоризненным взглядом. И во всей Фессалии воцарился мир.

Шли годы, и вот однажды Адмет был ранен на охоте клыками вепря. Из раны текла кровь, унося с собою жизненные силы, и был один-единственный способ спасти Адмета от неминуемой смерти.

Но, когда пришла беда, Адмет тщетно взывал к людям, чтобы они приняли за него смерть. Никто — ни облагодетельствованные им бедняки, ни помилованные преступники, ни юноши, ни старцы — не согласился вместо него сойти в Аид. Тогда прекрасная Алкеста тихо промолвила:

— Мне без тебя все равно не будет радости в жизни. Я согласна умереть. Слышите, боги преисподней. Я согласна!

Тотчас чудесным образом кровь остановилась, и рана Адмета затянулась.

Алкеста сама оделась в погребальные одежды и, подойдя к домашнему алтарю, сказала:

— О великие боги! В последний раз я преклоняю перед вами колени. Сегодня я должна сойти в область Аида. Защитите моих сирот, защитите моего Адмета, помогите ему преодолеть горе!

Украсив цветами алтарь богов, Алкеста в слезах упала на ложе. Горько рыдали дети, плакали слуги, Адмет в отчаянии молил жену отменить свое решение... Но было поздно! К дворцу Адмета уже приближался на своих черных

крыльях Танатос, ненавистный богам и людям бог смерти.

Ему заступил дорогу Аполлон, умоляя сжалиться над красотой и юностью Алкесты.

— Отойди с дороги, Аполлон, — холодно отвечал Танатос.— Ты же сам этого просил, и уже немного времени осталось, когда неотвратимая Атропа перережет нить жизни Алкесты.

— О, я чувствую уже близость ледяного дыхания Танатоса!..— говорила Алкеста.— Я уже слышу, кричит мне Харон, перевозчик душ умерших: «Что же ты медлишь, спеши в мою ладью». Слабею... Черная ночь покрывает мои очи... Адмет, ты был мне дороже жизни, дороже детей. Так живи же для них! Пусть им и тебе светит солнце. Но пусть не войдет к ним мачеха! Одно мне обещай — ты не введешь в свой дом другую женщину. Будь счастлив!

— Всю радость жизни ты уносишь от меня, Алкеста! О боги, возьмите мою жизнь или верните мне жену! — воскликнул Адмет.

— Прощай, мой любимый! Глаза мои уже закрываются. Прощайте, дети!

Алкеста умерла. Ее тело перенесли в гробницу. Весь город оделся в черные одежды, и вот завтра должны были состояться похороны.

Но в день накануне похорон неожиданно постучался в дверь дворца гость, давний друг Адмета — герой Геракл, великий истребитель чудовищ. Он уже совершил немало славных подвигов, победил гигантского льва в Немее, гидру в болотах Лерны, стрелокрылых птиц Стимфалид и дикого критского быка-людоеда, теперь он шел на север на свершение нового подвига.

— Привет тебе, сын Зевса! — радушно встретил его Адмет. Он приказал накрыть роскошный стол для гостя и ни словом не обмолвился о постигшем его горе.

Однако, выпив два или три кубка вина, Геракл заметил слезы на глазах виночерпия.

— Поведай мне, о чем ты плачешь? — спросил его герой.

— Эх, чужестранец, разве ты не слышал, что жена Адмета, прекрасная Алкеста, пожертвовала ради мужа своей жизнью и завтра ее похороны!

— Как, Алкеста умерла? Знай: я не чужестранец, я Геракл и друг Адмета.

Взяв лук, колчан с отравленными стрелами и свою огромную палицу, Геракл бегом устремился из дома Адмета. За то время, что осталось до похорон, он должен был опере-

дить Танатоса и первым достичь ворот Аида. Какой-то внутренний голос шептал ему:

«Как же ты, смертный, спустишься в царство смерти? Не лучше ли оставить Адмета с его горем и уйти?»

Но тут же Геракл вспомнил вещий сон, который он увидел еще в юности. Ему тогда приснилось, что он стоит на распутье дорог. По одной дороге к нему приближается стройная, скромная женщина в длинной белой одежде, по другой — пестро и роскошно одетая, с подкрашенными щеками и губами, с подведенными глазами.

«Геракл, избери мой путь и будешь жить спокойно и весело. Ты не должен будешь трудиться и станешь думать только о вкусных блюдах и винах, о красавицах... Мое имя Нега»,— сказала пестро и роскошно одетая женщина.

«А я тебя зову на путь борьбы, путь мудрости и силы,— сказала другая.— Но они даются лишь в трудах. Яства и вина приедятся, а в тебе достаточно сил, чтобы прославиться по всей Элладе».

И тут на ее голове вдруг появился шлем, в руках щит и копье, и Геракл узнал Афину.

Тогда он твердо решил идти ее путем, и вот семь подвигов он уже совершил.

У самого южного мыса Тенар, за рощей черных тополей, был вход в подземное царство Аида. Геракл сошел под землю и по дороге мертвых пришел к огромным медным воротам. Размахнувшись изо всей силы палицей, Геракл ударил в ворота. Раздался тяжелый гул, как раскат грома. После третьего удара со звоном распались засовы ворот и створки распахнулись. Вот герой уже на берегу адской реки Ахеронта. Седой перевозчик Харон удивленно взглянул на него:

— Ты, живой, как попал ты в царство мертвых? Убирайся вон!

— Я выполняю волю отца моего — Зевса и иду к самому Аиду. Молчи и вези.

Миновал Геракл реку забвения Лету, и другие реки подземного мира — морозный Коцит и пылающий Пирифлегетон. Он видел много теней своих земных знакомых. Мимо него промчался, не узнавая, старый друг кентавр Хирон.

И вот уже виден подземный дворец Аида. Но как только он приблизился к нему, навстречу вышли сторукие исполины, стражи дворца.

— Дорогу! — крикнул Геракл.— Именем Зевса сын его приказывает вам: дайте дорогу!

В огромном чертоге, где черные скалы стояли словно колонны, при дымном багровом свете подземных огней восседали на каменных престолах владыка подземного мира и царства мертвых Аид, в тяжелом золотом венце, и его жена Персефона.

— Привет тебе, племянник,— любезно сказал грозный Аид.— Гул разбитых медных ворот достиг и до нашего слуха. Пока ты здесь — ты гость. Приказывай!

— Нет, я всего лишь человек и не смею приказывать богам. Ворота и сторукие стражи уступили не мне, а воле Зевса, моего отца и твоего брата. А я только прошу оказать милость и вернуть Алкесту моему другу Адмету. Она добровольно раньше своего срока сошла в твое царство мертвых.

В это время сверху спустился на своих черных крыльях Танатос, неся на руках тело Алкесты.

Аид рассмеялся:

— Хорошо, Геракл! Если победишь Танатоса, возьмешь Алкесту, а если нет — не взыщи! Ты еще не бессмертен! И стрелы твои здесь бессильны.

Танатос повернул к Гераклу свое бескровное, неподвижное лицо. Взгляд его леденил кровь. Но Геракл, не глядя ему в лицо, бросился вперед и обхватил его могучими руками, как когда-то Немейского льва. Танатос дышал на него холодом и смрадом смерти, но Геракл жал все сильнее и вдруг, заведя ему руки назад, связал их своим поясом.

— Ты победил, Геракл! — сказал Аид.— Ты первый из людей победил смерть! Бери Алкесту.

...Адмет, вернувшись после похорон жены, сидел погруженный в глубокую скорбь, не принимая пищи и посыпав голову пеплом очага.

И вдруг в его спальню входит Геракл, ведя за руку женщину под густым покрывалом.

— Прими эту женщину, Адмет. Она досталась мне после тяжкого боя.

— Никогда никакая женщина не войдет в мои покои! — ответил Адмет.

— А ты все-таки прими ее!

— Отведи ее к кому-нибудь другому. Она, как видно, стройна и хороша собой, но именно поэтому я не могу ее принять.

— Возьми ее за руку, Адмет, так я приказываю тебе, твой друг!

Взяв за руку женщину, Адмет почувствовал волнение —

рука была слишком знакомая. Геракл отбросил покрывало. Адмет оцепенел от удивления.

— Геракл, кто это? Призрак Алкесты?

— Нет, она сама! Я добыл ее в бою со смертью.

— Но почему она молчит? Почему бледна?

— Она еще посвящена подземным богам и будет молчать еще три дня. А потом все будет как прежде. Только за эти три дня принеси искупительные жертвы владыкам царства Аида. Теперь же прощай, Адмет! Другой долг призывает меня. Всегда блюди закон гостеприимства, заповеданный Зевсом, и будь здоров и счастлив!

— О великий сын Зевса! Ты возвращаешь мне радость жизни! Будь благословен и славен вовеки.

А Геракл накинул львиную шкуру, положил на плечо дубину и удалился навстречу новым подвигам.

ДЕДАЛ И ИКАР

Древнегреческий миф

Жил в Афинах знаменитый художник Дедал — скульптор, архитектор и изобретатель. Много полезных вещей изобрел он, много построил великолепных дворцов и храмов, богато изукрасив их лепкой, резьбой и позолотой. Целые дни он проводил в своей мастерской — с резцом или кистью в руках — или на своих постройках.

Но вот на Афинское государство напал враг — жестокий царь острова Крита Минос.

Афинское войско было разбито. Тогда Минос-победитель наложил на афинян страшную дань: девять лет ежегодно должны они были выбирать по жребию семь юношей и семь юных девушек и посылать их на Крит на съедение чудовищу — людоеду Минотавру, получеловеку с головой быка.

А еще царь Минос сказал:

— Лучший строитель Эллады должен своим искусством украшать мое царство!

И Минос увез Дедала и сына его Икара из Афин в свое царство, на остров Крит.

Сначала Минос приказал Дедалу возвести Лабиринт, темную постройку без окон и со множеством путаных кори-

доров, но с единственным выходом, чтобы там поселить Минотавра и чтобы ни сам Минотавр, ни отданные ему на съедение люди не могли бы выйти на волю. Дедал построил Лабиринт. В нем разнообразные пути и тупики пересекались подобно извивам равнинной реки, текущей то вправо, то влево. Сам строитель с трудом находил здесь обратный выход.

Затем Дедал украсил дворцы и храмы городов Крита. На царских пирах гости поднимали чаши, изваянные его резцом. Когда в них наливали золотистое вино, на дне чаши начинали плясать фигурки. Он рисовал на амфорах и вазах Олимпийские игры — это напоминало ему родину.

Сын Дедала, прекрасный юноша Икар, перенимая мастерство отца, и сам уже делал красивые вещи из серебра и слоновой кости, и его работы вызывали восхищение и похвалу. Но часто, оставив резец или молоток, бродил Икар у берега моря, слушая его вечный немолчный гул, и мечтал о том, как бы вырваться из плена на волю. Он жадно всматривался в синее небо, такое же, как в родных Афинах, следил за полетом птиц, свободно взмывающих в эту бездонную синь сквозь перистые облака. Но больше всего на свете любил Икар солнце — жаркое, сверкающее, слепящее и манящее. Встав на рассвете, когда звезды еще только смежали свои золотые ресницы и вечно юная Эос — богиня зари — открывала облачные свои врата солнечной колеснице Гелиоса, Икар выбегал к морю. Встречая выходящий из моря золотой диск, он радостно кричал, воздевая руки:

— Эвоэ, высокоходящий бог Гелиос! Ты прекрасен и могуч, ты щедр, как никто в мире. О, как я люблю тебя, солнце!..

— В какой стороне наша родина, отец? — спрашивал Икар Дедала.— Неужели мы так и не увидим больше наши храмы, наши оливковые рощи?

— Мы бы могли, конечно, доплыть туда на корабле — не так уж далеко. Но царь Минос меня не отпустит,— отвечал ему Дедал.

Часто, провожая глазами свободный полет орла — царственной птицы Зевса,— Икар грустно говорил Дедалу:

— Отец, отчего мы не летаем? Неужели мы хуже птиц? Человек одарен высшей мудростью, твои руки способны на все, а мы осуждены ходить по земле и никогда не увидим небо вблизи. Ну почему же мы не можем так же плавать и в воздухе? Небо зовет меня, отец!

— Смирись, мой сын! Богами и природой нам суждено

жить на земле. Так лучше трудом своим украшать землю и нашу жизнь на земле.

Но сыновьи слова о полете запали в сердце Дедалу:

— Пусть всем здесь владеет Минос, кораблями и морем. Воздухом он не владеет! Небо свободно! И мы откроем небо для себя, для своей свободы.

И дивный искусник Дедал погрузился в работу. Взяв тонкое полотно и скроив из него крылья, он начал прилаживать к ним перья: сначала большие — орлиные, маховые. За ними шли перья все меньше и меньше. Он связал перья посредине нитками, концы же прикрепил к полотну воском. Икар мял желтый воск, подавал отцу перья.

Но вот труд окончен. Дедал опоясал тело ремнями, вытянул руки вдоль крыльев, встал на краю обрыва, разбежался, взмахнул крыльями и, поддержанный встречным зефиром, легко поплыл в воздухе.

Потрясенный Икар смотрел на полет. Он кричал от восторга и хлопал в ладоши, видя отца в синеве.

Спустившись на землю, сняв крылья, Дедал принялся за вторые и скоро их закончил. И, глядя на них с надеждой, Икар снова мял ему воск. Подогнав ремни к стройному телу юноши, Дедал сказал ему:

— Ну вот и исполнена твоя просьба! Ты полетишь. Только, сын мой, послушай. Нам нельзя опускаться низко: волны добросят водяные брызги, и крылья намокнут, отяжелеют. Подниматься слишком высоко тоже нельзя — солнечный жар растопит воск, которым скреплены перья. Лети за мной, держась середины.

Рано утром, когда все во дворце еще спали, Дедал вывел сына к обрыву, и оба взлетели в небо.

Они пролетели над всем островом Критом. Ранний пахарь увидел их и подумал: «Боги, наверно, летят».

Так же подумал, опираясь на посох, пастух.

Вот миновали они один остров, уже пролетели другой и третий. Птицы летели над морем ниже их.

Быстро привыкнув к полету, почувствовав свободу, Икар вскинул голову к восходящему солнцу:

— Эвоэ, высокоходящий Гелиос! Вот я уже лечу к тебе! Скоро мы свидимся.

И тут, взмахнув сильнее крылами, Икар стал подниматься все выше, охваченный счастьем полета. Все выше и выше... Тогда Гелиос осыпал его своими жаркими поцелуями. Уже прохлада морская не умеряла их зной, и вот желтый

воск начал таять, и перья из крыльев Икара начали выпадать. Голыми взмахивает он руками.

— Отец!..— позвал Икар и, словно камень из пращи, понесся вниз, к морю...

Дедал оглянулся и увидел, что в морской пене плавают перья. Он снизился, и — о ужас! — на прибрежном камне, что выдавался из воды, увидел сына. Кровью было облито смуглое стройное тело, переломаны руки и ноги.

— Сын мой единственный! — в горе воскликнул Дедал.— Сын мой! Зачем же не послушался ты моих советов?! Близко уж родина наша!

— Мне ее не увидеть,— слабо ответил Икар.— Но сбылась моя мечта. Я видел вблизи небо и солнце! Я порвал земные оковы! Мечте же стоит пожертвовать жизнью. Хотя и недолго, но я был счастлив.

И несчастный отец предал погребению тело сына там, где он упал. С тех пор тот залив называется Икарийским.

ДВА НАКАЗАНИЯ ЦАРЯ МИДАСА

Древнегреческий миф

1. ЗОЛОТОЕ ПРИКОСНОВЕНИЕ

Была в древности в Малой Азии страна Фригия, в которой царствовал скупой и глупый царь Мидас.

Однажды бог вина и веселья Дионис заехал в гости к Мидасу, и старому скупцу пришлось устроить в его честь пир.

— Благодарю тебя, царь Мидас, за твое радушное гостеприимство,— сказал Дионис, уезжая.— Проси в награду все, чего ты хочешь.

Тусклые глаза Мидаса загорелись жадностью.

— Сделай так,— попросил он,— чтобы все, к чему я прикоснусь, превращалось бы тотчас в золото.

Дионис нахмурился.

— Хорошо, будь по-твоему, Мидас,— молвил бог.—Завтра, как только первые лучи Гелиоса позолотят колонны твоего дворца, исполнится твое желание. Но смотри, кабы не пришлось тебе каяться.

— Нет, о великий бог, я не буду каяться: золото — цель моей жизни.

Дионис взошел на свою колесницу, и упряжка тигров помчала его. За ним тронулась в путь и вся шумная свита.

В волнении Мидас прохаживался по дорожкам своего сада. «Завтра,— думал он,— я все превращу в золото. Вот на клумбе растут белоснежные розы — золотые они будут еще прекраснее! Вот отягченная плодами яблоня. Гераклу, чтобы добыть золотые яблоки Гесперид, понадобилось идти на край света, и то он принес только три яблока. Я же буду иметь их сколько хочу».

Всю ночь не спал жадный царь, мечтая о грудах золота в своих подвалах. Так и не снимал он одежду и не ложился — ожидал первых лучей солнца, сидя в дубовом кресле.

Наконец Эос — заря — бросила в окна свой розовый свет, а за нею ярко сверкнул первый луч и озарил Мидаса. Тотчас дубовое кресло, в котором сидел царь, стало золотым троном. Мидас выбежал из дворца, бросился к розам, стал нетерпеливо прикасаться к ним. И розы одна за другою пожелтели. Он схватился за ствол яблони, и крупные красные яблоки и зеленые листья стали желтеть и превращаться в золотые. В полном восторге метался Мидас по саду от дерева к дереву, и скоро весь его сад пожелтел, звеня под порывами ветра, как египетский систр [1].

Царь поднял с земли камень — и уронил его, таким он вдруг стал тяжелым. Мидас хлопнул три раза в ладоши. Явился дворецкий.

— Эй, поставь сюда кресло и созови всех моих рабов. Пусть они несут отовсюду камни.

Дрожа от радости, Мидас возлагал руки на камни и превращал их в золото.

— Эй, дворецкий! Сегодня будет пир. Созвать гостей и пригласить ко мне на пир красавицу Хризофилу!

К вечеру стали сходиться гости. В пышных носилках рабы принесли Хризофилу.

Как только она вошла в пиршественную залу, Мидас устремился к ней навстречу.

— О Хризофила! Если ты будешь ко мне благосклонна, то станешь богатейшею женщиной мира.

Но только Мидас положил руку ей на плечо, как краски

---

[1] **Систр** — древний египетский музыкальный инструмент, состоящий из металлических пластин.

сбежали с лица Хризофилы, руки утратили гибкость и застыли. Женщина превратилась в золотую статую.

Но Мидас не горевал.

— Так пусть же будет в моем дворце самая красивая в мире золотая статуя! — воскликнул он.— Поставьте ее на пьедестал, и начнем пир. Эй, виночерпий, палей мне фалернского вина!

Однако, взяв в руки кубок, который из деревянного сразу стал золотым, и, прихлебнув вина, Мидас увидел, что кубок наполнился расплавленным золотом. Ему нестерпимо жгло губы и глотку. Мидас уронил кубок, расплавленное золото разлилось по скатерти, скатерть запылала. Зала наполнилась дымом. Забегали в ужасе гости. Закричали громко рабыни.

Вслед за гостями Мидас выбежал из горящего дворца в виноградник. Там он бросился на колени и, воздев руки к нему, взмолился:

— Прости меня, Дионис, за мое неразумие! Мои подвалы полны золота, но оно не принесло мне радости. Мне стали недоступны столы с обильной пищей. Голод томит меня среди изобилия, и жажда жжет горло. Я сам этого захотел, но все же сжалься, молю, надо мной! Избавь меня от моего чудесного дара все превращать в золото!

И Дионис, самый веселый из богов-олимпийцев, сжалился. Зашелестели листья винограда, и Мидас услышал голос Диониса:

— Разве я не предупреждал тебя, глупый Мидас? Во зло употребил ты мою благодарность. Но чтобы ты не умер, задавленный своим золотом, ступай пешком по берегу реки Пактол до его истока близ горы Тмол и там, где он, стекая с горы, бьет с наибольшей силой, войди в водопад и окунись с головой. Там смоется твой грех и с ним проклятие золота!

Покинув свой опустевший дворец, Мидас отправился в далекий путь. Долго шел он, палимый солнцем, мучимый голодом и жаждой. И наконец дошел до истока реки Пактол.

Он вошел в прохладные струи. Входя в реку, Мидас взялся рукой за прибрежную скалу, и в ней сейчас же проступило золото, а в воде заискрились золотые крупинки. С тех пор Пактол стал золотоносным, а в горе до сих пор видна древняя золотая жила.

Выкупавшись в Пактоле, Мидас утратил способность превращать в золото все, к чему прикасался.

Так закончилась эта история

Но чтобы люди не забывали о ней, каждую осень деревья одеваются в золотые листья, как бы напоминая, что золотой цвет — это цвет смерти и что лишь зеленый — цвет жизни и надежды.

2. ОСЛИНЫЕ УШИ МИДАСА

Исцелившись от жажды золота, Мидас полюбил прогулки в лесах и равнинах и подружился с лесным богом Паном, веселым богом пастухов и охотников.

Пан взял семь тростинок разной длины, слепил их воском, прорезал отверстия — получилась семиствольная свирель — и начал играть.

Пастухи и поселяне, нимфы, обитательницы лесов и гор — дриады и ореады, услышав звуки свирели, сбегались слушать Пана.

Возгордился Пан и сказал:

— Ведь я играю лучше самого Аполлона.

Донеслась эта похвальба до Аполлона. Нахмурился златокудрый бог и вдруг явился пред играющим Паном и его слушателями.

— Ты хвалился своей игрой,— сказал Аполлон Пану,— что ж, вызываю тебя на состязание. Кто будет судьей в нашем поединке?

— Пусть будет судьей бог горы Тмол,— сказал Пан.

Тмол в знак согласия кивнул вершинами росших на нем деревьев.

При этом состязании присутствовал и царь Мидас.

Первым начал Пан. Зазвучали веселые переливы свирели. Они оглашали лес, подобно певчим птицам. А Пан играл все громче, все быстрее и кончил веселой руладой. Все смеялись и приплясывали.

Потом на середину зеленой лужайки вышел Аполлон. В струящихся складках его длинной хламиды переливались радужные солнечные отблески. Его золотые кудри были увенчаны венком из вечнозеленых ветвей лавра. Глаза его горели. В левой руке он держал кифару[1] из индийской слоновой кости с украшениями из драгоценных камней.

Аполлон ударил по струнам. Полилась музыка торжественная и радостная, как восход солнца. Это была гармония

---

[1] Кифа́ра — древнегреческий музыкальный инструмент.

небесных сфер. Даже ветер перестал шуметь вершинами деревьев. А вещие струны кифары звенели, словно ручей, пронизанный солнечными бликами. Звуки летели в синее небо и смешивались там с солнечными лучами. Они пели о радостях и горестях любви, о всей жизни человека и природы. И пока Аполлон играл, собрались вокруг лесные звери. Даже камни со склонов Тмола скатились вниз, чтобы лучше слышать его игру.

Когда Аполлон кончил, все с минуту молчали как завороженные.

Преклонились, зашумев зеленой листвой, деревья на склонах горы, и раздался голос Тмола:

— Друг Пан, ты играешь хорошо, но Аполлон играет лучше тебя. Преклони же свою свирель перед великим искусством!

Все присутствующие горячо одобрили приговор старого Тмола, один лишь Мидас недовольно сказал:

— Я не согласен! Конечно, златокудрый Аполлон играет хорошо, но слишком грустно и тихо.

Аполлон гневно взглянул па говорящего:

— Ты плохо слышишь мою игру? Значит, чтобы ты мог лучше слышать, тебе нужны уши побольше твоих.

С этими словами Аполлон слегка потянул Мидаса за уши. И вдруг уши царя Мидаса стали вытягиваться, обрастать беловатой шерстью и превратились в ослиные. Закрыв голову краем плаща, Мидас в ужасе убежал домой. Там он надел высокую шапку и с тех пор всегда носил ее.

Только один человек — цирюльник — знал о том, что́ скрывал Мидас под высокими шапками.

— Молчи или умрешь! — сказал ему царь.

Однако этот цирюльник был болтлив, как все брадобреи мира. Не в силах молчать и не смея рассказать никому из людей то, что знает, он ушел в лес, выкопал ямку и в нее прошептал:

— А у царя Мидаса ослиные уши!

Засыпав яму землей, цирюльник ушел, думая, что никто не узнает тайны. Но он просчитался. На месте засыпанной ямы вырос густой тростник, который при каждом дуновении ветра шелестел:

— А у царя Мидаса ослиные уши! Ослиные уши!

Так люди узнали тайну царя Мидаса.

ИЗ СКАЗАНИЙ О ТРОЯНСКОЙ ВОЙНЕ

Древнегреческие мифы и легенды

Часть I

ЯБЛОКО РАЗДОРА

1. СВАДЬБА ПЕЛЕЯ

Зевс собирался жениться на морской богине Фетиде. Но, узнав, что ей суждено родить сына более могущественного и славного, чем его отец, отказался от своего намерения. Он решил выдать ее замуж за Пелея, одного из славнейших героев Эллады.

Невиданно пышно отпраздновал герой Пелей свою свадьбу. Сам Зевс и все боги Олимпа присутствовали и весело пировали на ней.

Не пригласили на свадьбу только богиню раздора — Эриду. Эрида обиделась, затаила зло и стала думать о мести. Она взяла красивое золотое яблоко и начертала на нем одно только слово: «ПРЕКРАСНЕЙШЕЙ». В разгар свадебного пиршества Эрида неслышно подошла к дверям пиршественного зала, приоткрыла их и бросила свое золотое яблоко. Сверкая, покатилось оно по полу. Пелей поднял его и вслух прочел надпись.

Среди богинь возгорелся спор, кому же предназначался этот дорогой подарок; каждая, конечно, считала, что ей! Наконец остались только три общепризнанные красавицы: богиня Гера — супруга Зевса, его дочь, синеокая дева-воительница Афина Паллада и Афродита — богиня любви и красоты.

Однако никто из присутствующих не хотел взять на себя роль судьи в этом споре.

Тогда Афродита предложила:

— Отдадим решение нашего спора на суд самого красивого мужчины из смертных.

— Но кто же он?

— Это царевич Парис! — ответила Афродита.— Сейчас он еще никому не известный пастух в троянской земле, и люди называют его Александром. Но ему предназначено славное будущее потому, что на самом деле он царевич, сын царя Приама.

Афина и Гера согласились с предложением Афродиты. Гермес взял в сумочку спорное яблоко, и все четверо отправились за море, на берег Малой Азии, в троянскую землю.

2. СУД НА ГОРЕ ИДЕ

Однажды жене царя Трои Приама, царице Гекубе, приснился странный сон, будто она родила горящий факел. От этого факела загорелся сначала ее дом, а потом и весь город Троя. Проснувшись, она, встревоженная, пошла к жрецу Аполлона.

— Ты родишь сына, царица, от которого сгорит наш город,— объяснил жрец.

У Приама и Гекубы уже было несколько сыновей, среди них и славнейший герой Трои — Гектор. Поэтому, когда родился еще один сын — Парис, Приам приказал своему пастуху связать новорожденному ноги, отнести в лес и оставить его там на верную гибель.

Однако мальчик не погиб: его подобрали пастухи, выкормили, вырастили, и теперь он стал сильным юношей. За победу над ворами, пытавшимися угнать стадо, его прозвали Александром, то есть побеждающим мужей. Он мирно жил в пастушеской хижине со своей женой — горной нимфой Эноной, мудрой и спокойной.

Утром, позавтракав ячменными лепешками и козьим сыром, Александр повел, как обычно, свое стадо на сочные горные луга на склонах богатой прохладными ключами горы Иды. Сидя на берегу ручья, он наигрывал на двойной флейте мирные песни фригийских пастухов.

Вдруг в солнечном небе что-то ярко засияло, как второе солнце. Заслонив глаза ладонью, пастух увидел блестящую золотую колесницу. С нее сошли три величественные, прекрасные женщины в богатых одеждах и юноша в круглой шапочке с крылышками.

— Не бойся, Александр! — сказал юноша.— Я бог Гермес, а это богини Гера, Афина и Афродита. Они просят тебя решить их спор. Возьми это золотое яблоко с надписью «ПРЕКРАСНЕЙШЕЙ» и отдай той, которую сочтешь достойной получить его.

Держа в руках яблоко, пастух переводил глаза с одной на другую: все три казались ему озаренными небывалой красотой.

— Если ты присудишь яблоко мне,— приблизившись,

сказала Гера,— я сделаю тебя великим царем и ты будешь властвовать над всей Малой Азией.

— А я,— сказала Афина,— сделаю тебя мудрейшим полководцем, и слава о твоих подвигах наполнит мир. Ты завоюешь земли до самой Индии.

Афродита же улыбнулась и шепнула ему на ухо:

— А если ты присудишь яблоко мне, я дам тебе в жены красивейшую женщину всей Эллады.

И Александр решительно протянул драгоценную награду Афродите. Гера и Афина нахмурились и, молча повернувшись, взошли на колесницу. Афродита же, лучезарно улыбнувшись, сказала:

— Так помни же мое обещание! Пройдет немного времени, и оно исполнится.

Собрав раньше, чем обычно, стадо, Александр отправился домой и рассказал жене о странном явлении богинь.

— Тебе, наверное, напекло голову. Злой полуденный бес навеял тебе эти видения. Пойди к алтарю и принеси жертву богиням, видно, ты их чем-то разгневал,— сказала рассудительная Энона.

3. ЦАРЕВИЧ

Прошло немного времени, и царь Приам устроил атлетические состязания в Трое. Наградой победителю должен был служить белоснежный бык.

На пастбище выбор посланцев царя пал на быка, которого особенно любил Александр. Пастух сам должен был отвести его в город.

Придя в город и приведя быка на стадион, пастух спросил:

— Все ли могут участвовать в состязаниях?

— Все, кто умеет метать копье и диск, бегать и бороться,— ответили ему.

— А если я одержу победу, я смогу отвести быка к себе домой?

— Конечно! Только вряд ли тебе это удастся,— сказал царевич Деифоб, сам с восторгом смотревший на прекрасное животное, исполненное силы и могучей красоты.

«Еще посмотрим, царевич!» — подумал Александр.

Конечно, пастух был неопытен в атлетике, но Афродита уже опекала того, кто ей принес победу над столь славными соперницами. Она направляла сама каждое движение Александра,— его диск и его копье летели дальше всех. А бегать-

то он и сам был мастер. Судьи единогласно присудили победу Александру.

Деифоб был в ярости. И едва победитель взял в руки поводок быка, как царевич вскипел и ударил соперника. Пастух ответил ему тем же. Это было уже преступление: ударивший царевича подлежал смерти.

Дерзкого пастуха подвели к трону царя Приама. Красивый, мужественный юноша понравился царю.

— Как зовут тебя, пастух, и как ты осмелился поднять руку на царевича?

— О царь! Я одержал победу в честном бою с помощью богов. Ведь я ничего не хотел украсть, я только хотел взять назначенную тобой же награду! За что же меня бить?

— Это так, но все же дерзость твоя должна быть наказана по закону,— ответил Приам.— Придется тебя казнить.

— Нет, царь, ты не можешь его казнить! — вдруг раздался из толпы голос старого пастуха.

— Почему? — нахмурился царь.

— Потому что он тоже царевич! Это взращенный нами твой сын Парис.

Взволнованная царица Гекуба вскочила со своего места.

— Неужели это ты, мой сын! — воскликнула она.— У тебя на спине была черная родинка в виде жука. Да, вот она! О благодарю вас, великие боги! Дай я обниму тебя.

Все присутствующие разразились приветственными кликами и рукоплесканиями. Сам Гектор пожал руку своему брату.

Торжественно приняли сына почтенные родители Приам и Гекуба, устроили в честь его богатый пир. Лишь через несколько дней он выбрался проститься с Эноной. Встревоженно встретила она его:

— Куда же ты пропал, Александр? Я уже слышала, что ты победил на играх. Что с тобой произошло?

— Знай, Энона: я больше не пастух Александр, а царевич Парис, признанный царем и царицей!

Опечаленная Энона ответила:

— Не к добру была эта встреча с богинями. Но когда случится с тобой беда, вспомни обо мне, и я приду!

4. ПОХИЩЕНИЕ ЕЛЕНЫ

Прошло несколько дней, и Афродита явилась Парису в Трое.

— Настало время, Парис, исполнить мое обещание! Та

красавица, о которой я тебе говорила, Елена Прекрасная, жена царя Спарты Менелая. Но Менелай недостоин такой жены! Снаряжай корабль и поезжай за Еленой. А я помогу тебе ее похитить.

И богиня рассказала Парису историю Елены.

Когда настало время выдавать Елену замуж, то искать ее руки собрались тридцать женихов — царей и героев. Ее отец Тиндар не решался отдать предпочтение кому-то, боясь обидеть остальных и тем вызвать их гнев. Тогда один из женихов, хитроумный Одиссей, предложил ему:

— Елена все равно меня не выберет — мой остров Итака слишком беден для нее. Если ты отдашь мне в жены твою племянницу Пенелопу, то я тебя научу, как надо тебе поступить.

И когда Тиндар ответил согласием, Одиссей сказал:

— Возьми с нас всех клятву, что все мы будем помогать тому, кто будет избран мужем Елены.

Так тогда и сделали. Одиссей связал всех женихов клятвой о взаимной помощи мужу Елены. Так как каждый из них еще надеялся, что избран будет он, то все согласились.

Елена избрала Менелая.

Через несколько дней Парис отплыл в Спарту, где был радушно принят Менелаем и его женой: таков был закон гостеприимства. Однако в это время царь Спарты должен был уехать по неотложному делу. Уехав, он оставил почетного гостя — троянского царевича — на попечение жены.

Но, вернувшись домой, Менелай не нашел уже ни жены, ни гостя. Елена и Парис бежали в Трою, захватив сокровища царя.

Растерянный и оскорбленный Менелай долго сидел в своей спальне, никого к себе не допуская, даже дочь Гермиону. Утром следующего дня он уехал в Аргос к брату Агамемнону и поведал ему о своем горе. Братья решили идти войной на Трою.

Менелай и его брат Агамемнон созвали всех известнейших героев Эллады, когда-то бывших женихами Елены и связанных клятвой. Откликнулись на их призыв даже те цари, что не были в числе женихов,— предательство и вероломство Париса, оскорбившего святость гостеприимства, возмутило всех. Один лишь Одиссей, царь острова Итаки, пытался хитростью уклониться от похода, отрывавшего его от молодой жены Пенелопы и годовалого сына Телемака. Однако под страхом оказаться клятвопреступником и он вынуж-

ден был присоединиться к войску Агамемнона в южной гавани Эллады — Авлиде.

Флот в Авлиде собрался небывалый! Не было города или острова в Элладе, что не прислал бы своих кораблей. Иные цари привели по 10—12 судов, а большинство по 40 или 50. Менелай привел 60 судов, Агамемнон как предводитель приплыл со ста судами. Всего же в гавань Авлиду прибыли 834 корабля двадцати восьми царей. На каждом корабле было по 100—120 воинов.

Прибыл с полсотней судов и сын Пелея, знаменитый Ахиллес.

Когда-то морской богине Фетиде не очень хотелось выходить замуж за смертного, хотя и героя. Но против воли миродержца Зевса нельзя было идти. Однако вскоре она была вознаграждена: оправдалось предсказание Прометея, и она родила величайшего героя Эллады — Ахиллеса, прозванного Быстроногим за непобедимость в беге. Ахиллес был неуязвим для вражеского оружия, потому что Фетида выкупала новорожденного сына в струях волшебного источника. И только одна пятка, за которую держала его мать, погружая в источник, осталась не омыта волшебной водой и потому была уязвима.

В Авлиде долго не было попутного ветра, потом даже поднялась буря — вернуться бы тогда! И не было бы войны и многих страданий и смертей! И прекрасный город Троя не погиб бы, и сам Агамемнон избегнул бы ранней смерти! Однако, дождавшись наконец попутного ветра, соединенный флот всей своей громадой отплыл в Малую Азию, в Трою.

Так началась знаменитая Троянская война.

Часть II

ТРОЯНСКИЙ КОНЬ

1. У СТЕН ИЛИОНА

Знойным летним утром троянские стражники, стоявшие на стене крепости, заметили далеко в море белые паруса. Их становилось все больше и больше и наконец стало столько, что стражники сбились со счета. Скоро чернобокие суда под белыми парусами заполнили собою весь пролив. Послали гонца к царю Приаму. На стены поднялись троянские воины. Пришел и Гектор — старший сын царя, храбрейший

и сильнейший воин троянского войска. Лишь Парис отсиживался с Еленой во дворце. Троянцы глядели на небывалый флот.

А на переднем корабле плыли знатнейшие цари ахейского войска — так называли тогда объединенное войско. С интересом смотрели ахейцы на приближающуюся крепость. Словно скалистый берег возвышались ее стены с утесами боевых башен, сложенные из огромных диких камней. На холме в центре города белело здание Пергама — царского дворца.

— Недаром же зовут Трою крепкозданной,— задумчиво промолвил Паламед, царь острова Эвбеи.

— Ее до сих пор называют еще Илионом, по имени ее основателя Ила,— добавил Одиссей.— А стены эти считают нерушимыми, ибо строили их сами боги Посейдон и Аполлон. Тяжело будет и осаждать и взять Трою.

— Возьмем! — хмуро ответил Агамемнон.

— И войска у них, кажется, немало,— добавил Одиссей.

Высадившись на троянском берегу, ахейское войско приготовилось к долгой осаде. Свои чернобокие смоленые суда ахейцы вытащили на песчаный берег и поставили на подпорки. Поставив палатки, они обнесли лагерь прочными деревянными стенами с боевыми башнями. И не напрасно — много было кровопролитных боев и у стен, и даже у самых кораблей!

Несчастье ахейцев было и в том, что их цари воевали не только с троянцами, но и враждовали между собой из-за дележа добычи: жестокий, гордый и корыстолюбивый предводитель их Агамемнон со всем своим войском разграбил соседние с Троей города, селения и даже храмы, чем еще сильнее прогневал бога Аполлона — покровителя Трои. А вслед за этим глубоко оскорбил Ахиллеса, отняв назначенную ему пленницу.

2. ЕДИНОБОРСТВО МЕНЕЛАЯ С ПАРИСОМ

Однажды, когда все ахейское войско построилось в боевой порядок, троянцы с большим шумом и криками пошли на вылазку. И когда войска уже сблизились, вперед вышел Парис, одетый поверх панциря в барсовую шкуру, он нес два меднoострых дротика.

— Кто из ахейцев со мною сразится? — сказал он.

Увидев врага, Менелай спрыгнул с колесницы и устре-

мился к нему. Парис побледнел, повернул обратно и побежал, как ягненок от дракона. Гектор возмутился.

— Горе тебе, Парис-женолюбец! — гневно закричал он.— Ты позор всему народу! Вернись и победи или погибни!

Пристыженный Парис вернулся в строй.

— Слушайте все, троянцы и ахейцы! Положите ваше оружие на землю, и пусть будет так: кто из них победит в поединке, тот и забирает Елену.

Все поклялись в этом перед жрецами, принесли жертву богам.

И вот Парис и Менелай бросили жребий, кому начинать бой. Жребий выпал Парису. Он первый бросил копье, но оно даже не пробило щит Менелая. Менелай в свою очередь бросил свое копье. Но и оно, пробив щит и панцирь Париса, только разорвало его хитон и слегка оцарапало кожу. Выхватив меч, Менелай с силой ударил Париса по шлему, но меч раздробился. В ярости Менелай схватил рукою пышную гриву шлема противника и, повалив Париса на землю, поволок к своему стану. Так бы и притащил он его в плен. Но тут Афродита, видя беду, невидимкою наклонилась к Парису, оборвала подбородный ремень его шлема, а самого, окутав туманом, унесла во дворец, в покои Елены.

А Менелай, зло отшвырнув пустой шлем, метался по полю, ища соперника.

— Вы видите все,— объявил Агамемнон,— что победил Менелай, а Парис вторично обратился в бегство. Выдайте же нам Елену!

Троянцы молчали, и вдруг один троянский лучник предательски пустил стрелу и ранил Менелая. Опечалился вождь ахейцев.

— Милый мой брат! Рана легка, но тяжела измена и нарушение клятвы. Зевс покарает их. Скоро настанет тот день, когда погибнет священная Троя и падет народ копьеносца Приама.

И вместо мира вновь закипел бой, вновь полилась кровь храбрейших...

3. АХИЛЛЕС И ГЕКТОР

Шел жестокий бой у стен Трои. Девятый год уже длилась война, погибло много славнейших героев и еще больше простых воинов. А в это время Ахиллес, тяжко оскорбленный Агамемноном при дележе добычи, сидел в своей палатке, не

участвуя в боях. Но Патрокл, первый друг Ахиллеса, надев его светлые доспехи, вступил в бой.

Бой был небывалый. Звенели, скрещиваясь, мечи, летели копья, трещали панцири и шлемы под ударами камней. Громкие крики и стоны оглашали поле битвы. Патрокл бился впереди всех. Трижды поднимался он на крепостную стену, и трижды отражал его натиск сам Аполлон. Бой кипел уже у крепостных ворот.

Тогда, словно черная туча, двинулся на Патрокла Гектор. Долго сражались они, и Гектор сразил Патрокла.

В палатку Ахиллеса вбежал юноша, сын старца Нестора:

— Горе нам, сын Пелея! Пал благородный Патрокл от копья Гектора, и Гектор снял твои доспехи! Менелай бьется за тело Патрокла.

Велико было горе Ахиллеса. Фетида пыталась утешить сына:

— О чем ты рыдаешь, сын мой?

— Нет больше моего друга, великого Патрокла! И это я сам разрешил ему идти в бой! Не могу я больше жить и смотреть людям в глаза, пока не поплатится Гектор!

— Но тогда ты и сам будешь недолговечен: ведь предсказано, что ты умрешь вскоре после Гектора!

— Пусть лучше я умру от оружия, чем от тоски по другу.

По просьбе Фетиды сам Гефест выковал для Ахиллеса новые, невиданной красоты доспехи.

Ахиллес избивал троянских воинов, как орел цыплят. Молнией сверкал над ними его меч. В ужасе ринулись троянцы искать спасения за стенами города. Ахилесс гнался за ними. Потоком вливались бегущие воины в ворота, но злой рок задержал Гектора. Он не хотел показаться трусом. С высоты стены старец Приам и Гекуба умоляли Гектора войти в ворота и спастись, но он отвечал отказом даже на мольбы матери.

Уже увидел Ахиллес Гектора, яростно устремился к нему. Он мчался, сияя под лучами солнца, гремя, как живая медная башня. И Гектор вдруг почувствовал, что бессилен остановить его. Ужас охватил душу доселе бестрепетного героя. И, впервые в жизни, он побежал. А следом мчался Ахиллес, потрясая своим гигантским копьем.

В удивлении и ужасе застыли оба войска, следя за поединком. Трижды обежали герои вокруг стен Трои. Наконец Гектор остановился и обернулся:

— Больше не буду я избегать поединка с тобой, сын Пелея. Но хочу я с тобой условиться: кто бы из нас ни пал в бою, пусть победитель снимет с побежденного доспехи, но пусть не осквернит его тела.

Ахиллес же, взглянув исподлобья, ответил ему:

— Нет между нами места клятвам. Сегодня падешь ты!

С этими словами Ахиллес потряс копьем и бросил его в Гектора, но тот пригнулся, и копье пролетело мимо.

Обрадованный Гектор пустил свое копье, но оно отскочило от щита Ахиллеса. Выхватив меч, устремился Гектор вперед, но Ахиллес, прикрывшись щитом, пустил второй раз копье и попал выше доспехов, прямо в горло Гектору...

— Ага, Гектор! Неужели же ты, убив Патрокла, еще надеялся на спасенье!

Вынув свое обагренное кровью копье, Ахиллес спял с тела павшего героя свои доспехи. Подошедшие воины удивлялись росту и красоте Гектора. Между тем Ахиллес задумал недостойное дело — глумиться над телом побежденного. Проколов его ступни, он продернул в них ремни и привязал их к своей колеснице. Положив на колесницу окровавленные доспехи, он ударил коней бичом и погнал колесницу вокруг Трои. Прекрасное тело Гектора волочилось по земле. А в его темные кудри набивался песок.

Громко стонал при этом Приам и рвала свои седые волосы Гекуба. Но рядом с ними уже стоял суровый мститель. Черным гневом налилось сердце Аполлона при виде этого глумления. Аполлон знал об Ахиллесовой уязвимой пяте. Сюда-то и решил Аполлон поразить Ахиллеса. Когда окончились поминальные игры в честь Патрокла и снова начался бой у стен, Аполлон вложил в руки Париса свою золотую, не знающую промаха стрелу и сам ее направил. И в разгаре боя рухнул Ахиллес, как медная башня, подрубленная у самого основания.

4. СМЕРТЬ ПАРИСА

Погибли оба первых бойца, а Троя стояла! Что же делать теперь? Одиссей знал, что сын Приама, царевич Гелен, был одарен ясновидением и знал будущее. Однажды, устроив засаду, Одиссей захватил Гелена в плен. Приведя его в лагерь, Одиссей стал допытываться:

— Погибли лучшие люди, царевич. Пора кончать оса-

ду. Тебе ведомы причины непобедимости Трои! Открой их нам.

Царевич посмотрел на костер, где лежало раскаленное железо для пытки, и, вздохнув, ответил:

— Ты прав, Одиссей, я знаю, что Трою охраняет золотой, не знающий промаха лук Аполлона. Есть в Элладе лишь один лук сильнее этого — это волшебный лук Геракла, которым теперь владеет Филоктет. Кроме того, Трою нельзя взять и без Ахиллесовой силы. Теперь эта сила живет только в Неоптолеме, сыне Ахиллеса. И еще одно необходимое условие: и Неоптолем и Филоктет должны прибыть под Трою не принуждением, а своею волей.

Царевича Гелена отпустили с миром. И вот уже неугомонный Одиссей плывет на остров Скирос, где жил Неоптолем. Чтобы привлечь юношу под Трою, Одиссей пожертвовал даже доспехами Ахиллеса, которые были ему присуждены и хранились у него. Радостно встретили наследника Ахиллеса в ахейском лагере все друзья его отца. Рослый и сильный Неоптолем смог уже облачиться в доспехи отца.

Оставалась вторая задача — привезти Филоктета. По дороге в Трою Филоктет был укушен змеем и высажен на пустынный остров Лемнос. За это Филоктет возненавидел Одиссея и Диомеда, покинувших его. Поэтому только Неоптолем, не участвовавший в походе и не виновный перед Филоктетом, мог уговорить славного стрелка помочь ахейцам отомстить за смерть Ахиллеса. Благодаря хитрости Одиссея ему и это удалось.

И вот Филоктет уже под Троей! Ему показали Париса. В следующем же бою Филоктет высмотрел его среди воинов.

Спела тетива не знающего промаха Гераклова лука, и красавец упал на землю, как подрубленный кипарис. В голове его зазвучали прощальные слова Эноны: «Когда свершится твой рок, вспомни обо мне, и я приду». Истекая кровью, Парис уже терял сознание, и вдруг легкая белая женская фигура возникла рядом с ним. Повеяло ароматом амврозии — напитка бессмертия. Это Энона по каплям лила ее, заживляя рану.

Парис очнулся и стал что-то говорить: «...на ...на...» Нимфа вслушалась, надеясь услышать свое имя, но расслышала: «Елена, Елена».

В горести с силой ударила она кувшинчик с целительной жидкостью о камень, и живая вода пролилась в песок. С криком горя исчезла Энона, и тотчас Парис испустил дух.

5. ЗАМЫСЕЛ ОДИССЕЯ

Ахиллес был отомщен, но победа над Троей от этого не стала ближе. И в голове неистощимого на выдумки Одиссея зародился новый план взять Трою хитростью. Он изложил свой дерзкий план на военном совете царей и получил полное согласие Агамемнона, Менелая, Неоптолема и других.

В ахейском войске славился знаменитый мастер Эпеос — плотник и столяр. Он строил палатки вождей и обставлял их мебелью.

— Послушай, Эпеос! — обратился к нему Одиссей.— Мы все знаем тебя как великого умельца. Один лишь Дедал мог бы тебя превзойти.

— Ну, это ты мне льстишь, царь Одиссей.

— Увидим, Эпеос. Можешь ли ты построить деревянного коня с пустым чревом, чтобы в нем поместился десяток воинов? Он должен закрываться изнутри. Когда придет время, воины откроют коня и выйдут из него.

— Ты что-то опять задумал, царь Одиссей! Недаром же зовут тебя хитроумным.

— Может быть, может быть, Эпеос...—усмехнулся Одиссей.— Так сделаешь коня? А размер нужен такой, чтобы с трудом проходил в ворота Трои.

— Хорошо, я прикину издали на глаз. А тело коня сделаю как бочку из сосновых клепок. Надо только сходить с воинами на Иду нарубить сосен.

— Агамемнон щедро вознаградит тебя, Эпеос. Только трудись тайно, чтобы никто раньше времени не видел.

Эпеос принялся за дело, Одиссей же пошел сам на разведку.

Исхлестав свое тело бичом, замазав лицо сажей, спутав волосы и посыпав их пеплом, одевшись в рубище и подпоясавшись веревкой, Одиссей прокрался под видом невольника в Трою.

И вот он уже на троянской торговой площади. Его поразила беспечная суета базара, как будто и не было никакой войны, никакой осады. Горели жаровни, пахло жареной рыбой и мясом, пригорелым оливковым маслом. В больших кувшинах — амфорах — стояло вино, в кувшинах поменьше — масло.

Крики продающих, покупающих и торгующихся висели над площадью вместе с дымом жаровен. Полуголые ребятишки шмыгали под ногами. Бородатые воины, отложив

копье и щит, ели жареную рыбу. Они толпились у больших винных кувшинов, пили, болтали. «Словно дети,— подумал Одиссей.— Видно, и самом деле не они, а боги охраняют Трою».

— Эй, нищий! — окликнул Одиссея богато одетый слуга.— Иди за мной, моя госпожа зовет тебя. Она добрая, накормит тебя.

Отказываться было бы подозрительно, да и в самом деле Одиссею уже захотелось есть.

Слуга ввел Одиссея в богатый дом, открыл дверь во внутренний покой и удалился. Каково же было удивление Одиссея, когда он увидел там... Елену! Только сажа на лице помогла ему скрыть удивление.

— Привет тебе, странник! — сказала Елена.— Я тебя раньше в городе не видала. Ты, очевидно, издалека? На твоих сандалиях и волосах пыль. Или ты чей-нибудь сбежавший раб? Не бойся, я тебя не выдам.

Одиссей пробормотал что-то вроде того, что он действительно издалека, но ни от кого не сбежал. Елена хлопнула в ладоши:

— Эй, слуги! Вымыть этого странника, умастить его елеем, дать чистый хитон и накормить, а потом привести опять сюда.

Когда умытый и переодетый Одиссей снова явился к Елене, его уже нельзя было не узнать.

— Однако же ты смел, Одиссей! Я сразу приметила тебя и в рубище. Не похож ты на невольника. Да и как я могла не узнать одного из моих бывших женихов! Но клянусь тебе: я тебя не выдам и прикажу потом проводить до ворот. Но только честно расскажи мне все.

Елена была совсем такая же, как и прежде. Она была по-прежнему прекрасна.

— Не считай меня изменницей, Одиссей! Я по-прежнему люблю мою покинутую родину, мужа и дочь! Лишь Афродита заставила меня покинуть дом. Расскажи мне о Менелае, как он живет.

— Жив твой Менелай. Скоро, может быть, его увидишь.

— Как это? — радостно всплеснула руками Елена.

— Я дал тебе слово честно рассказать, зачем я пришел. Я пришел узнать, осуществим ли мой план захватить Трою в самом ближайшем времени. И вижу — можно быть уверенным в успехе.

Елена выполнила свое обещание, и Одиссей благополучно вернулся домой.

6. ЖЕРТВА АФИНЕ

А конь был уже готов. Эпеос построил невиданных размеров коня. Бочкообразное туловище могло вместить десяток воинов, а над ним высилась длинная шея с настоящей гривой и гордой головой. Он мог передвигаться на высоких колесах.

Перед Одиссеем встала новая задача: как сделать, чтоб троянцы втащили коня в крепость и при этом не заглянули в его нутро. Долго думал он над этим, но и здесь измыслил хитрость.

Ночью, под покровом темноты, в палатку нового царя острова Эвбеи, Синона, вошел человек в темном плаще, закутав в него и голову.

— Синон,— глухо сказал незнакомец,— останься один...

Синон выслал всех из палатки. Оглянувшись, ночной гость сбросил плащ. Синон ахнул:

— Одиссей, ты? Но почему же ночью? А я-то думаю: кто бы это?

— Значит, есть тайное дело, Синон,— тихо заговорил Одиссей.— Тебе придется рискнуть и пойти к троянцам как беглецу.

Одиссей стал шептать еще тише...

Утром Одиссей доложил Агамемнону, что конь готов. В него войдут сам Одиссей, Менелай, Неоптолем, Диомед, строитель Эпеос и еще пять воинов.

— Неужели же ты думаешь, что троянцы так глупы и втащат коня в город, не поглядев, что внутри него? — сурово спросил Агамемнон.

— На коне будет доска с надписью: «Благодарные данайцы[1] приносят дар богине Афине Палладе». Тогда троянцы побоятся его открыть и поспешат втащить в город, чтоб сделать его непобедимым,— ответил Одиссей.

В это время в палатку проскользнул глашатай Одиссея и что-то передал ему. Одиссей взглянул в переданную ему сумочку и воскликнул:

— Не может этого быть!

В сумочке Одиссей нашел письмо к Синону от начальника стражи Трои и приложенные деньги. Обвинив Синона в предательстве, Одиссей приказал его связать и бросить в яму, а завтра проверить обвинение и принять решение. Синон был, конечно, поражен, но и здесь он подчинился.

---

[1] Данайцы — так тоже называли ахейцев.

Всю ночь грузились ахейцы на свои чернобокие суда, сняли их с полусгнивших за десять лет подпорок и спустили на воду. Тогда вывезли коня на больших колесах за пределы лагеря и поставили перед главными воротами Трои. Тихо, стараясь не греметь медными доспехами, в брюхе коня скрылись Одиссей, Менелай, Неоптолем, Диомед, строитель Эпеос и другие воины. С трудом разместились в темной бочке рослые герои. Наконец Эпеос закрыл задвижку. А весь ахейский флот уже уплыл и скрылся за ближним островом.

...Всю ночь троянская стража с недоумением слушала необычную возню во вражеском лагере, стук топоров, скрип судовых снастей и крики команд.

И лишь только забелело утро, с высоты стен стал виден... пустой лагерь, а на песке — глубокие борозды от судов! Радостно, впервые за десять лет, сбежали стражники со стен и выбежали к берегу. Все здесь говорило о поспешном отъезде.

— Вот здесь жил когда-то Ахиллес,— сказал начальник стражи.— А здесь была палатка Агамемнона.

В это время первые лучи солнца осветили на берегу какую-то темную громаду. С удивлением увидели стражники огромного, невиданного деревянного коня.

— Как будто я с вечера ничего не пил! — сказал начальник стражи.— Такое чудище не может и присниться... А вот и дощечка с надписью.

Вернулся бегом запыхавшийся стражник-гонец.

— Сейчас придут из дворца,— выдохнул он.

Опираясь на руку сына, приближался Приам со своей свитой. Рядом с ним шел его друг и ближайший советник Антенор. Подойдя к коню, Антенор прочел надпись на дощечке: «Этот дар приносят Афине-воительнице уходящие данайцы».

— Радуйтесь, победоносные троянцы! — возгласил Антенор.— Мы победили, а данайцы бежали! Стража, окружить коня и, пока мы не разберемся в этом, никого не подпускать.

А из ворот уже бежали сотни любопытных мужчин и женщин, радуясь тому, что можно наконец свободно выйти к морю.

Победа! Приам оглянулся на стены крепости. Десять лет он их не видел со стороны. Десять лет на них стояли защитники города. Не зря, выходит, погиб любимый Гектор, не зря погиб и сам виновник войны Александр — Парис, не зря лились слезы жены Гектора и десятков других жен. Гроза

миновала, стены целы, и пред ними — искупительный дар отступивших врагов!

— Это — искупительный дар богине Афине, которая была нашим врагом! А если мы его введем в город, она станет нашим другом, и Троя спасена! — сказал Приам.

Вдруг раздался мелодичный голос Елены:

— Позволь мне, царь, сказать два слова этому коню?

— Деревянному-то? — рассмеялся Приам.— Твоя красота, Елена, может, значит, покорить и дерево?

— Что-то говорит мне, что не все в нем деревянное.

Подойдя к коню, Елена стала искусно подражать голосам жен героев, а их-то она знала. Трижды обошла она вокруг коня.

Может быть, жаль ей стало прекрасной Трои, где прожила она двенадцать лет.

Постучав в бок коня, она сказала:

— Эй, друзья мои, откликнитесь! Тут ли мой бывший жених хитроумный Одиссей? Пенелопа тебя заждалась. Здесь ли ты, мой любимый муж Менелай? Давно я тебя не видала, мой кудрявобородый.

Столько лет не слыхал Менелай любимого голоса, и вот при звуках его застучало сердце в медную броню и рука потянулась к задвижке. Но Одиссей при свете лучиков, проникавших в щели, схватил Менелая за руку, другой же зажал рот безрассудному. Так он боролся с ним в темноте и тесноте.

— Что же, не хотите, видно, со мной разговаривать? Прощайте.

Приам насупился:

— Тебе, видно, приснилось, Елена. Иди-ка лучше в свой дворец и занимайся женскими делами — пряди свою пряжу.

— А вот увидим, царь, кому какую нить судьбы спрядут сегодня седые Мойры,— ответила Елена и, подобрав подол длинного платья на руку, ушла.

Приам и Антенор стояли в раздумье: «Что же скрыто в коне? Разрушить его — прогневить снова Афину! Так его принять — а вдруг права Елена?»

Внимание Приама привлек приближавшийся почтенный старец в белых одеждах и с жезлом в руках. Его сопровождали два отрока. Это был почитаемый всеми жрец храма бога Посейдона — Лаокоон и два его сына. Все троянцы склонялись перед ним по мере приближения, но он, ни на кого не глядя, шел к царю.

— Несчастные, легковерные люди! Десять лет вы воевали с данайцами и теперь готовы поверить, что они добровольно ушли да еще оставили дар Афине! Разве вам неизвестно их коварство и хитрость Одиссея? Боюсь я данайцев, даже дары приносящих!

— Но нельзя спешить, Лаокоон,— возразил Антенор.— Может быть, данайцы на это и рассчитывают, что мы разрушим коня и этим оскорбим богиню?

Но Лаокоон выхватил у стражника медноострое копье и с силой пустил в коня. Пробив деревянную стенку, оно звякнуло обо что-то металлическое и остановилось.

— Вы видите! — воскликнул жрец.— Там что-то есть!

Приам задумался. Но в это время его внимание привлекли громкие крики стражников. Они тащили связанного пленника в изодранном хитоне.

— О царь! — закричали стражники.— Мы осматривали лагерь и нашли в яме этого связанного пленника. Он говорит, что Одиссей его приговорил к голодной смерти и, уезжая, покинул.

Приам приказал развязать пленника и допросить.

— Кто ты? — спросил начальник стражи.

— Я Синон, я царь Эвбеи. Вчера на военном совете Одиссей обвинил меня в предательстве и в том, что я получил золото из Трои. Но ты-то знаешь, что этого не было.

— Верно, не было,— подтвердил начальник стражи.— Кроме того, вчера мой лазутчик слышал сквозь стену палатки, как Одиссей обвинял его, и видел, как его вывели связанным. Скажи же нам правду! Зачем этот конь?

— Афина приказала вернуть в Трою свою священную статую, украденную Одиссеем и Диомедом из ее храма в Трое. Она оскорблена! А конь сделан таким огромным, чтобы вы не смогли его внести в ворота. И еще Одиссей пустил слух, что там воины, в чреве коня. Это чтобы вы разрушили коня — дар Афине — и еще раз оскорбили ее.

— Ах, так! — закричали собравшиеся троянцы.— Мы сломаем верх Скейских ворот и втащим его назло данайцам и Одиссею!

— Опомнитесь! — закричал Лаокоон, подняв свой жезл.— Как вы можете верить этому лицемеру и предателю? Если он предал своих, разболтав военную тайну, предаст и нас.

И вдруг общее внимание привлекло новое чудо. Взволновалось море вблизи лагеря, и из него вынырнули два огромных морских змея. Кроваво-красные гребни вздыма-

лись над их головами, длинные тела извивались и быстро плыли по волнам.

Застыли от ужаса все собравшиеся. Змеи выползли на берег и бросились к стоявшим ближе всех сыновьям Лаокоона. Настигнув мальчиков, оба змея обвили их своими тяжелыми кольцами. На отчаянные крики детей Лаокоон бросился к ним, но змеи, задушив мальчиков, обвили своими чешуйчатыми телами отца. Тщетно он бил их священным посохом и пытался вырваться. Вскоре и он замер. Оставив на берегу три безжизненных тела, змеи поползли дальше и исчезли в храме Афины.

Мало-помалу троянцы пришли в себя.

— Вот видите, сограждане! — сказал Антенор.— Боги покарали смертью посягнувшего на дар Афине.

С криками радости троянцы впряглись в коня. Другие же побежали к воротам. Схватив ломы, они стали ломать верх ворот. Когда везли коня, из него не раз слышалось бряцание меди. Но разве толпа, охваченная одним порывом, может еще что-то слышать?

И вот конь на площади Трои! А вокруг сели мудрейшие люди города. Вплоть до вечера они размышляли: что же теперь делать?

— Вы видели, что сталось с Лаокооном,— сказал престарелый царь Приам.— Оставим коня здесь, перед храмом Афины, как вечную жертву богам. Пусть боги сами укажут нам, что с ним делать.

Все согласились. Колонны храма Афины они украсили цветочными и лавровыми гирляндами. Запели в храме торжественные гимны. А потом ликовали и праздновали победу до позднего вечера, пока все не заснули.

7. ПОЖАР ТРОИ

Как только окончилось пиршество и троянцы заснули опьяненные, Синон встал и отошел в сторону. Никто его не заметил. Подойдя к коню, он постучал условным стуком и запел, чтобы узнали его голос.

Тотчас Эпеос отодвинул задвижку, и ахейцы тихо спустились на землю. Они вмиг перебили полусонную стражу у главных Скейских ворот, открыли ворота и, раздувши костер, подали сигнал. А чернобокие суда ахейского войска уже подплыли к берегу. Потоком хлынули воины в ворота и, зажигая свои факелы в костре, разбежались по улицам,

Запылали дома. Багровым светом озарились улицы и площади Трои. Полуодетые люди метались среди огня и дыма, хватали оружие и падали под ударами вражеских воинов. Неистовый Неоптолем убил старого Приама у алтаря Зевса. С грохотом рушились стены крепости — это сам Посейдон, который когда-то их строил, бил в них трезубцем.

Диомед и Менелай первым делом побежали во дворец Париса. Сокрушая всех по дороге, Менелай ворвался с окровавленным мечом в опочивальню. Елена встретила его в дверях.

— Убей меня, Менелай,— сказала она, расстегнув пряжку на груди.— Вонзи мне в грудь твой меч, довольно из-за меня лилось крови.

И вдруг опустились руки у Менелая.

— Изменница родному городу, изменница мужу и дочери! Ты достойна смерти. Но ты слишком хороша для нее. Накинь на голову покрывало и иди за мной, Елена.

Закрыв лицо — от троянцев, а ровно и от ахейцев,— Елена смиренно шла за Менелаем. А среди пожарищ и дыма спокойно стояла в венке из белых роз богиня Афродита и смеялись им вслед:

— Понял ты теперь, царь Менелай, что вся твоя сила и острая медь ничего не стоят перед нежной силой Афродиты!

Вскоре отплыл корабль Менелая, а на палубе его, на мягком ложе, возлежала Елена — причина гибели стольких героев. По прошествии недолгого времени они приплыли домой.

Часть III

ПОКРЫВАЛО ПЕНЕЛОПЫ

1. ОЖИДАНИЕ

Прекрасная Пенелопа, супруга Одиссея, одиноко и печально сидела у окна своего дворца за ткацким станом, медленно перебрасывая челнок из руки в руку. Минуло уже почти десять лет, как ахейцы взяли Трою. Давно уже вернулись уцелевшие — и мудрый старец Нестор в свой Пилос, и Менелай мирно жил в Спарте с Еленой, а Одиссея все нет!

Где-то странствует Одиссей вдали от родной Итаки. Да и жив ли он?

За окном сияли в свете Гелиоса-солнца скалистые берега острова Итаки. Более двадцати лет назад Одиссей привез сюда свою молодую жену. Под мерный стук ткацкого стана она вспоминала первую встречу с могучим кудрявобородым Одиссеем в доме Тиндара. А когда отец спросил ее: «Кто ей дороже: он или жених?», она только стыдливо зарделась и молча закрыла голову покрывалом. Потом родился сын Телемак... Однако ему было не больше года, когда приплыли Агамемнон и Паламед и вынудили Одиссея ехать под Трою.

Десять лет ждала она конца войны, вела хозяйство и растила сына. Но кончилась война, а мужа нет... все нет. И Телемак уже возмужал — ему двадцать один год...

Но медное полированное зеркало говорило Пенелопе, что она все еще прекрасна...

Если бы только она знала, каким за эти годы смертельным опасностям подвергался ее муж, она и вовсе лишилась бы покоя.

Однажды корабли Одиссея забросило на остров, где жили одноглазые великаны-циклопы. Один из них, Полифем, захватил Одиссея со спутниками в плен и каждое утро и каждый вечер двух из них съедал. Лишь хитростью, ослепив Полифема, Одиссей спасся. Однако Полифем был сыном Посейдона, и «колебатель земли» стал мстить. Не раз почти уж достигал Одиссей родной Итаки, но снова буря, посланная Посейдоном, отбрасывала его обратно, в чужие страны. Побывал Одиссей и в стране лотофагов, питавшихся лотосом, лишающим людей памяти о родине. Проплыл и мимо острова Сирен, сладкогласным пением заманивавших мореплавателей на острые рифы.

Побывал он и у волшебницы Цирцеи, которая опоила его спутников вином и превратила в свиней. Чудом избежал этого и сам Одиссей. В конце концов погибли все двенадцать кораблей Одиссея, и сам он нашел спасение на острове нимфы Калипсо. Оттуда, снарядив плот, Одиссей один поплыл под парусом в Итаку. Но и здесь увидал его Посейдон, послал бурю и потопил утлый плот. Одиссей тонул, захлебываясь в горькой морской воде, и лишь морская богиня Левкотея спасла его, дав свое нетонущее покрывало. Достигнув земли народа Феоков, Одиссей был радушно принят их царем Алкиноем. Ему поведал Одиссей всю свою горестную историю.

Щедро одарив Одиссея, добрый царь Алкиной на своем корабле отправил Одиссея в Итаку.

Близко уж было свидание, но Пенелопа об этом не знала! Долгие дни и бессонные ночи коротала она в слезах и печали у своего ткацкого стана.

2. ЖЕНИХИ

Через плотно закрытые двери в покои Пенелопы доносились шум пира, пьяные выкрики мужских голосов. Это пировали десятки буйных женихов, уже несколько лет добивавшихся согласия царицы Пенелопы на брак с одним из них. Они ежедневно врывались во дворец Одиссея, резали его скот на свои пиры, пили его вино и требовали, чтобы Пенелопа сделала между ними свой выбор. Но перед нею неотступно стоял образ Одиссея. До сих пор она еще не верила в его гибель. Она ждала его, а ткацкий стан выстукивал: «Когда же, когда же...» Этот стан был ее единственным защитником. Когда ей надоело ежедневно отвечать отказом женихам, Пенелопа пошла на хитрость: она объявила женихам, что сделает выбор лишь после того, когда соткет по обету новое покрывало с изображением защитницы семьи Одиссея богини Афины.

Женихи согласились. А Пенелопа начала свою сложную работу. Почти весь день раздавался стук ее ткацкого стана. Но как только опускалась на Итаку ночь и женихи расходились по своим домам на покой, Пенелопа зажигала дымный факел и при его колеблющемся свете распускала свою дневную работу. Утром же начинала вновь! Уже три года длился этот обман.

Тем временем Афина возбудила в сердце Телемака отвагу и гнев против буйных расхитителей отцовского добра, и он сказал:

— Вы, женихи! В своем доме я повелитель, пока не вернулся отец! Поэтому завтра вас всех я приглашаю на площадь. Там всенародно я потребую, чтобы вы очистили мой дом. Если же вы не послушаете меня, я призову на помощь богов, и Зевс покарает вас!

Утром удивленные смелостью юноши женихи пришли на народное собрание. Собралось много итакийцев, созванных глашатаем.

— Два у меня горя! — сказал народу Телемак.— Одно: я утратил отца, а другое: жадные и буйные женихи, еже-

дневно врываясь в дом, истребляют мое достояние и принуждают к браку мою мать. Помогите же мне!

Тогда поднялся один из женихов, Антиной, и сказал:

— Три года Пенелопа ссорила нас, подавая надежду всем нам, а сама обманула! Три года ткет она свое покрывало, но мы с Эвримахом ночью застали ее за тем, что она распускала работу. Пусть же теперь приневолена будет закончить его. А мы никуда не уйдем, пока она не выберет одного из нас!

Тогда вещий старец Галиферд напомнил женихам свое предсказание:

— В исходе двадцатого года Одиссей возвратится, и горе вам будет, если сами вы не смиритесь!

Но грубо ответил ему Эвримах, и женихи самовольно разогнали собрание.

Тогда Телемак решил отправиться на поиски отца. Тайно от женихов нанял он корабль, собрал гребцов и отплыл в Пилос, к старому Нестору.

Женихи узнали об этом и решили подстеречь и убить его на обратном пути.

А Пенелопа продолжала ткать покрывало, орошая его слезами. Страшное горе объяло ее, когда она узнала об отъезде сына и умысле женихов. Ни еды, ни питья не могла она принимать. И тогда ночью, когда Пенелопа, обессилев, задремала, ей явилась Афина:

— Не тоскуй, Пенелопа,— сказала она.— Боги тебе запрещают плакать и сетовать. Твой Телемак возвратится невредимый, а вскоре увидишь и мужа.

Пенелопа спокойно заснула. Афина же полетела к Телемаку и внушила ему:

— Возвращайся скорее домой! Ты бросил отцовский дворец в жертву дерзким грабителям. А уже отец и братья Пенелопы принуждают ее к браку с Эвримахом,— он не жалеет даров и хочет стать царем Итаки.

3. ВСТРЕЧА У ЭВМЕЯ

Корабль женихов отплыл и, подстерегая Телемака, стал в засаде между Итакой и островом Замом. Однако, руководимый Афиной, юноша миновал их, и вот утром он уже дома! Однако он не спешил войти в дом и зашел сначала к верному слуге отца — свинопасу Эвмею. У Эвмея он увидел у очага старого странника в ветхом и грязном, почернелом

от дыма рубище. Старик ел похлебку и мясо. Послав Эвмея тайно предупредить Пенелопу о своем возвращении, Телемак подошел к страннику, надеясь у него что-то выведать об отце. И вдруг странник, встав со скамьи, превратился в сильного чернобородого мужа. (Это незримая Телемаку Афина вернула Одиссею его облик.)

— Не пугайся, Телемак! — сказал он.— Я не бог, а всего лишь твой отец Одиссей! Я возвратился из странствий в свой дом. А мое превращение было делом Афины.

В несказанном волнении сын и отец обнялись, зарыдали.

— Меня сюда привез корабль феакийцев, а их богатые дары скрыл я в глубоком гроте у берега. Ты же назови мне имена женихов, и мы вместе обдумаем, как их нам одолеть.

— Всех мне и не перечислить,— сказал Телемак.— Их двадцать с Итаки, пятьдесят два с других островов, а еще приезжают из дальних земель.

4. ВОЗМЕЗДИЕ

Вскоре в пиршественном зале, где пировали женихи, появился старый нищий в рубище и с котомкой, приведенный туда свинопасом Эвмеем. Старик попросил у женихов милостыни. Телемак передал для него Эвмею хлеба и мяса. Антиной же швырнул в нищего скамейкой. Старик даже не пошатнулся от удара.

— Вы, женихи многославной царицы,— мрачно сказал он.— Если бы за свое добро Антиной заступился, я бы стерпел злые побои. Но он за чужое нанес мне удар! Смерть, Антиной, а пе жену ты здесь получишь!

Антиной, вскочив, стал угрожать ему расправой, однако другие его успокоили. Внимание женихов отвлек другой нищий — Ир, постоянно бывавший на этих пирах. Ир стал оскорблять «новичка». Но тот пригрозил ему:

— Хватит места нам здесь, у порога, для двоих, или бойся моих кулаков.

— Вот развлечение! — закричал Антиной.— Пусть они подерутся, а наградой победителю будет вкусный козий желудок, из тех, что жарятся здесь на огне.

Сначала Ир храбрился, но когда «новичок» снял рубище, у него обнаружились сильные мышцы. Ир струсил, но женихи силой принудили его драться. Ир ударил противника в плечо. Старик же ответил ударом в ухо и, проломив

кость, вытащил за ноги окровавленного забияку к свинарнику.

Еще накануне Телемак по приказанию отца вынес из зала все оружие.

Тогда предупрежденная сыном Пенелопа обратилась к собравшимся:

— Если уж вы, женихи мои, так хотите занять ложе Одиссея, докажите свою силу, достойны ли вы этого. Я вам принесу лук Одиссея: кто его натянет и чья стрела пролетит через двенадцать колец, не задев их, с тем и удалюсь я в его дом!

Принеся из оружейной кладовой знаменитый лук и колчан с оперенными стрелами, царица передала его женихам.

Установили двенадцать колец. Но ни один из молодых людей не смог даже согнуть лук, и даже Антиной и Эвримах. Тогда старик нищий попросил, чтобы ему тоже разрешили попытаться.

Посыпались насмешки женихов, однако Телемак все же приказал подать ему лук и стрелы. Радостно схватил Одиссей свой старый лук, проверил, нет ли трещин или червоточины, прогрел у огня. Быстро, почти без усилий, натянул он тетиву, и стрела его пролетела через все кольца. Раздались удивленные голоса женихов.

Встав затем у порога, Одиссей сбросил лохмотья и высыпал на пол все стрелы.

— В эту цель я попал! — хмуро сказал он.— Теперь да поможет мне Аполлон поразить новую цель!

С этими словами Одиссей взял с пола стрелу и прицелился в Антиноя. Тот беспечно наливал вино в чашу. И только что он ее поднял — пронизала горло стрела, покатилась со звоном чаша и черная кровь ключом забила из ноздрей и рта. Вскочили с мест женихи, ища оружия и не находя его.

— А-а! Вы, собаки, думали, что я никогда не вернусь из-под Трои, что вы вольны грабить мой дом и жену мою принуждать к ненавистному браку!

Ужас объял женихов! Озираясь, искали они дорогу для бегства, но у единственного выхода стояли Одиссей и Телемак, а за ними верные слуги дома: свинопас Эвмей и пастух Филотий. Кое-кто потрусливее выпрыгнул в окно. Тогда вышел вперед Эвримах и предложил богатый выкуп Одиссею.

— Жизнью своей, Эвримах, заплатишь ты выкуп! — был ответ.

Обнажив свой меч, Эвримах бросился на хозяина дома, но тут же получил смертельную стрелу в грудь. Быстро Те-

лемак принес четыре шлема и щита, и Одиссей со слугами вооружились.

В это время предатель, слуга Мелентий, принес и женихам оружие из не закрытой Телемаком кладовой. Закипел яростный бой, летали стрелы Одиссея и дротики женихов, прикрывшихся столами. Все блюда и кубки со звоном полетели на пол.

Скоро тела женихов кучей лежали на полу, как выловленные рыбы, залив кровью весь пол. А предатель Мелентий, связанный пастухами, уже висел подвешенный ремнями к потолочине оружейной кладовой, куда пытался он пройти вторично.

Созвавши рабынь, Одиссей приказал им прибрать трупы и начисто вымыть полы, и столы, и богато украшенные стулья, окурить всю столовую серой. Тем временем старая ключница Евриклея, нянчившая еще Телемака, побежала в покой Пенелопы с радостной вестью. Долго не верила ей Пенелопа.

— В своем ли ты уме, Евриклея, что над горем моим ты смеешься!

— Иди же скорей! — повторила старушка.— Жив твой супруг, и вдвоем с Телемаком они истребили всех женихов!

Одиссей омылся в бане, надел легкий хитон и длинный плащ с каймой. Снова вернула ему Афина его красоту, рост и силу. Вошел в столовую хозяин дома и сел напротив супруги. Она же молчала, глядя в удивлении на него.

— Так-то встречаешь ты мужа-скитальца? — сказал он.— Так недоверчиво смотришь!

Все еще не веря своему счастью, Пенелопа решила испытать гостя. Она приказала:

— Ты, Евриклея, приготовь гостю ложе. Нашу большую кровать перенеси в другую горницу и застели ее мягкими овчинами.

Одиссей досадливо вскрикнул:

— Кто же может перенести наше ложе? Есть тайна в устройстве его, и я один это знаю — тот, кто его строил. Оно укреплено на стволе старой маслины толщиной с колонну, которую я сам тайно от всех спилил. Разве разрубили тот пень?

И, зарыдав, бросилась к нему Пенелопа:

— О, не сердись на меня, Одиссей! Теперь ты меня убедил. Даже служанки об этом не знали. Я боялась, как бы какой иноземный муж или бог, приняв твой облик, не обольстил меня, как Парис эту злосчастную Елену...

Плача от радости, приник Одиссей к груди верной супруги.

— Много мы бед, Пенелопа, претерпели в разлуке,— сказал он.— Теперь снова мы вместе! Дерзкие грабители истреблены, а все убытки я возмещу дарами от царя феаков Алкиноя и своими трудами.

— А я теперь,— улыбнулась Пенелопа,— смогу наконец спокойно закончить свое покрывало в честь богини Афины!

НАРЦИСС И ЭХО

Древнегреческий миф

Очень давно, несколько тысяч лет назад, в стране, которую мы теперь называем Древней Грецией, жила сказочная девушка-нимфа по имени Эхо. Ее домом были тенистые заросли кипарисов, зеленые поляны и берега тихих озер.

Целыми днями забавлялась Эхо с лесными зверями, кормила их из рук, бегала с ними взапуски. И лесные жители так привыкли к ней, что даже пугливая форель заплывала в ее ладони, когда нимфа опускала их в горный ручей.

Но Эхо не умела говорить, она могла лишь повторить последнее слово сказанных другими людьми речей.

Однажды, когда, задумавшись, сидела Эхо у источника, услышала она шум листьев и треск ветвей. Испуганная, спряталась она за ствол большого дерева. А когда выглянула из своего укрытия, увидела стройного, высокого юношу. Он был прекрасен, как статуя, которые высекают художники из камня. На его светлых кудрях красовался венок из нежных голубых цветов, а кожа была золотистой, как само солнце.

Юноша тревожно оглядывался по сторонам. Видно было, что он заблудился и теперь ищет путь к дому.

— Эй, отзовись, кто здесь? — крикнул он.

И Эхо, завороженная его красотой, тихо ответила ему:

— Здесь...

Оглянулся вокруг юноша, которого звали Нарциссом, но никого не заметил, и снова громко крикнул:

— Ко мне скорей!

— Скорей,— повторила Эхо. И, осмелев, пошла навстречу юноше.

Нарцисс так понравился ей, что она уже не могла отвести от него взгляда. И хотя она не могла произнести ни единого слова, ее глаза говорили больше всяких слов.

«Останься здесь, со мной,— просили они.— Без тебя мне будет так грустно. Останься...»

Но гордый красавец не услышал и не понял мольбы.

— Если ты не можешь указать мне дорогу, то зачем ты мне? — сказал он, отталкивая протянутые к нему руки Эхо.

Долго бежала за Нарциссом несчастная нимфа. Продиралась сквозь густые заросли дикого шиповника, прыгала по острым камням, пока не выбилась из сил. Но ни разу не оглянулся жестокий Нарцисс.

Со всеми на свете Нарцисс был одинаково холодным и надменным. Его глаза смотрели на всех одинаково равнодушно, как у статуй, что высекают художники из камня.

Как-то раз Нарцисс возвращался с охоты. Он ловко метнул из пращи камень и убил молодого козленка. Долго шагал он по горной тропинке, неся на плечах свою добычу. День был жарким, и Нарциссу захотелось пить. Он свернул в заросли цветущих кустов и вскоре вышел к роднику.

Такой прозрачной воды Нарцисс еще никогда не видел. Она была чиста, как самое чистое зеркало.

Присев у источника, Нарцисс хотел зачерпнуть воду, но его руки сами собой остановились в воздухе. Он увидел вдруг прекрасного юношу, который смотрел на него из родника.

«Если я коснусь воды, то он исчезнет»,— подумал Нарцисс и замер. Не дыша, глядел он в воду, любуясь собою.

Он хотел встать и уйти, но не смог оторваться от своего изображения. День сменился новым днем, падала роса на цветы, и снова наступал рассвет, а Нарцисс, как каменный, все сидел над родником. Ни шелест трав, ни крики птиц, ни голоса пастухов, гонявших мимо своих овец, не могли отвлечь его. Он забыл о своей добыче, о родном доме, обо всех людях на свете. Потому что больше всего на свете Нарцисс любил самого себя.

Безумными глазами он смотрел на свое отражение, шептал ему ласковые слова. Но вода молчала. Она была молчалива и спокойна, как зеркало.

Силы стали покидать Нарцисса, и он понял, что умирает. Тогда рванулся он к источнику, хотел поцеловать в последний раз свое отражение, но его губы коснулись лишь студеной влаги. Все исчезло, и только круги побежали по воде.

— Прощай,— прошептал Нарцисс и упал в траву.

— Прощай,— повторила вслед за ним Эхо.

А через несколько дней пастухи отправились искать пропавшего юношу. Но они не нашли Нарцисса. Только у самой воды, в траве, увидели белый как снег, душистый цветок. И люди назвали его нарциссом — цветком смерти.

ФИЛЕМОН И БАВКИДА

Мифологический рассказ

В древней Фригии, в одной деревне, за оградой сельского храма долгие годы росли кряжистый дуб и гостеприимная тенистая липа. Но это были не простые деревья, а превращенные в деревья люди.

За храмом простиралось большое болото. В нем каждый вечер, словно толпа деревенских болтливых соседок, собравшихся у колодца, кричали и квакали хоры лягушек. Эти лягушки тоже когда-то были людьми.

Прежде на месте храма была большая богатая деревня. А на краю деревни стояла крытая тростником хижина, в которой жили бедные супруги-крестьяне Филемон и Бавкида.

Филемон пахал землю и сеял ячмень. Вместе с женой они работали в огороде, ухаживали за виноградником. Кроме того, Бавкида собирала в лесу желуди, орехи и ягоды терна. Так в совместных трудах они провели почти полвека. Вместе трудились, а после трудов радостно делили свой скромный обед: ячменные лепешки с козьим сыром и виноградный сок с чистой водой. Все эти годы под тростниковой крышей их хижины жила с ними и Бедность, но супруги спокойно сносили ее присутствие.

— Лишнего нам не надо, а насущное мы имеем,— рассуждал Филемон.— Ведь сказано, что вечными законами богов положено людям работать, иначе пойдешь побираться к равнодушным соседям. Счастлив лишь тот, кто находит счастье в труде! Вставай на заре и становись за воловью упряжку. Вспашешь весною ниву — не останешься без урожая. Мать-Земля Гея любит пот и труды. А когда высоко на небе поднимается Сириус, режь виноградные гроздья, лей в бочку дары Диониса. Окончив труды, мирно винцо с водой попивай — одну часть вина на три части воды!

Так, живя в постоянных трудах, Филемон и Бавкида состарились.

Но однажды неожиданно к ним явились гости: два путника, покрытые пылью и пóтом от дальней дороги. Старший был величав, коренаст и плечист, высок ростом. Его кудрявые волосы пышно спадали до плеч. Младший же был легконогий юноша в круглой шапочке и в темном плаще.

Они обошли всю деревню, прося пустить на ночлег, и везде был отказ. А в одном доме на них накричали и даже спустили собак.

И только здесь, в самой бедной хижине, их встретили как желанных гостей.

Лишь вошли они, нагнувшись, в низкие двери, Филемон поднялся, подвинул скамью, а Бавкида застелила ее грубой, но чисто выстиранной тканью и пригласила путников отдохнуть. Она раздула в очаге угли, бросила веток и листьев, оживив огонь. Потом подвесила над огнем котелок. Филемон принес с огорода овощей для похлебки. Бавкида, взяв теплой воды, налила ее в кленовый ушат и, сняв с путников запыленные сандалии, омыла им ноги и предложила прилечь.

— Скажи нам, любезный хозяин, как твое имя? — спросил старший путник.

— Филемон, а жену мою зовут Бавкида.

— Должно быть, вы бедны?

— Не жалуюсь на богов, гость мой. От трудов своих я сыт, а большего мне не нужно. От лишнего не будешь счастливее, ведь желаниям нет предела.

— Но скажи, Филемон, как, по-твоему: правильно ли, хорошо ли живут люди?

— Нет, путник, нехорошо! Я прожил долгую жизнь, но не нашел в людях правды. Ныне гончар ненавидит гончара и плотника плотник: всю бы работу, все деньги себе бы забрал. С завистью смотрит певец на певца и даже на нищего нищий: посмотри, как у храма они дерутся за медную монетку. Зависть с гнусным лицом и ненасытная Алчность — вот их друзья. Ну, а Совесть и Честь вознеслись на Олимп, к вечноживущим богам. Нам же, простым смертным, остались труд подневольный и злые бедствия. Грабеж и насилие суд не карает, потому что грабители угождают дарами царям. Они пьют дорогое вино из золотых чаш, бедным же остается есть орехи да желуди. А бессмертная Правда, видно, плачет напрасно перед троном своего отца Зевса.

— А как же, по-твоему, надо жить?

— А вот как: у соседа волы, у меня семена. Один даст другому волов, другой ему семена. Оба вспахали бы, оба

засеяли. Так-то, гость, по-моему, надо бы жить людям.
Тем временем сварилась похлебка. Бабкида натерла доски стола листьями мяты, поставила ягоды терна, редьку, салат, творог, поставила глиняную, расписную чашу с молодым вином, деревянные, промазанные воском кубки.

Выпили гости вино — и дивное дело! Чаша вновь наполнилась сама собой.

Удивился Филемон. Вдруг, раскинув крылья и гогоча, в хижину вбежал гусь, а за ним Бавкида. Филемон поймал гуся.

— Что это за гусь? — спросил младший гость.

— Наш гусь. Хочу зажарить его для гостей,— ответил Филемон.

— Так вы хотите единственного вашего гуся зарезать для нас? — спросил старший путник.— Я запрещаю!

— Это наш долг,— возразил Филемон.— Ведь каждый добрый гость — подарок Зевса!

— Узнай же тогда, что я сам верховный миродержец Зевс. А это бог Гермес!

Бросились старики на колени. С путников же мигом слетели лохмотья. В белоснежных одеждах с каймою явился Зевс, а юный Гермес в красивом коротком хитоне, и на его шапочке и на сандалиях выросли крылья.

— Помилуйте нас, вечные боги, что так плохо вас приняли! Помилуйте за убогое угощение!

— Хорошо принимает не тот, кто ставит богатую трапезу, а тот, кто от сердца отдает все, что может. Теперь же покиньте ваш дом, идите за нами,— сказал Зевс.

Боги покинули хижину, за ними, опираясь на палки, двинулись Филемон и Бавкида. Они поднялись по склону холма, посередине склона оглянулись и видят — всю деревню затопила вода. Боги превратили деревню в болото, а ее равнодушных и жадных обитателей — в лягушек. Лишь возвышается над болотом хижина Филемона и Бавкиды. И вдруг хижина стала расти. На месте деревянных подпорок стали колонны, крыша блестит медью, а земляной пол стал мраморным.

Оглянулся к старикам Зевс и, ласково улыбнувшись, промолвил:

— Скажите мне, праведный старец, и ты, достойная мужа супруга, ваши желания. Будет исполнено все!

Перекинулись словом муж и жена. Потом Филемон промолвил:

— Если наша хижина стала храмом, позволь нам при

ней службу нести, для сельской работы мы уже слабы. И еще желаем, чтобы мы как вместе жили, так вместе и умерли бы. Чтобы не пришлось ни мне ее хоронить, ни ей рыдать над моим пеплом.

— Пусть так и будет! — сказал Зевс.

Филемон и Бавкида прожили еще долгие годы. Но однажды, сидя на ступенях храма, они припомнили свою жизнь. И вдруг Филемон увидел, что Бавкида одевается в зелень. И она увидела тоже на муже листья. Только успели они прошептать: «Прощай, жена» — и в ответ услышать: «Прощай, муж». Так и стали они дубом и липой.

С тех пор приходят сюда молодожены, и на их сучья вешают венки из цветов, что, говорят, приносит счастье в супружеской жизни.

Вл. Муравьев

СЫНОВЬЯ РЕИ СИЛЬВИИ

По мотивам древнеримской легенды

Страшные грозы и ливни обрушились в то лето на Альбанское царство. Черные тучи днем и ночью покрывали небо, и люди уже много недель не видели ни солнца, ни луны.

Предсказательнице — сивилле, обитавшей в дубовой роще у Велабрума,— боги открыли, что гнев их вызвал властитель Альбы, царь Амулий, который совершил три страшных злодеяния и еще совершит четвертое, но четвертое злодеяние будет последним и принесет ему гибель.

Люди не ведали тайных злодеяний царя, но сам он знал, за что карают боги его царство.

Первое было совершено Амулием в тот день, когда умер его отец царь Прока Сильвий.

Их было двое сыновей у Прока — старший Нумитор и он, Амулий, младший. Прока завещал царский престол старшему сыну.

Но Амулий в жажде власти восстал против отцовского завещания.

Вооружась, он пришел к Нумитору и сказал:

— Брат, во мне течет та же царственная кровь, что и в

тебе. Лишь слепой случай сделал тебя старшим. Но я сильнее тебя, и мне более пристало быть царем, чем тебе.

Робкий Нумитор уступил. Из царя он стал лишь братом царя.

Так Амулий попрал святое отцовское завещание.

Затем совершилось второе злодейство.

Боясь соперничества и мщения со стороны юного сына Нумитора, Амулий позвал племянника на охоту и там убил его.

Но обезопасив себя в настоящем, Амулий подумал о будущем.

У Нумитора была дочь красавица Рея Сильвия. Амулий рассудил: «Если у Реи Сильвии родится сын, то во мнении народа он будет иметь больше прав на царский престол, чем имею я, потому что он внук Нумитора».

И Амулий решился на третье преступление.

Тогда как раз подошел срок избрания девушек в жрицы храма божественной Весты, покровительницы царства. По древнему обычаю, их избирали из дочерей достойнейших и знатнейших фамилий.

Авгуры вопрошали богиню, кого она желает получить в жрицы, и, получив знамение, толковали волю богини народу. Дочь Нумитора не была отмечена Вестой. Видно, боги приготовили ей другую судьбу.

Но Амулий все же склонил жрецов избрать Рею Сильвию, сказав:

— В Альбе нет ни одной девушки достойнее и знатнее Реи Сильвии, поэтому ей более других подобает служить у алтаря Весты.

Рея Сильвия стала жрицей. Как установлено от века, она принесла обет вечного безбрачия, поклявшись в том, что у нее не будет никаких иных забот, кроме заботы о поддержании вечного огня пред алтарем богини, и других обязанностей, кроме обязанности неустанно возносить молитвы о благе альбанцев.

Теперь Амулий мог не бояться сына Реи Сильвии — его никогда не будет.

Вот про эти три преступления и было открыто сивилле из дубовой рощи у Велабрума. Царь тайно подослал к ней верных людей выведать, что за поступок грозит ему гибелью, но сивилла ответила:

— Этого боги мне не открыли.

Амулий, чтобы умилостивить богов, распорядился увеличить жертвы, приносимые во всех храмах.

В одно утро, хмурое и дождливое, как все утра этого лета, Рея Сильвия спустилась с холма, на котором стоял храм Весты, к Тибру за водой для жертвоприношения. Она уже возвращалась обратно, когда вдруг налетел ужасный вихрь, загрохотал гром, сверкнула молния и разразилась гроза, превосходившая по своей силе все предыдущие.

Грохочущие потоки воды, хлынувшей с небес, закрыли все вокруг, и даже блеск молний не мог пробить белую мглу. Наверное, так было во время всемирного потопа.

Дрожащая от страха девушка забежала в пещеру под укрытие камней.

И вдруг шум и грохот смолкли. Непонятной радостью наполнилось ее сердце, вытеснив страх. Темная пещера, казалось, была освещена странным, загадочным светом, хотя в ней не было светильников.

Рея Сильвия обернулась и увидела прекрасного юношу в золотом шлеме с изображением волка, в блестящих латах и с копьем в руке.

— Тебя тоже заставила скрыться сюда гроза? — спросила Рея Сильвия юношу.

— Нет,— ответил юноша.— Я здесь жду тебя.

— Но кто ты?

— Неужели ты не узнала меня, Рея Сильвия? Я — Марс. Боги предназначили тебя мне в жены.

— Но я не могу быть ничьей женой. Я посвящена богине Весте.

— Весте посвятили тебя люди, а боги решили твою судьбу иначе. Предначертаниям же богов не может противиться никто из людей, и ты тоже, Рея Сильвия.

Минуло лето, за летом осень и зима. А весною, когда разлились воды Тибра, Рея Сильвия родила двух мальчиков-близнецов.

Напрасно говорила она, что ее супруг и отец ее сыновей Марс. Жрецы не поверили ей. За нарушение обета Рею Сильвию обрекли на смертную казнь.

А близнецов Амулий приказал бросить в бурные воды Тибра.

Той весной воды Тибра разлились, как не разливались никогда. Все низины и долины вдоль берегов превратились в огромные озера и заводи.

Слуги, посланные выполнить приказ Амулия, долго шли по берегу. Но, видя, что приблизиться к реке невозможно,

положили младенцев в деревянное корыто и пустили корыто в заводь около Палатинского холма, надеясь что рано или поздно оно выплывет на быстрину и могучий Тибр потопит его в своих волнах. Места вокруг были пустынные, необитаемые, помощи младенцам прийти неоткуда.

Но едва посланцы царя Амулия ушли, совершив свое злодейское дело, вода в Тибре начала убывать, и деревянное корыто с близнецами оказалось на суше, в тени смоковницы.

Дети замерзли, проголодались и подняли плач. Они плакали, но ни один человек не слышал их.

Мимо смоковницы пролегала тропа, по которой волчица с холмов бегала на водопой. Волчица в ту пору была щенная. Она бежала, волоча по земле тяжелые от молока сосцы. Она торопилась поскорее вернуться в логово к волчатам, но детский плач остановил ее. Мать, кто бы она ни была, понимает зов младенца.

Волчица свернула с тропы, нашла близнецов, облизала их и дала свои сосцы.

С тех пор волчица прибегала каждый день и кормила сыновей Реи Сильвии.

Однажды царский раб, пастух по имени Фавстул, перегонял стадо с одного пастбища на другое и увидел волчицу, кормящую мальчиков.

«Если дикий зверь имеет в сердце сострадание к бедным близнецам, то неужели человеку можно пройти мимо их несчастья?» — подумал он и, когда волчица, покормив, убежала, вынул детей из их корыта, завернул в плащ и отнес домой, в свою бедную соломенную хижину.

Жена Фавстула Ларенция накануне разродилась от бремени, но младенец умер, не прожив и дня.

— Ларенция, боги взяли нашего ребенка, но послали нам этих двух детей,— сказал пастух, входя в хижину, и рассказал ей, где и при каких обстоятельствах он их подобрал.

— Это, наверное, сыновья несчастной нарушительницы обета Реи Сильвии,— сказала Ларенция.— Проведает царь, что они у нас, и всем нам несдобровать.

— Я знаю это,— ответил Фавстул.— Однако никто не видел, как я брал их. Скажем людям, что они наши дети.

Близнецов назвали: одного Ромул, другого Рем.

Между тем шли годы. Ромул и Рем выросли. Как и Фавстул, они стали умелыми и знающими свое дело пастухами. Лишь одно поражало в них товарищей — совсем не пасту-

шеская страсть к охоте. Но вскоре Ромул и Рем увлекли охотничьими забавами товарищей, и ватага молодых пастухов часто рыскала с луками, копьями и ножами по окрестным лесам и холмам, гоняя дичь.

Однажды охотники-пастухи встретили в лесу разбойников, возвращавшихся с грабежа. Разбойники несли одежду и посуду, сыр и мехи с вином, гнали скот. Они были разгорячены набегом, довольны богатой добычей.

— Эй вы, пастухи, где же ваши коровы? — крикнул предводитель разбойников, обращаясь к пастухам.— А то бы мы их тоже прихватили.

Разбойники громко засмеялись, а Ромул ответил:

— Мы не из тех, кто легко отдает свое имущество.

— Все вы, пастухи, одинаковы,— с презрением проговорил предводитель.— Вон сколько всего взяли мы у пастухов, кочующих за холмами.

— А мы все это отнимем у вас,— воспламеняясь гневом, сказал Ромул.— Бейте их, друзья! Да помогут нам боги!

Пастухи с воинственными криками напали на разбойников. Разбойники не выдержали натиска, бросили добычу и побежали.

Пастухи с торжествующими возгласами преследовали бегущих разбойников до границы своих селений, установленной и охраняемой Термином — богом межей и пограничных знаков.

Затем они поделили добычу между собой и с торжеством вернулись в свои хижины.

Разбойники затаили злобу и поклялись отомстить пастухам за свое поражение. Более всего жаждали они расправиться с Ромулом и Ремом.

Наступили Луперкалии — празднества в честь бога стад волка Луперка. Пастухи принесли богатые жертвы Луперку, чтобы он умилостивился и не резал скот. Начались празднество и пиршество. Нагие и безоружные юноши, опоясанные лишь шкурами принесенных в жертву Луперку коз, как требовал того обычай, гонялись друг за другом, нанося друг другу и всем встречным удары кожаным ремнем.

Вдруг из леса показался большой отряд вооруженных людей, которые накинулись на мирную толпу пирующих и веселящихся пастухов.

Пастухи узнали в нападавших тех разбойников, у которых они отобрали добычу.

— Хватайте главарей! — кричал их предводитель, устремляясь к Ромулу.

По пяти или десяти разбойников — в суматохе не разберешь — набросились на Ромула и Рема.

Завязался отчаянный бой. Пастухи побежали. Ромулу удалось отбиться, а Рему не повезло. Когда пастухи опомнились и готовы были вступить в новое сражение, разбойники уже скрылись, утащив с собою Рема, связанного по рукам и ногам.

Разбойники притащили Рема в дом Нумитора.

— Господин,— сказал Нумитору предводитель разбойников,— этот раб и его брат — главари шайки пастухов, которая творит набеги на твои земли и, словно враги, угоняет твой скот. За такое преступление он заслуживает смерти. Отдаем его в твои руки, господин, а брату его удалось убежать от нас.

Рем стоял перед Нумитором и смело смотрел ему в глаза. Непонятное волнение ощутил Нумитор, увидя молодого пастуха, и ему почему-то вспомнились погибшие внуки.

— Кто ты? — спросил Нумитор.— Как твое имя?

— Я пастух, мое имя — Рем.

— Твой брат, наверное, старше тебя, если он сумел спастись, а ты попался?

— Мы с ним близнецы и родились в тот год, когда было великое наводнение.

— Вы угоняли мой скот?

— Мы не знали, что он принадлежит тебе.

— Все равно ты и твой брат заслуживаете казни, и я прикажу казнить вас,— сказал Нумитор и махнул рукой, чтобы стража увела пастуха.

Рема заключили в темницу.

Когда молодого пастуха увели, старый Нумитор задумался. «Нет, этот пастух не похож на раба»,— думал он, а воспоминание о внуках, сыновьях Реи Сильвии, погубленных Амулием, не оставляло его. И чей-то голос, может быть голос бога Марса, говорил ему: «Рем — твой чудесно спасенный внук...»

До пастухов, живших на Палатинском холме, дошла весть о том, что Нумитор приказал казнить Рема и что Ромула тоже ожидает такая же участь. Тогда Фавстул открыл Ромулу тайну его происхождения.

— Я сделал для тебя все, что было в моих силах,— сказал старый пастух приемному сыну,— теперь же стены моей хижины — плохая защита. Да будет твоим заступником твой божественный отец.

Справедливый гнев на похитителя престола его деда и

убийцу его матери вспыхнул в сердце Ромула. Он исполнился отвагой и дерзостью отомстить за обиды и возвратить престол Альбанского царства тому, кому он принадлежит по праву.

Накануне во сне Ромул видел орла и счел это добрым предзнаменованием.

Ромул созвал товарищей-пастухов и велел им с оружием, поодиночке, чтобы не вызвать подозрения у стражи у городских ворот, прийти в назначенный час в Альбу к царскому дворцу и ждать его знака.

Между тем Нумитор утвердился в мысли, что Рем — один из его внуков, сын Марса и Реи Сильвии.

Тогда он призвал Рема и сказал ему:

— Ты не пастух, но внук мой,— и открыл ему, как Амулий, нарушив отцовское завещание, беззаконно занял царский престол, а также рассказал обо всех преследованиях и бедах, которые терпел от него он сам и его род.

— Царственный дед,— ответил ему Рем,— дай мне оружие и людей, и я отомщу Амулию за наши обиды.

Нумитор вооружил Рема и дал ему людей.

В это время пастухи Ромула уже собрались у дворца.

Ромул подал условный знак.

Пастухи бросились на стражу, охранявшую дворец. Скрестились мечи, затрещали копья. Начальник охраны протрубил тревогу. Выбежали на помощь охране воины из внутренних покоев.

Вряд ли пастухам удалось бы осилить бывалых воинов царя Амулия, но тут подоспел Рем с людьми Нумитора.

Битва разгорелась с новой силой. Предводительствуемые Ромулом и Ремом пастухи и люди Нумитора опрокинули охрану и ворвались во дворец.

Амулий пытался бежать, но был убит на пороге собственного дворца.

С торжествующими возгласами победители двинулись к главной площади Альбы.

Подойдя к дому Нумитора, Ромул и Рем провозгласили:

— С помощью богов тиран Амулий убит. Приветствуем тебя, царь альбанский Нумитор!

Нумитор вышел на площадь и всенародно объявил о завещании царя Прока и нарушении его Амулием. Также он сказал о рождении Ромула и Рема, их чудесном спасении и о том, как стало известно их настоящее происхождение.

Народ Альбы, покинувший свои дома и собравшийся на площади, единодушно признал Нумитора царем Альбы и приветствовал его.

— Просите, что желаете,— сказал Нумитор Ромулу и Рему,— и любое ваше желание будет исполнено, если только оно в силах человеческих.

— Царь,— сказали Ромул и Рем,— даруй нам земли, лежащие по Тибру, где мы были оставлены беспомощными младенцами и чудесно спасены от смерти. Там мы оснуем город.

Нумитор подарил внукам просимые земли и позволил тем, кто пожелает этого, переселиться из Альбы туда на жительство.

Ромул и Рем, а с ними множество народа пошли по берегу Тибра туда, где над равниной возвышались семь холмов, на которых должен был встать новый город.

Пастухи, которыми при нападении на царский дворец предводительствовал Ромул, считали, что город следует назвать его именем и что он должен стать его правителем. Люди же Нумитора, сражавшиеся под предводительством Рема, называли Рема.

— Пусть боги своим знамением укажут, как нам поступить,— решили Ромул и Рем.

Ромул встал на Палатинском холме, Рем — на Авентинском. Жезлами авгуров братья очертили участки неба, где должно явиться знамение богов,— Ромул на востоке, Рем на западе.

На западе пролетели шесть коршунов.

— Рем — царь! — воскликнули его приверженцы.

Но в это мгновение на востоке взмыла вверх стая в двенадцать быстрых коршунов.

— Ромул — царь! — закричали сторонники Ромула.— Боги указывают на него!

— Но Рему первому было знамение! — сказали первые.

— Но Ромулу боги явили двенадцать коршунов, а Рему только шесть! — возразили вторые.

Спор разгорался.

Кое-где перебранка перешла в драку, а потом началось всеобщее сражение.

Сверкнуло оружие, пролилась кровь.

— Остановитесь, безумцы! — кричали более рассудительные.— Попросим богов о новом знамении!

Но когда дравшиеся опомнились и остановились, когда разошлись в разные стороны, на поле боя осталось трое убитых бойцов.

И среди них — Рем.

Так решился спор.

— Да будет властителем нового города Ромул,— сказали люди.— Да будет город зваться именем Ромула. Да будет он вечен.

И назвали город Рома.

По-русски он зовется Рим.

РУССКИЕ ПРЕДАНИЯ И СКАЗЫ

Вл. Муравьев

ВЕЩИЙ ОЛЕГ

1

В те стародавние времена, когда в греческой земле царствовал царь Михаил, в Новгороде княжил старый Рюрик.

Воеводой у него был храбрый и мудрый муж по имени Олег.

Олег ходил на окрестные племена — весь, мерю и мурому, воевал кривичей, лопь и корелу и наложил на них дань.

Прожил Рюрик без малого сто лет, пришло ему время умирать, и сказал он воеводам, дружине и боярам:

— Сын мой родной — Игорь еще мал и несмышлен, потому передаю княжение Новгородское в руки Олега. Олег будет над вами князем.

Старый Рюрик умер.

Олег стал княжить в Новгороде.

2

Олег жил в Новгородской земле издавна. Многие годы воеводствовал. Однако никто не знал, какого он племени и чьего рода. Иные говорили, что он Рюриков племянник. Другие уверяли: «Нет, не родня Олег князю Рюрику и не из варягов он, а из славян и родом то ли из Пскова, то ли из Полоцка». И это походило на правду, потому что Олегу было открыто многое, чего не ведает обычный человек. А всем известно, как раз в тех краях живут мудрые волхвы и кудесники.

3

Стал Олег княжить в Новгороде.

А новгородцы волновались, вспоминали прежние времена, добрым словом вспоминали словенского князя Вадима Храброго, который поднял восстание против Рюрика, но был им убит. Новгородцы говорили: «Очень большую дань берет с нас Олег. Если подчинимся ему совсем, много зла придется нам вытерпеть».

Воеводы и дружина тоже роптали: им дань, собираемая

Олегом с новгородцев, казалась слишком мала. С завистью слушали они рассказы купцов про богатое Греческое царство, про богатый город Царьград, что стоит на далеком теплом Понтийском море, называемом также Русским морем.

Однажды весною пришли к Олегу два воеводы, два брата, Аскольд и Дир, и говорят:

— Отпусти нас, князь, с родичами и с малой дружиной в поход, поискать богатства в Царьграде.

— Идите,— ответил им Олег,— посмотрите своими глазами, правду ли говорят купцы, а через год возвращайтесь. Если правда, что Греческое царство так богато, как о нем говорят, то пойдем туда всей дружиной.

4

Путь в Греческое царство из варяжских стран и из Новгорода пролегал сначала по реке Ловати, потом с Ловати на реку Днепр волоком и по Днепру вниз мимо города Смоленска до Русского моря. И звался тот великий путь — путь из варяг в греки.

Подступили Аскольд и Дир со своей дружиной и родичами к Смоленску, но город взять не решились, потому что был он велик и много в нем было людей.

Долго плыли Аскольд и Дир по Днепру. Дружина приустала, обносилась, да и припасы кончились.

Плыли они, плыли и в один день увидели на высокой горе над рекою малый городок. Вокруг городка деревни с мужиками, вспаханные нивы — богатая земля.

Остановились Аскольд и Дир у города, спросили:

— Чей этот город? Как ему название?

Люди из города отвечают:

— Город наш зовется Киев. Поставили его три брата — Кий, Щек и Хорив — и сестра их Лыбедь. По старшему брату город зовется Киев. Эта гора зовется по имени второго брата — Щековица, та по имени третьего — Хоривица, а река, что впадает в Днепр, по имени сестры зовется Лыбедью. Но было то давно. Кий, Щек, Хорив и Лыбедь умерли, а теперь живем тут мы. Племя наше зовется полянами, потому что живем среди полей. А дань мы платим хазарам.

— А мы князья новгородские! — сказали тогда Аскольд и Дир.— Не платите больше дани хазарам, платите нам. Мы же будем вас охранять от хазарских набегов.

Мирные поляне согласились.

Аскольд и Дир сели в Киеве и стали княжить.

5

Между тем с того времени, как Аскольд и Дир с малой дружиной ушли из Новгорода, минул год. Вся остальная дружина ждала их возвращения. И воеводы ждали. И Олег ждал. Толки о царьградских богатствах не утихали.

А когда минул условленный срок, самые нетерпеливые сказали:

— Мы сидим тут в бедности, а ушедшие с Аскольдом и Диром уже обогатились. Рыба ищет, где глубже, а человек — где лучше. Зря мы ждем их, они сюда не вернутся. Пошли и мы вослед за ними!

Нашлись, правда, осторожные люди.

— А что, если рассказы про богатства Греческого царства — пустые сказки? — говорили они.

— Будем ждать достоверных вестей,— решил Олег.

Но нетерпеливая дружина подступила к Олегу:

— Князь, веди нас в Царьград!

— Нельзя пускаться в столь далекий поход, не зная, зачем идем,— ответил Олег.

Но воины не хотели слушать разумных доводов:

— Веди нас в Царьград, или мы уйдем без тебя.

Олег сверкнул глазами, крикнул:

— Или вы не знаете, что и волчья стая без вожака гибнет? Не за богатством, а за смертью стремитесь вы, неразумные!

Призадумалась дружина.

Тогда Олег продолжал:

— Я водил вас на мерю и мурому, на весь и лопь, на кривичей и корелу. Знали вы когда-нибудь со мной поражение?

— Нет, не знали,— ответила дружина.

— Через три дня и три ночи я скажу вам, поведу вас на Царьград или нет.

Буйная дружина склонила головы.

6

На берегу Ильмень-озера, невдалеке от вросшего в землю каменного Перуна, неведомо когда и кем воздвигнутого, стоял Старый город. Стены его обветшали, но были еще крепки. Жилье обомшело, но не поддалось непогоде — ни дождю, ни снегу. Люди покинули эти места еще в первые

годы княжения Рюрика, когда князь поставил на Волхове Новый город.

С тех самых пор в Старом городе поселились враги рода человеческого — чуры, берегини, домовые, водяные и лешие.

Встречи с ними не сулили добра, и поэтому люди обходили брошенный город стороной.

Вот туда-то, в Старый город, к старому Перуну удалился князь Олег на три дня и три ночи.

Наступила первая ночь.

Спит дружина. Спят все люди новгородские. Один Олег не спит.

Когда заухала ночная птица-сова, князь Олег ударился о землю, обернулся серым волком, перескочил через стену и побежал в темный лес.

В мгновенье ока, где бегом, где скоком, прибежал волчище к Смоленску и помчал дальше по-над Днепром-рекой, по которой пролег великий путь из варяг в греки.

Взошло солнце.

Наступил полдень.

Волк устал, сбил лапы.

Ударился волк о землю, обернулся туром.

Поскакал тур по зеленым полянам, по высоким горам. Три раза скакнул — достиг Киевских гор. Увидел: стоит на горах Киев-город, и княжат в нем Аскольд и Дир.

Поскакал тур дальше.

День скакал, ночь скакал. Видит: стоит на море город Царьград, окружен белокаменной стеной, крыши домов горят золотом, у пристани видимо-невидимо кораблей.

Ударился тур о землю, обернулся ясным соколом.

Прилетел сокол на окно золотого царского дворца. Видит: сидят на троне греческие цари Лев Премудрый и его брат Александр.

Потом пролетел сокол по большим базарам, на которых торговали торговцы со всего света. Пролетел над богатыми палатами царьградских вельмож, над дворами горожан. Правду говорили купцы: богат город Царьград. Пожалуй, даже еще богаче, чем утверждала молва.

Как увидел все это сокол, взвился в поднебесье и полетел в обратный путь.

Ночь летел, день летел. На третью ночь прилетел на Ильмень-озеро, опустился у седого старого Перуна в Старом городе, ударился о землю, и снова принял князь Олег человеческий облик.

Олег сказал дружине:

— Я поведу вас на Царьград. Далек и труден туда путь, но там ждет нас богатая добыча.

7

Князь Олег собрал большую дружину. Были в ней и варяги, и славяне, и чудь, и меря, и кривичи. Для далекого похода построили и снарядили тысячу ладей.

Принеся в жертву Перуну и Велесу, а также почтив пращуров, новгородская дружина двинулась в поход. Игоря — малолетнего сына Рюрикова — Олег взял с собою, а править Новгородом оставил воеводу Добрыню.

Подступив к Смоленску, Олег взял город и посадил в нем воеводой мужа из своей дружины.

Двинулся Олег далее вниз по Днепру. С ним пошли и смоленские воины.

Дойдя до Любеча, взял Олег и Любеч. И в нем посадил своего дружинника.

Плыл Олег через земли радимичей, северян и древлян — племен славянских. Приплыл в землю полян, к Киевским горам.

8

Немного не дойдя до Киева, Олег поставил дружину станом, а сам с малым числом воинов подплыл к городу и встал там. Двух людей Олег послал в город к Аскольду и Диру, велев сказать им, что-де прибыл к их городу гость, идет с товаром и разным узорочьем от князя Олега из Новгорода в греки и хочет-де передать им некие речи. А сам не идет в город, потому что лежит в тяжкой болезни. Так что пусть придут Аскольд и Дир повидать соплеменников.

Послав двух воинов в город, остальным Олег велел лечь в ладьи и спрятаться до поры.

Аскольд и Дир, не подозревая ничего, пришли на берег без дружины.

Тогда Олег встал из ладьи и сказал:

— Вы не князья и не княжеского рода, а я — князь, и со мною Игорь-княжич. Не вам, а мне надлежит здесь править.

Сказав это, Олег свистнул, подавая знак спрятавшимся

воинам. Воины выскочили из ладей, набросились на Аскольда и Дира и убили их.

Аскольда и Дира погребли на Угорской горе, а Олег с дружиной вошел в город.

9

Олег сказал:

— Да будет Киев — мать городов русских!

И начал ставить города по всей Русской земле.

От сего времени и началось на Руси великое княжение Киевское.

В то же лето со многими воинами пошел Олег на Древлянскую землю, взял их город Коростень и наложил на древлян великую дань: по золотой куне от дыма.

Потом пошел на северян и радимичей.

— Кому вы даете дань? — спросил он их.

— Хазарам,— ответили северяне и радимичи.

— Я враг хазарам,— сказал Олег,— и вы теперь давайте дань не им, а мне.

Олег положил северянам и радимичам легкую дань: по серебряной монете — щеляге от сохи, и они были рады столь легкой дани.

Так под рукой Олега, кроме прежних племен, оказались поляне и древляне, северяне и радимичи.

10

Зиму Олег готовился к походу на Царьград.

Всю зиму славяне валили в лесах вековые деревья, тесали и долбили большие и малые ладьи и сволакивали их к Днепру. Сделали они две тысячи кораблей — в десять, в двадцать и в сорок уключин.

Когда прошел по Днепру лед, ладьи спустили на воду, приладили паруса и прочую снасть.

Князь Олег собрал для похода великую силу. Были тут и варяги, и славяне, и чудь, и кривичи, и меря, и древляне, и радимичи, и поляне, и северяне, и вятичи, и дулебы. Были тут и тиверцы, которые разумели славянский и греческий языки и могли быть толмачами. Все эти племена греки называли одним именем — Великая Скифия.

Перед выступлением в поход Олег сказал:

— Много я дал бы имения тому, кто предскажет, от чего мне судьба умереть.

Случившиеся в ту пору в Киеве два мудрых волхва ответили князю:

— Мы, господин, ведаем твою судьбу, от чего тебе будет смерть. Есть у тебя, господин, любимый конь, и от того коня ты умрешь.

Не понравились князю слова мудрых волхвов, задумал он убить их и спрашивает:

— Мне вы предсказываете смерть от моего любимого коня, а что вы, волхвы, ведаете о своей собственной смерти?

— Тебе, князь, суждено принять смерть от коня,— ответили волхвы,— а нам от тебя.

Князь Олег на это им говорит:

— Вы в моей воле, но я не погублю вас. А на моего любимого коня отныне никогда больше не сяду.

Князь повелел увести коня со двора, кормить и беречь его и никогда не приводить пред его княжеские очи.

Олег сел в переднюю ладью. Гребцы ударили веслами, ладья поплыла вниз по Днепру. За нею и все остальные ладьи.

А по берегу шла великая конная рать.

11

Плыли ладьи, и двигалась конная рать вниз по Днепру, туда, где впадает он своим устьем в теплое Понтийское море, слывущее также Русским.

А за тем морем стоит Царьград.

На восьмой день пути Олеговы дружины приплыли к тем местам, где Днепр сужается, и посреди него поднялись над водою три скалы. Это был первый из семи Днепровских порогов — порог, который зовется «Не спи!».

Прямиком здесь плыть нельзя — разобьет о скалы.

Перед порогом люди высадились на сушу, выгрузили поклажу. Гребцы разделись донага. Одни вошли в воду и пошли у берега по мелководью, ощупывая ногами дно, чтобы узнать, не скрывается ли под водой камень. А другие гребцы за ними осторожно вели ладьи.

Вода же бурлила между скал и падала с порога с грохотом, повергающим в страх.

Затем таким же образом миновали второй порог, прозванный Островным, потому что тут много островов.

За ним был порог Звонец, где особенно громко шумела вода по камням.

Четвертый порог — самый большой — называется Неясытец. Здесь, в камнях, гнездовья сов-неясытей.

Тут нельзя было провести ладьи даже возле берега. Все ладьи вытащили на сушу и, пока не миновали порог, несли их на руках три тысячи сажен, или тридцать полетов стрелы, пущенной умелым лучником.

На это ушел целый день.

И весь день вдали, в поле, скакали печенеги, но приблизиться не посмели.

За Неясытцем был Вар-порог, где пучина кипела, как кипит в котле кипяток-вар. Потом был порог Вертучий и последний, седьмой порог, что зовется Гудило.

Пороги прошли с самым малым уроном и на острове Хортице, где растет дуб, посвященный богу-солнцу Хорсу, принесли благодарственные жертвы живыми петухами, хлебом и мясом — у кого что было.

В устье Днепра, в виду Понтийского моря, оснастили ладьи уже не для речного, а для морского плавания. Взяли в ладьи конную рать и с попутным ветром, удалившись от берега на столько, чтобы глаз видел землю, поплыли, держа направление на Царьград.

12

И вот увидели Олег и его воинство Царьград, сияющий за белокаменной стеной златоглавыми храмами и белыми палатами. Вокруг же города были обширные предместья и сады.

Но стража на царьградских стенах тоже увидела приближавшиеся ладьи, которых было так много, что они покрыли все море.

В страхе прибежали стражи к греческим царям Льву Премудрому и его брату Александру:

— На город с моря идет Великая Скифия! Нет числа их кораблям, они покрыли все море!

Греческие цари Лев Премудрый и его брат Александр приказали запереть гавань и затворить ворота, а священникам повелели молить бога, чтобы он оборонил Царьград от нечестивой Скифии.

Тотчас же царьградские сторожа заперли гавань. Через залив, называемый Золотой Рог, иначе именуемый Судов,

потому что в него входят суда, они протянули от башни Галаты, находящейся на одном берегу залива, до башни возле Влахернской церкви, что стоит на другом берегу, крепкие железные цепи.

Не раз эти цепи спасали Царьград от вражеских кораблей.

Как стая быстрых соколов неслись к Царьграду Олеговы ладьи. Уже воины седлали коней, уже дружина обнажила мечи, уже лучники доставали из колчанов пернатые стрелы.

Одна ладья стремилась обогнать другую, и каждый хотел быть первым.

Когда передние ладьи заметили цепи, преграждающие путь в залив, было уже поздно. Послышался страшный треск, упали белые паруса, закачались на волнах обломки, залив огласился криками утопающих.

Олег повернул ладьи обратно и пристал поодаль от гавани.

Воины сошли на берег.

13

Олеговы дружины разорили предместья. Дома и палаты разнесли по камешку, храмы пожгли. Захваченных в плен царьградцев посекли мечами, постреляли стрелами, побросали в море, творя много зла, как это всегда бывает в войну.

А разрушив и разграбив предместья и захватив все вокруг, осадили город.

Но города взять никак не могли: слишком крепки и высоки были стены, слишком крепки железные ворота и медные крюки и засовы, на которые они заперты, а в подворотню только что мурашу пролезть.

Близок локоть, да не укусишь.

14

Много дней стоял Олег под стенами Царьграда.

С моря бы сподручней взять город, но не пройти ладьям через те железные цепи.

А царьградские горожане, выйдя на стену, смеялись над Олегом.

— Эй, господин князь Олег,— говорили они,— много ты прилагаешь усилий, чтобы взять наш город, совсем изму-

чился, а все напрасно. В былые времена великие восточные цари, не чета тебе, приходили под стены Царьграда, и даже те не смогли его взять. А иные и головы здесь положили. И ты ничего не добьешься и отойдешь восвояси.

И еще говорили они Олегу:

— Не взять тебе на щит Царьграда, потому что нам помогает наш бог небесный. Лишь тогда отступится он от нас и предаст в твои, князь Олег, руки, когда твои корабли пойдут к нашему городу по полю, как по воде.

Омрачился Олег: слыханное ли дело, чтобы корабли шли посуху, как по воде. Но воинству он сказал:

— Лучше нам, ратия, быть убитыми в чужой земле, нежели возвратиться восвояси без славы.

И стал князь Олег думать, как бы ему одолеть Царьградскую крепость.

15

Олег повелел воинам сделать многие тысячи колес.

Потом приказал вытащить на сушу ладьи и поставить их на колеса.

Пешая рать села в ладьи, конная на коней.

Ветер дул с поля на город.

На ладьях подняли паруса, и ладьи побежали к стенам Царьграда посуху, как по воде.

Увидев такое неслыханное чудо, греки устрашились и в страхе зарыдали. Греческие цари Лев Премудрый и брат его Александр выслали скорее к Олегу послов: епископов, игуменов и многих знатных мужей.

Послы взмолились к Олегу:

— Не губи, князь, наш город. Дадим тебе дань какую хочешь.

Остановил Олег войско и говорит:

— Возьму с вас дань на каждую ладью: по двенадцати гривен на уключину, и еще дадите дань на русские города, что у меня под рукой.

Греческие цари Лев Премудрый и его брат Александр согласились выплатить такую великую дань, но сами задумали против князя Олега коварную хитрость.

16

Вынесли Олегу и всей дружине угощение: еду на серебряных блюдах и вино в золотых кубках. А в ту еду и в вино

была подмешана смертная отрава: в том заключалась коварная хитрость греков.

Но Олег еду метнул на землю, а вино вылил под ноги и не велел дружине принимать угощение.

Греки, увидев, что их коварство раскрыто, еще больше убоялись и сказали:

— Все может князь Олег, все ему ведомо: бессильна против него наша сила, не хитра хитрость, карать нас за грехи наши.

17

Греки отперли все запоры и засовы, растворили ворота, и Олег вошел в Царьград.

У ворот его встретили с великой честью греческие цари Лев Премудрый и брат его Александр, святейший патриарх со всем священным собором и клиром церковным. Вышли они встречать Олега со святыми иконами, крестами, фимиамом и кадилами.

Молили Олега цари греческие Лев Премудрый и брат его Александр, патриарх и собор церковный и горожане — все молили его великим молением, чтобы он пощадил град и, взяв выкуп, удалился в свои земли, не руша палат и храмов.

Цари греческие почтили князя Олега многими дарами — золотом и серебром, парчами и аксамитами и другими драгоценными тканями — и сказали, что желают жить с киевским князем в вечном мире.

Дали греки дань по двенадцати гривен на уключину, дали дань на конных, дали дань на русские города и обещали давать в будущие годы, а купцам, приезжающим из Киева, Новгорода и других русских земель, обещали всякие льготы.

Установил Олег с греками договор.

В том договоре написано:

чтобы ему, Олегу, светлому князю киевскому, впредь не воевать Царьград ни сухим путем, ни морем, а чтобы иметь с греками в будущие годы и навсегда честную и неизменную дружбу

и чтобы греки тоже блюли неколебимую и неизменную дружбу к русским князьям.

Греки на том целовали крест, а Олег и его воеводы и бояре клялись по русскому закону своими богами на оружии:

— А ежели нарушим обещания наши, да будем тогда лишены покровительства и заступы богов наших — и Перуна, и Хорса, и Велеса, бога всего живого, пусть тогда щиты наши не защитят нас, но будем посечены своими же мечами, своими же стрелами постреляны и впадем к вам в рабство вечное.

В знак победы над Царьградом Олег повесил свой щит на главных царьградских вратах.

18

Взяла Олегова дружина у греков съестного припаса на шесть месяцев: и хлеба, и вина, и мяса, и рыбы, и овощей. Кроме того, Олег велел грекам сшить на все его ладьи новые паруса: княжеской ближней дружине из парчи, все остальным из шелка.

Греки все это исполнили: дали дань, дали припасы, сшили паруса из парчи и шелка.

И Олег пошел от Царьграда.

Но вскоре поднялся сильный ветер и порвал парчовые и шелковые паруса.

Сказала дружина:

— Ветер не разбирает, что дешево, что дорого,— на него лишь бы крепко было. Поднимем-ка лучше наши прежние холщовые паруса.

Дорогие парчовые и шелковые паруса побросали под ноги и подняли свои, холщовые.

19

Князь Олег возвратился в Киев с великой честью и богатой данью.

И после того похода на Царьград ему дали прозвание: *вещий*, что значит мудрый, ведающий то, что другим неведомо.

Однажды на пиру вспомнил Олег своего коня и спросил конюшего:

— Где ныне мой любимый конь, от которого волхвы предсказали принять мне смерть?

— Господин, тому пошел уже третий год, как пал твой любимый конь,— ответил конюший.

Усмехнулся князь Олег, призвал на пир тех волхвов и сказал им:

— Ложны ваши пророчества, лживы ваши слова.

И повелел волхвов казнить.

Потом сел князь на коня и поехал с боярами в поле.

За городом, в поле, увидел он груду белых костей и конский череп.

— Вон голова твоего любимого коня,— сказал конюший.

Князь Олег сошел с седла и ступил ногой на конский череп.

— Друг и брат мой, волхвы предрекли мне смерть от тебя,— сказал он.— Но я жив, а они мертвы.

И засмеялся Олег.

Но в ту минуту из конского черепа выползла большая змея и ужалила князя в ногу.

От того князь Олег разболелся и умер. Перед смертью он много тужил о том, что осудил волхвов на смерть без вины.

А всего лет княжения Олега было тридцать три года.

РАССКАЗЫ ИЗ РУССКОЙ ЛЕТОПИСИ

I

СМЕРТЬ ИГОРЯ И МЕСТЬ ОЛЬГИ

После смерти князя Олега стал на Руси княжить сын Рюрика Игорь.

Непомерная жадность погубила Игоря. Случилось это так. Сказала ему дружина:

— Что ж мы в бедности и скудости пребываем? Вон отроки воеводы Свенельда изоделись оружием и одеждой, а мы вовсе обносились. Пойдем, князь, к древлянам за данью. Вместе с нами и сам ты изрядно разживешься.

Послушал их князь, и пошли они к древлянам. Много жестокостей творили они в Древлянской земле, богатую дань собрали.

Взяв дань, пошли обратно в Киев. Но на полпути, пораз-

мыслив и решив, что мало взял, Игорь сказал дружине:

— Вы отправляйтесь с данью домой, пируйте там, а я еще похожу.

И, отпустив почти всю дружину, сам с малой частью возвратился к древлянам.

Собрались древляне на совет.

— Если повадится волк к овцам,— сказали они,— то уж не успокоится, пока все стадо не перережет иль покуда его самого не убьют. Если мы не убьем Игоря, он всех нас погубит.

Древлянские послы добром предупредили Игоря, что дани больше не дадут, но он и слушать их не захотел.

Тогда древляне ополчились на Игоря, на его малую дружину и возле города Искоростеня всех перебили до единого.

Так погиб Игорь в Древлянской земле и погребен был без славы.

Вдова Игоря Ольга, оставшаяся в Киеве, не могла простить древлянам убийства своего супруга. Решила она им отомстить.

И вот на следующий год Ольга собрала много воинов, посадила на боевого коня малолетнего своего сына Святослава и пошла походом на Древлянскую землю. Сошлись войско киевское и войско древлянское. Изготовились к бою. Святослав метнул копье, упало оно вблизи, ибо Святослав был еще отрок малосильный, а Свенельд-воевода сказал:

— Князь уже начал. Ударим, дружина, за князем!

Началась сеча. Древляне были разбиты. Побежали они с поля боя и затворились в городах своих.

Ольга же с сыном устремилась к Искоростеню, чтобы покарать его жителей, виновников гибели мужа. Но те не сдавались, понимая, что пощады не будет.

Минул год, а Ольга так и не взяла город. Тогда она решила пойти на хитрость. Ее послы сказали древлянам:

— До чего хотите досидеться? Все другие ваши города сдались, обещали платить дань, мужики уже возделывают свои нивы, а вы, отказываясь платить дань, умрете с голоду. Дадите дань — я сниму осаду и уйду с миром.

Древляне ответили:

— Мы рады заплатить, да мести за Игоря боимся.

Ольга на это:

— Не буду я вам больше мстить. Возьму дань и уйду.

— Чего же ты хочешь? Возьми меду и мехов.

— Не надо мне вашего меду и мехов. А дайте мне от каждого двора по три голубя да по три воробья.

Древляне обрадовались несказанно, наловили птиц и послали их Ольге с поклоном. Она приняла дар и сказала:

— Вот вы уже и покорились мне и моему дитяти. Идите в город, а завтра я отступлю и уйду к себе.

Древляне поведали своим, что все так хорошо кончилось. Горожане даже песни запели: дешево, мол, откупились.

А Ольга раздала своим воинам кому по голубю, кому по воробью и повелела к каждой птице привязать горящий трут и выпустить их на свободу. В синем вечернем небе появилось множество падучих звезд: то птицы опускались в свои гнезда, в голубятни, в застрехи. Скоро весь город вспыхнул, как стог сухого сена. Со всех концов занялся пожар.

Побежали люди из города куда глаза глядят. Но всюду их настигали воины Ольги.

Так Ольга отомстила древлянам за убийство Игоря.

II

КНЯЗЬ-ВОИН СВЯТОСЛАВ И ЕГО ПОХОДЫ

Двадцать восемь лет княжил в Киеве Святослав. Да мало он в своем стольном граде сидел, все больше в боях да походах был. И тем завоевал себе великую славу. Его имя гремело от Царьграда до варяжской земли.

Как легконогий гепард, ходил он, не зная устали. И дружина у него такой же была — храбрые, сильные воины. Собирались они мигом, шли вперед смело. Они не знали неги и роскоши. Поклажей в походах себя не обременяли — брали лишь то, без чего уж никак обойтись нельзя, а остальное, если надо, в бою добывали. Святослав им примером был: он сам не возил с собою ни воза, ни котла, мясо, как всем воинам, ему жарили на угольях в костре, не было у него ни перины, ни койки походной, ни шатра. Спал он на войлоке, положив в головах седло, умывался из реки.

Святослав был зорок, как сокол, и так же отважен. Прост и прям. Обидчикам пощады не давал. С врагами расправлялся быстро, не церемонился, но, прежде чем напасть, гордо и решительно извещал:

— Иду на вы!

В лето 968 печенеги впервые пришли на Русскую землю. Святослав тогда был в Переяславце на Дунае — он облюбо-

вал этот город, что стоял посреди всех его земель. Мать его Ольга со своими внуками затворилась в Киеве, терпя голод и жажду. Со всех сторон обступили город печенеги, в Лыбеди-реке они своих коней купали.

На другом берегу Днепра собрались русские люди, подогнали ладьи, да, видя несметную силу врагов, не решались плыть на помощь осажденным. А те к ним пробиться не могут. Совсем затужили горожане:

— Пропали мы! Если нас без промедления не выручат свои, будем сдаваться печенегам, все равно помрем...

Но один юноша сказал:

— Я проберусь через вражий стан и переплыву Днепр.

Вечером выбрался из города, держа в руках уздечку. У встречных печенегов, которые сидели у костров, варили ужин или так бродили, лишь спрашивал скороговоркой:

— Не видели тут моего коня?

Эти слова он, пожалуй, только и знал по-печенежски как следует.

Однако печенеги, предвкушая скорую победу, были очень беспечны, просто отмахивались от разини, проворонившего своего коня, или смеялись над ним. Юноша беспрепятственно приблизился к реке, быстро скинул одежду и поплыл. Тут печенеги заподозрили неладное: стали ему кричать, чтоб вернулся, а потом принялись стрелять в него из луков.

На том берегу заметили это, подплыли к юноше в ладье, вытащили.

Как только сошли на берег, он сказал дружинникам, что были тут:

— Если завтра не подступите к городу, плохо придется Киеву.

Тогда воевода, по имени Претич, сказал:

— Подойдем завтра в ладьях и княгиню с княжичами умчим на эту сторону. Не то нам от Святослава с лихвой достанется!

Наутро, чуть рассветать стало, сели в ладьи и поплыли, трубя в трубы. Горожане, услышав то, закричали изо всей мочи. Печенегам же спросонья показалось, что сам князь Святослав объявился, и бросились они от города врассыпную. И тогда Ольга с внуками и своими приближенными людьми, челядью вышла к ладьям. Печенежский князь, который не успел далеко отбежать, заметил, что вроде бы Святослава тут нет, вернулся и спросил воеводу Претича:

— Кто это пришел?

Воевода прямодушно ответил:

— Это люди с той стороны Днепра.

Видимо, не совсем ему поверил печенежский князь и еще спросил:

— А ты не Святослав ли?

Засмеялся Претич:

— Разве похож? Нет, я князем с малым отрядом вперед выслан, а сам он с несметным войском следом идет.

Печенег напугался: если малый отряд такой переполох учинил, что дальше будет? И сказал он Претичу:

— Давай заключим мир и дружбу.

И подали они друг другу руки, и дал печенежский князь Претичу коня, саблю и стрелы. А тот одарил печенега кольчугой, щитом и мечом. Обменялись подарками, довольные друг другом. И отступили печенеги от города.

А киевляне, не теряя времени, послали гонца к Святославу со словами:

— Ты, князь, о чужой земле больше заботишься, а свою покинул. А нас чуть в полон не взяли печенеги, и твою мать, и детей твоих. Если ты быстро не придешь и не защитишь нас, возьмут нас. Неужели тебе не жалко своей отчизны, ни старой матери, ни детей своих?

Услышав это, Святослав, не мешкая, сел на коня и пришел в Киев со своею дружиной. Он расцеловал мать и детей и очень сокрушался о том, что с ними случилось. Вскоре он собрал воинов и прогнал печенегов в поле. И был потом долгий мир.

В 971 году пошел Святослав к Переяславцу, а в том городе затворились болгары. И вышли они на сечу против Святослава. Сражались они храбро и стали одолевать. И тогда Святослав зычным голосом вскричал:

— Неужто мы побиты будем, о братья и дружина? Постоим же мужественно!

И он с новой силой кинулся в бой, увлекая за собой своих воинов. К вечеру победил Святослав, взяв город приступом. Чуть передохнув, он послал гонца теперь уже к грекам со словами:

— Иду на вы! Возьму столицу вашу Царьград, как взял Переяславец.

Хитрые греки ответили:

— Мы не выстоим против тебя, князь, возьми с нас дань на всю свою дружину, скажи только, сколько вас, мы дадим на каждого.

Так греки хотели выведать, какова численность войска Святослава. Он же разгадал их замысел.

— Нас двадцать тысяч,— сказал князь, вдвое увеличив на словах свою рать.

Греки решили: не велика напасть, и выставили против Святослава сто тысяч, не дав ни гроша дани. Воины Святослава, хоть и были храбрые, дрогнули, увидев такую силищу.

Тогда Святослав обратился к ним с речью:

— Братья и дружина! Нам некуда уже уходить, здесь мы должны сразиться. Так не посрамим земли Русской! Ляжем костьми, ибо мертвые срама не имут. Если же побежим, срам нам будет. Я пойду впереди вас: если моя голова ляжет, то о себе сами позаботьтесь.

И ответили воины дружно:

— Где твоя голова ляжет, там и свои головы сложим.

И исполчились русичи, и была сеча великая, шумная, земля словно ходуном пошла. На каждого русского десять греков досталось, но воины Святослава так мощно ринулись на них, что греки не выдержали яростного натиска и побежали.

Пошел Святослав дальше к Царьграду беспрепятственно, воюя и разбивая на пути другие города.

Византийский царь созвал во дворец полководцев, мудрецов, всех своих приближенных и скорбно сказал им:

— Как думаете, что же нам делать теперь? Войско разбито, разбежалось, биться мы не можем. Святослав вот-вот будет у стен Царьграда...

Задумались царедворцы. Потом один мудрец сказал:

— Вот что я надумал, великий царь: пошлем ему дары, испытаем Святослава, любит ли он золото или паволоки. Перед ними никто не устоит.

Царь приказал снарядить возы с подарками роскошными и наказал послу-мудрецу:

— Следи за его взором, и лицом, и мыслями.

Святославу сказали, что пришли греки с поклоном, и он сказал:

— Пускай войдут.

Те вошли и, низко поклонившись, положили к его ногам золото и паволоки. Святослав и бровью не повел, только коротко бросил отрокам:

— Унесите это добро!

Вернулись греки к царю своему ни с чем. Еще больше опечалился царь. Тогда другой мудрец подал совет:

— Испытаем князя Святослава еще раз, пошлем ему оружие.

Пришли к Святославу новые послы, положили перед ним мечи, щиты, кольчуги. Он довольно улыбнулся, стал внимательно рассматривать оружие, хвалить тонкую работу. Греческому царю велел передать свою благодарность. Вернулись послы и сказали:

— Лют будет этот князь, ибо богатством пренебрегает, а оружие берет с радостью. Надо платить ему дань.

Тогда направил царь новое посольство к Святославу с просьбой:

— Не ходи к столице нашей, возьми дани, сколько сможешь увезти. И больше не будем воевать.

Немного Святослав не дошел до Царьграда. Откупились греки оружием.

Со многими дарами и великою славою возвратился Святослав в Переяславец. Одна дума печалила его: поредела его дружина, многие соратники в боях пали. А враги коварны. «Как бы не напали невзначай, не перебили остальных»,— думал князь. И тогда он решил: «Пойду на Русь, пополню дружину». На ладьях двинулся он к днепровским порогам. Осторожный, опытный седой воевода отца его, Свенельд, посоветовал ему:

— Обойди, князь, пороги на конях, ибо там затаились печенеги.

Но гордый князь не послушал его.

Наступила зима. Замерз Днепр. Святославу пришлось тут и зазимовать, терпя беды лютые. Начался голод, люди умирали, здоровые еще держались на ногах, по полугривне платили за конскую голову. Сам Святослав страдал так же, как и его люди, ничем не выделялся. Печенеги нападать опасались: слишком они боялись Святослава, решили взять его измором.

Когда пришла весна, Святослав с остатками своей дружины пошел через пороги. И тут напал на него Куря, князь печенежский. Силы были не равны, из русичей мало кто спасся, выбравшись из сечи раненым. Сам Святослав был убит. Из его черепа Куря приказал сделать чашу, оправив ее золотом.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

1

НА ЗАСТАВЕ БОГАТЫРСКОЙ

Под городом Киевом, в широкой степи Цицарской, стояла богатырская застава. Атаманом на заставе старый Илья Муромец, податаманом Добрыня Никитич, есаулом Алеша Попович. И дружинники у них храбрые: Гришка — боярский сын, Василий Долгополый, да и все хороши.

Три года стоят богатыри на заставе, не пропускают к Киеву ни пешего, ни конного. Мимо них и зверь не проскользнет, и птица не пролетит. Раз пробегал мимо заставы горностайка, да и тот шубу свою оставил. Пролетал сокол — перо выронил.

Вот раз в недобрый час разбрелись богатыри-караульщики: Алеша в Киев ускакал, Добрыня на охоту уехал, а Илья Муромец заснул в своем белом шатре...

Едет Добрыня с охоты и вдруг видит: в поле, позади заставы, ближе к Киеву, след от копыта конского, да не малый след, а в полпечи. Стал Добрыня след рассматривать:

— Это след коня богатырского. Богатырского коня, да не русского: проехал мимо нашей заставы могучий богатырь из казарской земли — по-ихнему копыта подкованы.

Прискакал Добрыня на заставу, собрал товарищей:

— Что же это мы наделали? Что же у нас за застава, коль проехал мимо чужой богатырь? Как это мы, братцы, не углядели? Надо теперь ехать в погоню за ним, чтобы он чего не натворил на Руси.

Стали богатыри судить-рядить, кому ехать за чужим богатырем. Думали послать Ваську Долгополого, а Илья Муромец не велит Ваську слать:

— У Васьки полы долгие, по земле ходит Васька заплетается, в бою заплетется и погибнет зря.

Думали послать Гришку боярского.

Говорит атаман Илья Муромец:

— Неладно, ребятушки, надумали. Гришка рода боярского, боярского рода, хвастливого. Начнет в бою хвастаться и погибнет понапрасну.

Ну, хотят послать Алешу Поповича. И его не пускает Илья Муромец:

— Не в обиду будь ему сказано, Алеша роду поповского,

поповские глаза завидущие, руки загребущие. Увидит Алеша на чуженине много серебра да золота, позавидует и погибнет зря. А пошлем мы, братцы, лучше Добрыню Никитича.

Так и решили: ехать Добрынюшке, побить чуженина, срубить ему голову и привезти на заставу молодецкую.

Добрыня от работы не отлынивал, заседлал коня, брал палицу, опоясался саблей острой, взял плеть шелковую, въехал на гору Сорочинскую. Посмотрел Добрыня в трубочку серебряную — видит: в поле что-то чернеется. Поскакал Добрыня прямо на богатыря, закричал ему громким голосом:

— Ты зачем нашу заставу проезжаешь, атаману Илье Муромцу челом не бьешь, есаулу Алеше пошлины в казну не кладешь?!

Услышал богатырь Добрыню, повернул коня, поскакал к нему. От его скоку земля заколебалась, из рек, озер вода выплеснулась, конь Добрыни на колени упал. Испугался Добрыня, повернул коня, поскакал обратно на заставу. Приезжает он ни жив ни мертв, рассказывает все товарищам.

— Видно, мне, старому, самому в чистое поле ехать придется, раз даже Добрыня не справился, — говорит Илья Муромец.

Снарядился он, оседлал Бурушку и поехал на гору Сорочинскую.

Посмотрел Илья из кулака молодецкого и видит: разъезжает богатырь, тешится. Он кидает в небо палицу железную весом в девяносто пудов, на лету ловит палицу одной рукой, вертит ею словно перышком.

Удивился Илья, призадумался. Обнял он Бурушку-косматушку:

— Ох ты, Бурушко мой косматенький, послужи ты мне верой-правдой, чтоб не срубил мне чуженин голову.

Заржал Бурушка, поскакал на нахвальщика.

Подъехал Илья и закричал:

— Эй ты, вор, нахвальщик! Зачем хвастаешь?! Зачем ты заставу миновал, есаулу нашему пошлины не клал, мне, атаману, челом не бил?!

Услыхал его нахвальщик, повернул коня, поскакал на Илью Муромца. Земля под ним содрогнулась, реки, озера выплеснулись.

Не испугался Илья Муромец. Бурушка стоит как вкопанный, Илья в седле не шелохнется.

Съехались богатыри, ударились палицами — у палиц рукоятки отвалились, а друг друга богатыри не ранили. Саб-

лями ударились — переломились сабли булатные, а оба целы. Острыми копьями кололись — переломили копья по маковки.

— Знать, уж надо биться нам врукопашную!

Сошли они с коней, схватились грудь с грудью. Бьются весь день до вечера, бьются с вечера до полночи, бьются с полночи до ясной зари — ни один верх не берет.

Вдруг взмахнул Илья правой рукой, поскользнулся левой ногой и упал на сырую землю. Наскочил нахвальщик, сел ему на грудь, вынул острый нож, насмехается:

— Старый ты старик, зачем воевать пошел? Разве нет у вас богатырей на Руси? Тебе на покой пора. Ты бы выстроил себе избушку сосновую, собирал бы милостыню, тем бы жил-поживал до скорой смерти.

Так нахвальщик насмехается, а Илья от русской земли сил набирается. Прибыло Илье силы вдвое,— он как вскочит, как подбросит нахвальщика! Полетел тот выше леса стоячего, выше облака ходячего, упал и ушел в землю по пояс.

Говорит ему Илья:

— Ну и славный ты богатырь! Отпущу я тебя на все четыре стороны, только ты с Руси прочь уезжай да другой раз заставу не минуй, бей челом атаману, плати пошлины. Не броди по Руси нахвальщиком.

И не стал Илья ему рубить голову.

Воротился Илья на заставу к богатырям.

— Ну,— говорит,— братцы мои милые, тридцать лет я езжу по полю, с богатырями бьюсь, силу пробую, а такого богатыря не видывал!

2

КАК ИЛЬЯ ПОССОРИЛСЯ С КНЯЗЕМ ВЛАДИМИРОМ

Ездил Илья в чистом поле много времени, постарел, бородой оброс. Цветное платье на нем поистаскалось, золотой казны у него не осталось; захотел Илья отдохнуть, в Киеве пожить.

— Побывал я во всех Литвах, побывал я во всех Ордах, не бывал давно в одном Киеве. Поеду-ка я в Киев да проведаю, как живут люди в стольном городе.

Прискакал Илья в Киев, заехал на княжеский двор.

У князя Владимира идет веселый пир. За столом сидят бояре, гости богатые, русские могучие богатыри.

Зашел Илья в гридню княжескую, стал у двери, поклонился по-ученому, князю Солнышку с княгиней — особенно.

— Здравствуй, Владимир стольно-киевский! Поишь ли, кормишь ли заезжих богатырей?

Не узнал его Владимир Солнышко и спрашивает:

— Ты откуда, старик, каким тебя зовут именем?

— Я Никита Заолешанин.

— Ну, садись, Никита, с нами хлеба кушать. Есть еще местечко на дальнем конце стола, ты садись там на край скамеечки. Все другие места заняты. У меня сегодня гости именитые, не тебе, мужику, чета — князья, бояре, богатыри русские.

Усадили слуги Илью на худом конце стола. Загремел тут Илья на всю горницу:

— Не родом богатырь славен, а подвигом. Не по делам мне место, не по силе честь! Сам ты, князь, сидишь с во́ронами, а меня садишь с неумными воронятами.

Захотел Илья поудобнее сесть — поломал скамьи дубовые, погнул сваи железные, прижал всех гостей в угол... Это князю Владимиру не понравилось. Потемнел князь, как осенняя ночь, закричал, заревел, как лютый зверь:

— Что же ты, Никита Заолешанин, перемешал мне все места почетные, погнул сваи железные! У меня между богатырских мест проложены не зря были сваи крепкие. Чтобы богатыри на пиру не толкались, ссор не заводили! А ты что тут за порядки навел?! Ай вы, русские богатыри, вы чего терпите, что лесной мужик назвал вас во́ронами? Вы берите его под руки, выкиньте из гридни на улицу!

Выскочили тут три богатыря, стали Илью подталкивать, подергивать, а он стоит, не шатается, на голове колпак не сдвинется.

— Коли хочешь, Владимир-князь, позабавиться, подавай мне еще трех богатырей!

Вышли еще три богатыря, ухватились вшестером за Илью, а он с места не сдвинулся.

— Мало, князь, даешь, дай еще троих!

Да и девять богатырей ничего с Ильей не сделали: стоит старый, как столетний дуб, с места не сдвинется.

Распалился богатырь:

— Ну, теперь, князь, пришел мой черед потешиться!

Стал он богатырей поталкивать, попинывать, с ног ва-

лить. Расползлись богатыри по горнице, ни один на ноги не может встать. Сам князь забился в запечник, закрылся шубкой куньей и дрожмя дрожит...

А Илья вышел из гридни, хлопнул дверьми — двери вылетели, воротами хлопнул — ворота рассыпались...

Вышел он на широкий двор, вынул тугой лук и стрелы острые, стал стрелам приговаривать:

— Вы летите, стрелы, к высоким кровлям, сшибайте с теремов золотые маковки!

Тут посыпались золотые маковки с княжеского терема. Закричал Илья во весь богатырский крик:

— Собирайтесь, люди нищие, голые, подбирайте золотые маковки, несите в кабак, пейте вино, ешьте калачей досыта!

Набежали голи нищие, подобрали маковки, стали с Ильей пировать, гулять.

А Илья их угощает, приговаривает:

— Пей-ешь, братия нищая, князя Владимира не бойся: может, завтра я сам буду княжить в Киеве, а вас сделаю помощниками!

Донесли обо всем Владимиру:

— Сбил Никита твои, князь, маковки, поит-кормит нищую братию, похваляется сесть князем в Киеве.

Испугался царь, задумался.

Встал тут Добрыня Никитич:

— Князь ты наш, Владимир Красное Солнышко! Это ведь не Никита Заолешанин, это ведь сам Илья Муромец, надо его назад вернуть, перед ним покаяться, а то как бы худо не было.

Стали думать, кого за Ильей послать.

Послать Алешу Поповича — тот не сумеет позвать Илью. Послать Чурилу Пленковича — тот только наряжаться умен. Порешили послать Добрыню Никитича — его Илья Муромец братом зовет.

Улицей идет Добрыня и думает:

«Грозен в гневе Илья Муромец. Не за смертью ли своей идешь, Добрынюшка?»

Пришел Добрыня, поглядел, как Илья пьет-гуляет, стал раздумывать:

«Спереди зайти, так сразу убьет, а потом опомнится. Лучше я к нему сзади подойду».

Подошел Добрыня сзади к Илье, обнял его за могучие плечи:

— Ай ты, братец мой, Илья Иванович! Ты сдержи свои руки могучие, ты скрепи свое гневное сердце, ведь послов

не бьют, не вешают. Послал меня Владимир-князь перед тобой покаяться. Не узнал он тебя, Илья Иванович, потому и посадил на место непочетное. А теперь он просит тебя назад прийти. Примет тебя с честью, со славою.

Обернулся Илья:

— Ну и счастлив ты, Добрынюшка, что сзади зашел! Если бы ты зашел спереди, только косточки от тебя остались бы. А теперь я тебя не трону, братец мой. Коли просишь ты, я пойду обратно, к князю Владимиру, да не один пойду, а всех моих гостей захвачу, пусть уж князь Владимир не прогневается!

И созвал Илья всех своих собутыльников, всю нищую братию голую и пошел с ними на княжеский двор.

Встретил его князь Владимир, за руки брал, целовал в уста сахарные:

— Гой еси, ты старый Илья Муромец, ты садись повыше всех, на место почетное!

Не сел Илья на место почетное, сел на место среднее и посадил рядом с собой всех нищих гостей.

— Кабы не Добрынюшка, убил бы я тебя сегодня, Владимир-князь. Ну уж на этот раз твою вину прощу.

Понесли слуги гостям угощение, да не щедро, а по чарочке, по сухому калачику.

Снова Илья в гнев вошел:

— Так-то, князь, ты моих гостей потчуешь? Чарочками маленькими!

Владимиру-князю это не понравилось:

— Есть у меня в погребе сладкое вино, найдется на каждого по бочке-сороковочке. Если это, что на столе, не понравилось, пусть сами из погребов принесут, не великие бояре.

— Эй, Владимир-князь, так ты гостей потчуешь, так их чествуешь, чтобы сами бегали за питьем да за кушаньем! Видно, мне самому придется быть за хозяина!

Вскочил Илья на ноги, побежал в погреба, взял одну бочку под одну руку, другую под другую руку, третью бочку ногой покатил. Выкатил на княжеский двор:

— Берите, гости, вино, я еще принесу!

И опять спустился Илья в погреба глубокие.

Разгневался князь Владимир, закричал громким голосом:

— Гой вы, слуги мои, слуги верные! Вы бегите поскорей, закройте двери погреба, задерните чугунной решеткой, засыпьте желтым песком, завалите столетними дубами. Пусть умрет там Илья смертью голодной!

Набежали слуги и прислужники, заперли Илью, завалили

двери погреба, засыпали песком, задернули решеткой, погубили верного, старого, могучего Илью Муромца!

А голей нищих плетками со двора согнали.

Этакое дело русским богатырям не понравилось.

Они встали из-за стола не докушавши, вышли вон из княжеского терема, сели на добрых коней и уехали.

— А не будем же мы больше жить в Киеве! А не будем же служить князю Владимиру!

Так-то в ту пору у князя Владимира не осталось в Киеве богатырей.

3

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И КАЛИН-ЦАРЬ

Тихо, скучно у князя в горнице.

Не с кем князю совет держать, не с кем пир пировать, на охоту ездить... Ни один богатырь в Киев не заглядывает.

А Илья сидит в глубоком погребе. На замки заперты решетки железные, завалены решетки дубьем, корневищами, засыпаны для крепости желтым песком. Не пробраться к Илье даже мышке серенькой.

Тут бы старому и смерть пришла, да была у князя дочка-умница. Знает она, что Илья Муромец мог бы от врагов защитить Киев-град, мог бы постоять за русских людей, уберечь от горя и матушку, и князя Владимира.

Вот она гнева княжеского не побоялась, взяла ключи у матушки, приказала верным своим служаночкам подкопать к погребу подкопы тайные и стала носить Илье Муромцу кушанья и меды сладкие.

Сидит Илья в погребе жив-здоров, а Владимир думает — его давно на свете нет.

Сидит раз князь в горнице, горькую думу думает. Вдруг слышит — по дороге скачет кто-то, копыта бьют, будто гром гремит. Повалились ворота тесовые, задрожала вся горница, половицы в сенях подпрыгнули. Сорвались двери с петель кованых, и вошел в горницу татарин — посол от самого царя татарского Калина.

Сам гонец ростом со старый дуб, голова — как пивной котел.

Подает гонец князю грамоту, а в той грамоте писано:

«Я, царь Калин, татарами правил, татар мне мало — я Русь захотел. Ты сдавайся мне, князь киевский, не то всю Русь я огнем сожгу, конями потопчу, запрягу в телеги мужиков, порублю детей и стариков, тебя, князь, заставлю коней стеречь, княгиню — на кухне лепешки печь».

Тут Владимир-князь разохался, расплакался, пошел к княгине Апраксии:

— Что мы будем делать, княгинюшка?! Рассердил я всех богатырей, и теперь нас защитить некому. Верного Илью Муромца заморил я глупой смертью, голодной. И теперь придется нам бежать из Киева.

Говорит князю его молодая дочь:

— Пошли, батюшка, поглядеть на Илью, может, он еще живой в погребе сидит.

— Эх ты, дурочка неразумная! Если снимешь с плеч голову, разве прирастет она? Может ли Илья три года без пищи сидеть? Давно уже его косточки в прах рассыпались...

А она одно твердит:

— Пошли слуг поглядеть на Илью.

Послал князь раскопать погреба глубокие, открыть решетки чугунные.

Открыли слуги погреба, а там Илья живой сидит, перед ним свеча горит. Увидали его слуги, к князю бросились.

Князь с княгиней спустились в погреба. Кланяется князь Илье до сырой земли:

— Помоги нам, Илюшенька, обложила татарская рать Киев с пригородами. Выходи, Илья, из погреба, постой за меня.

— Я три года по твоему указу в погребах просидел, не хочу я за тебя стоять!

Поклонилась ему княгинюшка:

— За меня постой, Илья Иванович!

— Для тебя я из погреба не выйду вон.

Что тут делать? Князь молчит, княгиня плачет, а Илья на них глядеть не хочет.

Вышла тут молодая княжеская дочь, поклонилась Илье Муромцу:

— Не для князя, не для княгини, не для меня, молодой, а для бедных вдов, для малых детей выходи, Илья Иванович, из погреба, ты постой за русских людей, за родную Русь!

Встал тут Илья, расправил богатырские плечи, вышел из погреба, сел на Бурушку-косматушку, поскакал в татарский стан. Ехал-ехал, до татарского войска доехал.

Взглянул Илья Муромец, головой покачал: в чистом поле войска татарского видимо-невидимо, серой птице вокруг в день не облететь, быстрому коню в неделю не объехать.

Среди войска татарского стоит золотой шатер. В том шатре сидит Калин-царь. Сам царь — как столетний дуб, ноги — бревна кленовые, руки — грабли еловые, голова — как медный котел, один ус золотой, другой серебряный.

Увидал царь Илью Муромца, стал смеяться, бородой трясти:

— Налетел щенок на больших собак! Где тебе со мной справиться, я тебя на ладонь посажу, другой хлопну, только мокрое место останется! Ты откуда такой выскочил, что на Калина-царя тявкаешь?

Говорит ему Илья Муромец:

— Раньше времени ты, Калин-царь, хвастаешь! Не велик я богатырь, старый казак Илья Муромец, а, пожалуй, и я не боюсь тебя!

Услыхав это, Калин-царь вскочил на ноги:

— Слухом о тебе земля полнится. Коли ты тот славный богатырь Илья Муромец, так садись со мной за дубовый стол, ешь мои кушанья сладкие, пей мои вина заморские, не служи только князю русскому, служи мне, царю татарскому.

Рассердился тут Илья Муромец:

— Не бывало на Руси изменников! Я не пировать с тобой пришел, а с Руси тебя гнать долой!

Снова начал его царь уговаривать:

— Славный русский богатырь Илья Муромец, есть у меня две дочки, у них косы как воронье крыло, у них глазки словно щелочки, платье шито яхонтом да жемчугом. Я любую за тебя замуж отдам, будешь ты мне любимым зятюшкой.

Еще пуще рассердился Илья Муромец:

— Ах ты, чучело заморское! Испугался духа русского! Выходи скорее на смертный бой, выну я свой богатырский меч, на твоей шее посватаюсь.

Тут взъярился и Калин-царь. Вскочил на ноги кленовые, кривым мечом помахивает, громким голосом покрикивает:

— Я тебя, деревенщина, мечом порублю, копьем поколю, из твоих костей похлебку сварю!

Стал у них тут великий бой. Они мечами рубятся — только искры из-под мечей брызгают. Изломали мечи и бросили. Они копьями колются — только ветер шумит да гром гремит. Изломали копья и бросили. Стали биться они руками го-

лыми. Калин-царь Илюшеньку бьет и гнет, белые руки его ломает, резвые ноги его подгибает. Бросил царь Илью на сырой песок, сел ему на грудь, вынул острый нож.

— Распорю я тебе грудь могучую, посмотрю в твое сердце русское.

Говорит ему Илья Муромец:

— В русском сердце прямая честь да любовь к Руси-матушке.

Калин-царь ножом грозит, издевается:

— А и впрямь невелик ты богатырь, Илья Муромец, верно, мало хлеба кушаешь.

— А я съем калач, да и сыт с того.

Рассмеялся татарский царь:

— А я ем три печи калачей, в щах съедаю быка целого.

— Ничего,— говорит Илюшенька.— Была у моего батюшки корова-обжорище, она много ела-пила да и лопнула.

Говорит Илья, а сам тесней к русской земле прижимается. От русской земли к нему сила идет, по жилушкам Ильи перекатывается, крепит ему руки богатырские.

Замахнулся на него ножом Калин-царь, а Илюшенька как двинется... Слетел с него Калин-царь словно перышко.

— Мне,— Илья кричит,— от русской земли силы втрое прибыло!

Да как схватит он Калина-царя за ноги кленовые, стал кругом татарином помахивать, бить-крушить им войско татарское. Где махнет — там станет улица, отмахнется — переулочек! Бьет-крушит Илья, приговаривает:

— Это вам за малых детушек! Это вам за кровь крестьянскую! За обиды злые, за поля пустые, за грабеж лихой, за разбой, за всю землю русскую!

Тут татары на убег пошли. Через поле бегут, громким голосом кричат:

— Ай, не приведись нам видеть русских людей, не встречать бы больше русских богатырей!

Полно с тех пор на Русь ходить!

Бросил Илья Калина-царь, словно ветошку негодную, в золотой шатер зашел, налил чару крепкого вина, не малую чару, в полтора ведра. Выпил он чару за единый дух. Выпил он за Русь-матушку, за ее поля широкие крестьянские, за ее города торговые, за леса зеленые, за моря синие, за лебедей на заводях!

Слава, слава родной Руси! Не скакать врагам по нашей земле, не топтать их коням землю русскую, не затмить им солнце наше красное!

САДКО В ПОДВОДНОМ ЦАРСТВЕ

Жил-поживал в Великом Новгороде молодой Садко.

Богат и славен город Новгород. Терема в нем каменные, ряды торговые товарами полны, площади широкие, церкви высокие, через реку Волхов мосты брошены, у пристаней корабли стоят, что лебеди на заводи...

Только нет у молодого Садко ни теремов, ни лавок, с товарами, ни кораблей белопарусных. Одно богатство у Садко — гусли звонкие. У него пальцы, что белые лебеди, опускаются на струны золоченые, у него голос как ручей бежит. Ходит Садко по домам на веселые пиры, на гуслях играет, песни поет, гостей потешает. На Руси пир без песни не водится, а лучше нет гусляра во Новгороде.

Вот играл раз Садко на богатом пиру.

Наелись гости, напились, стали хвастаться: кто деньгами, кто товарами, кто полными кладовыми.

Досадно стало Садко, оборвал он струну, хлопнул кулаком по столу и говорит:

— Эх вы, гости богатые, что вы сиднем сидите в Новгороде! Было бы у меня, Садко, ваше богатство, не отращивал бы я себе жиру в тереме, а снарядил бы корабли и поплыл бы с товарами по морям-океанам в страны заморские!

Рассердились гости, разгневались, выгнали Садко и шапку за ним выкинули.

Вот день прошел — никто Садко на пир не зовет, не хотят гости богатые слушать его песни.

И другой прошел.

Голодный Садко по Новгороду ходит, в окна чужие заглядывает. Всюду люди за столами сидят, пироги жуют, мед пьют, а у Садко и куска хлеба нет.

Запечалился Садко, взял свои гусельки, пошел на берег Ильмень-озера, сел у тихой заводи и стал грустную песню петь.

Было тихо озеро, что стекло, а как заиграл Садко — пошли по озеру волны белопенные. Испугался Садко и прочь пошел.

На другой день к вечеру горько стало Садко голодному на чужие пиры глядеть, и опять он пошел к тихой заводи. Стал он песни наигрывать.

Взволновалось вдруг озеро, волна с волной сходилась, песком вода замутилась, вышел из озера царь Водяник, чудище морское, глубинное.

Испугался Садко, а царь Водяник говорит:

— Ой, гусляр Садко, распотешил ты меня песенкой, ну и я тебя пожалую: возвратись ты в Новгород и побейся с гостями о большой заклад. Говори им, что есть в Ильмень-озере рыба-чудо с золотым пером. Будут ставить они в заклад лавки с дорогими товарами, а ты не бойся — ставь свою буйную голову. Как закинут сети в Ильмень-озеро, я и брошу в них рыбу-чудо — золотое перо.

Обрадовался Садко, поблагодарил царя Водяника и пошел в Новгород. Стал он в Новгороде на площади, закричал зычным голосом:

— Много вы на пиру наедаетесь, много на пиру напиваетесь, всякими богатствами хвастаетесь, а не знаете, что чудо есть в Ильмень-озере! Плавает в озере рыба с золотым пером!

Набежали люди торговые, заспорили:

— Что ты врешь, гусляр, выдумываешь? Не бывало на свете такой рыбины, нет ее и в Ильмени.

А Садко их раззадоривает:

— Ну, так бейтесь со мной о великий заклад: заложу я вам свою голову, а вы мне лавки с красными товарами, с миткалями, с парчами, с сукнами!

Ударились с ним три купца об заклад.

Взяли они шелковый невод, пошли толпой к Ильмень-озеру. Закинули невод — всколебалось озеро... Вытащили невод — в нем чудо-рыба с золотым пером!

Отдали купцы Садко девять лавок с товарами красными, с миткалями, с парчами, с сукнами.

Стал Садко торговать, и повалило ему счастье: с каждым днем Садко богаче живет. Выстроил себе палаты белокаменные, завел сундуки с платьем цветным, камнями драгоценными. Стал пиры заводить, на них гусляров зазывать.

Зазнался Садко, зачванился. Стал по городу ходить, никому не кланяться.

Раз созвал он к себе на великий пир посадских людей, бояр да богатых гостей.

Стал Садко своим богатством хвастаться:

— У меня бессчетная казна, я скупить могу весь Новгород, все товары новгородские, торговать вам станет нечем.

Словили его гости на слове, ударились с ним об заклад, чтоб он выкупил все товары новгородские. А заклад положили сорок тысячей!

Вот раным-рано поутру поднялся Садко, разбудил всех

своих слуг и прислужников, роздал им без счету золотой казны и послал скупать товары новгородские.

Сам Садко пошел к вечеру поглядеть на Новгород. И видит — все рынки пусты, все лавки пусты, на пристанях корабельных хоть пляс пляши, даже у горшечников одни черепки остались. Не найти в Новгороде ни веревочки, ни ниточки. Не найти в Новгороде товару ни на денежку, ни на малую полушечку.

Загордился Садко, обрадовался, думал, что взял заклад.

А на другой день пошел в гостиный двор, смотрит — лавки полным-полны товарами красными, на рынках торг шумит, на пристанях бочкам счету нет, от тюков настилы ломятся. Даже горшечники новые горшки навезли.

Задумался тут Садко, образумился:

«Не осилить мне, видно, Великого Новгорода, одному над народом верх не взять. Я скуплю товары новгородские — подоспеют товары московские. Руки у людей не в карманах лежат — работают. За ночь новые ткани наткут, новые крендели напекут. Надо мне отдавать заклад в сорок тысячей».

С той поры не спорил Садко с Новгородом. Отдал Садко денежки; надо ему снова добро наживать.

Вот построил Садко тридцать кораблей, тридцать кораблей изукрашенных. У них бока выведены по-звериному, корма выточена по-гусиному, а нос по-орлиному, вместо глаз вставлено по яхонту.

Нагрузил он корабли товарами и поплыл в страны заморские.

Тридцать кораблей что гуси плывут, а один корабль как сокол летит — то корабль самого Садко. Вдруг налетела буря грозная, расходилось, расшумелось синее море, волной корабли бьет, ветром паруса рвет, словно ветки, мачты гнет.

Собрались корабельщики к Садко на корабль:

— Что нам делать, Садко, как беду избыть?

Говорит им Садко:

— Други мои, корабельщики, видно, гневается на нас царь Водяник. Мы двенадцать лет по морю бегаем, а не платим ему ни дани, ни пошлины. Не спускали мы царю Водянику ни хлеба, ни соли, ни серебра. Вы берите бочку чистого серебра, бросайте ее в море, авось нас царь Водяник помилует.

Взяли они бочку серебра, бросили в море — еще пуще непогода разыгралась.

— Видно, мало пошлины царю Водянику,— говорит Сад-

ко.— Берите вы бочку красного золота и спускайте в синее море.

Бросили в море бочку золота — еще пуще буря корабли бьет.

Задумался Садко, опечалился:

— Видно, не нужно царю Водянику ни серебро, ни золото, а нужна ему голова человечья. Бросим в море жребий: чей жребий на дно пойдет, тому и идти в море синее.

Нарезали корабельщики чурочки из ясеня, бросили чурочки на грозную волну: все чурочки поверху плывут, одна чурочка на дно пошла — самого Садко-хозяина.

Пригорюнился Садко:

— Это, братья, жребии неправильные, спускайте вы жребии булатные, железные.

Спустили корабельщики жребии железные, а Садко пустил жребий из ясеня. Все булатные жребии по воде плывут, будто гуси по заводи, а Садко жребий ключом ко дну пошел.

А Садко в море идти не хочется, он хитрит-хитрит, изворачивается:

— Еще раз бросим, други, жребии. Бросим жребии клеповые, а чей жребий по воде поплывет, тому в море идти, других выкупать.

Бросили палочки клеповые, а Садко бросил жребий синего булата заморского, весом жребий в десять пудов.

Все клеповые палочки ко дну пошли, а Садко жребий, весом в десять пудов, по воде словно лебедь плавает.

И сказал тогда Садко — богатый гость:

— Знать, беда пришла мне неминучая, самому надо идти к царю Водянику.

Стал Садко с белым светом прощаться. Он прощается с дружиной храброй, с синим небом, с красным солнышком, он велит поклон жене передать, малым деткам, родной матушке.

Опустили корабельщики в море доску дубовую. Не берет с собой Садко ни хлеба пшеничного, ни сладкого вина, а берет с собой гусли звонкие.

— Мне без песни жизнь не в жизнь, да и в смерти мне песня надобна.

Лег Садко на доску дубовую. Горько плачут корабельщики.

Тут ударил Садко в струны золоченые — улеглись волны и ветер стих. Поплыли корабли к Новгороду, а Садко понесло по морю синему.

Плывет Садко на дубовой доске, струны щиплет, а со

страху глаза зажмуривает. И заснул Садко глубоким спом крепко-накрепко.

Коротко ли он спал, долго ли, а проснулся и глаза протер: очутился он на самом дне, над ним вода морская зыблется, еще видно через воду солнышко. Перед ним палаты белокаменные, хорошо палаты изукрашены.

Вошел в палаты Садко и видит — в горнице сидит сам царь Водяник с царицей Водяницей.

Вокруг трона стоят рыбы, чудища, раки страшные. Тут и рыба сом с большим усом, и налим-толстогуб, и севрюга, и осетр, и белорыбица. Все на Садко глаза выпучили, а Садко еле жив стоит.

Закричал ему царь Водяник:

— Ты давно, Садко, по морю плаваешь, а все дани мне не плачивал. Хорошо, что сам пожаловал. Я хочу твоих песен послушать, ты играй мне, Садко, с утра до вечера.

Взял Садко свои гусли яровчатые, подтянул на гуслях колышки и ударил по струнам позолоченным. Хорошо играл Садко. Распотешился царь, стал на троне подпрыгивать. Приударил Садко — вскочил царь на ноги и пошел плясать по палате белокаменной. Он ногами бьет, и шубой машет, и в ладони хлопает — только вихрь идет по горнице. Разбежались рыбы, раки, морские чудища, под ногами пол трещит, маковки на тереме шатаются.

Тронул тут кто-то Садко за правое плечо. Обернулся Садко — позади него стоит царица Водяница:

— Полно тебе играть, Садко: рви ты свои струны золоченые, ломай свои колышки. Тебе кажется, что пляшет по палате царь, а он скачет по крутым кряжам, по высоким берегам, по широким мелям. От его пляски море взбушевалось, быстрые реки разлились, высокие волны поднялись. Гибнут в море корабли, гибнут в реках люди русские, тонут корабельщики с товарами!

Изорвал Садко струны золоченые, изломал колышки, перестал царь Водяник скакать-плясать. Улеглось море синее, и утихли реки быстрые; перестали гибнуть люди русские.

Говорит Садко царь Водяник:

— Распотешил ты мне душу, молодец! Хороши на Руси песельники, а такого, как ты, на свете нет. Чем бы мне тебя поблагодарить? Хочешь, я женю тебя на девице-красавице?

— Надо мной в синем море твоя воля, царь Водяник.

А царица Водяница Садко в ухо шепчет:

— Приведет тебе царь Водяник триста девушек-краса-

виц, ты ни одной не бери, ни на одну не смотри, а пойдет последней девушка Чернавушка, ту и проси себе в женушки. Да смотри не целуй ее, если хочешь быть на родной Руси.

Хлопнул царь Водяник в ладоши, стали мимо Садко девушки-красавицы идти. Одна другой краше, одна другой лучше. А Садко на них не смотрит, ни одну не выбирает. Позади всех идет девушка Чернавушка, хуже всех лицом, хуже всех прибрана.

— Вот эта, царь Водяник, мне полюбилась,— говорит Садко,— я ее хочу в невесты взять.

Не отказывал ему царь Водяник. Отдавал ему Чернавку в жены, завел пир на весь подводный мир. Не забыл Садко наказу строгого — не обнял он, не поцеловал жены, потихоньку ушел он с пира богатого, лег на лавку и уснул крепко-накрепко.

Поутру проснулся Садко и увидел солнце красное, увидел зеленую траву — весь прекрасный белый свет. Сам лежит он на крутом берегу у речки Чернавки, что под Новгородом.

Встал Садко, пошел к Ильменю. А по Ильменю тридцать кораблей бегут, на тридцатом корабле черные паруса. А у пристани жена Садко стоит, горько плачет, приговаривает:

— Не воротится Садко ко мне из-за моря синего!

Как увидела дружина храбрая, что стоит Садко на крутом кряжу, удивилась дружина, испугалась:

— Мы оплакали Садко в синем море, а Садко встречает нас в Новгороде!

Обрадовалась тут молодая жена, брала Садко за руки белые, целовала, обнимала, приговаривала:

— Милый мой, опора моя крепкая, ты не езди больше в синее море, не давай тосковать моему сердцу ретивому, оставайся дома со мной и с детками. Хватит тебе по морям гулять, судьбу искушать!

Послушался Садко жены и не стал больше ездить по морю. Прожил до смерти тихо и мирно в Новгороде.

СКАЗАНИЕ О СЛАВНОЙ КУЛИКОВСКОЙ БИТВЕ

Однажды хан Мамай, повелитель Золотой Орды, призвал к себе стариков и стал их расспрашивать про прежние времена, про безбожного царя Батыя.

Стали старики рассказывать ему, как тот царь Батый

воевал Русскую землю, как полонил Киев и Владимир и иные русские города, как убил великого князя Юрия и многих других русских князей, как разграбил златоверхие православные церкви и взял богатую добычу.

От тех рассказов хан Мамай потерял покой, обуяла его гордыня, и показалась ему дань, которую платил Орде нынешний великий князь московский Дмитрий Иванович, слишком малой. Помрачившись умом, объявил он:

— Я, хан Мамай, пойду на Русь с великой силой, как ходил в прежние времена Батый, великого князя московского убью, веру русскую посрамлю, золотом русским обогащусь. Эй, сотники, тысячники, темники, объявите по всем улусам, чтобы нынче никто в Орде не пахал и не сеял, нынче все будут сыты русским хлебом!

И повелел хан Мамай своим ордынцам не мешкая готовиться к походу на Русь.

Князь рязанский Олег, прослышав, что Мамай гневается на великого московского князя и хочет идти войною на него, собрал богатые дары и послал в Орду быстрого посла с такою грамотой: «Восточному царю вольному Мамаю пишет твой ханский верный слуга, посаженный тобою на княжеский престол Олег Рязанский. Спеши, господин всесветлый царь, на Москву, в ней сейчас много злата и иного богатства. Князь Дмитрий не воин против тебя; он только услышит, что ты идешь, убежит либо в Новгород, либо на Двину. А бессчетное московское богатство все достанется тебе. Меня же, раба твоего, пощади, потому что правлю я твоим именем, и не забудь своими милостями: отдай мне в удел Коломну и под мою руку Владимир град и Муром».

Второго гонца Олег послал литовскому князю Ольгерду. Ольгерду Олег написал так: «Ведомо мне, князь Ольгерд, что давно хочешь ты изгнать князя Дмитрия Ивановича и владеть Москвой. Так вот настало наше время: идет на князя московского с великою силой хан Мамай, присоединимся же к нему. Тогда хан даст тебе Москву, а мне Коломну, Владимир и Муром. Я уже отправил к хану посла со многими дарами, пошли и ты, не поскупись, потом мы вернем свое с лихвой».

Получив письмо Олега, князь Ольгерд в тот же час снарядил послов в Орду.

Радовались Олег Рязанский и Ольгерд Литовский, предвкушая, как они поделят меж собою московские земли.

Послы Олега Рязанского и Ольгерда Литовского прискакали в Орду.

Хан Мамай принял дары и грамоты и сказал в гордыне своей послам:

— Передайте князьям вашим: не велика мне честь их поклон и в помощи их не нуждаюсь — без них силен. Однако если они присягнут мне на верность и выйдут в поход против князя московского со своими дружинами, то так уж и быть: дам им те русские вотчины, которые они просят.

Вернулись послы в Рязань и к Ольгерду, но не решились передать своим князьям ханские слова в точности и сказали только, что князь Мамай желает им здравствовать, благодарит, восхваляет великими хвалами и обещает даровать вотчины.

Князья Олег и Ольгерд своим зеленым умом поверили послам и обрадовались привету хана. Шлет Олег Рязанский к Мамаю новых послов: «Приходи, царь, скорее на Русь!»

Князь же великий московский Дмитрий Иванович ничего про то не ведал. И вдруг прискакал в Москву с пограничной окраинной сторожи гонец, привез недобрую весть: хан Мамай с несметными своими полчищами, рыкая, как лев, идет на Русь, хочет разорить великое княжество Московское.

Князь Дмитрий обратился за советом к митрополиту Киприану, что предпринять ему в такой беде.

— Скажи мне, княже, в чем виновен ты перед неверным ордынцем?

— Нет никакой моей вины перед ханом,— отвечал князь Дмитрий.— Платил я ему дани в два раза больше, чем платил мой отец.

— Заплати вчетверо. Может, тогда утолится его алчность и злоба.

Послушал князь Дмитрий совета, послал в Орду боярина Захария Тютчева со многим златом. А вскоре от Тютчева прибыл в Москву гонец. Боярин сообщал, что, дойдя до Рязанской земли, узнал он, что Олег Рязанский и Ольгерд Литовский вступили в тайный сговор с ханом Мамаем против великого князя.

Преисполнилось горести сердце великого князя Дмитрия Ивановича, и воскликнул он:

— Если враг творит зло, то это так и должно быть, потому что он враг, чужой. Ныне же восстали против меня свои. А я им никаких обид не чинил.

В тот же час князь Дмитрий послал в Боровск за братом своим князем Владимиром Андреевичем, прозванным Храб-

рым, разослал гонцов ко всем русским князьям, воеводам и боярам и повелел спешно собираться в Москву войску со всей Русской земли.

Вскоре приехал из Боровска Владимир Андреевич, пришли ярославские князья и князь Глеб Каргопольский.

Великий князь с братом и другими князьями тогда пошел в Троицкий монастырь и получил благословение на брань от игумена монастыря Сергия Радонежского.

Потом князь Дмитрий приступил к игумену с просьбой:

— Преподобный отче Сергий, есть у тебя в монастыре два чернеца, два брянских боярина, два брата, два опытных воина, Пересвет и Ослябя. Отпусти их из обители со мною на битву.

Отпустил Сергий Пересвета и Ослябю. Они снарядились как положено воинам и пошли с князем.

Тут получил великий князь известие о том, что хан Мамай приближается, и поспешил вернуться в Москву.

В Москве собралось войско со всей Русской земли, по всем улицам стук от оружия, гром от доспехов, по всем дворам стоят воины, по всей Москве и вокруг Москвы.

В четверток, двадцать седьмого августа, русское войско выступило из Москвы навстречу Мамаевым полчищам.

Великий князь Дмитрий Иванович поцеловал княгиню свою Евдокию прощальным целованием, сел на коня, и все князья и воеводы сели на коней. Солнце на востоке сияет, им путь указывает.

Войско выходило из Москвы тремя воротами: Фроловскими, Никольскими и Константиновскими. И далее, разделившись натрое, шло тремя дорогами, потому что по одной дороге такому великому войску не пройти. Князь Владимир Андреевич со своей силою двигался Брашевской дорогой, князья белозерские — Коломенской, а сам великий князь пошел той дорогой, что ведет на Котел.

У Коломны полки соединились и двинулись далее вместе.

Между тем Олег Рязанский узнал, что великий князь Дмитрий Иванович поднялся на брань против Мамая, и очень тому удивился.

— Я-то думал,— сказал он,— князь Дмитрий, как и прежние московские князья, не посмеет противустать восточному царю.

А когда узнал, сколько идет с великим князем русского войска, испугался.

— Горе мне, окаянному! — воскликнул он.— Не только отчину свою я потерял, но и душу погубил. И пошел бы я теперь к великому князю московскому, да не примет он меня, потому что знает про мою измену.

Литовский князь Ольгерд в это время уже подошел со своим войском к Одоеву, но, известясь о великих московских полках, встал на одном месте и не решился двинуться далее. Понял Ольгерд свое неразумие.

— Если человеку своего разума не хватает, он ищет чужой мудрости,— сказал он.— Никогда прежде Литва у Рязани ума не занимала, ныне же Олег меня ввел в соблазн, а сам совсем погиб.

Так и не дождался хан Мамай Олега Рязанского и Ольгерда Литовского; не пришли они к нему ни на границе, ни потом.

В пятый день сентября вышли русские полки к Дону и встали станом. Два воина из сторожевого полка добыли «языка» — знатного ордынца. Тот «язык» сказал, что Мамаево войско стоит уже на Кузьмине-броде, что во́йска у хана Мамая бессчетное множество и что будет он на Дону через три дня.

Великий князь Дмитрий Иванович стал держать совет с братом своим Владимиром Андреевичем и другими князьями: стоять ли здесь и ждать Мамая или переправиться за Дон и там встретить его.

Говорят ему князья:

— Государь великий князь Дмитрий Иванович, за Доном крепче стоять будут полки, ибо отступать некуда. Вспомни, государь: в давние годы Ярослав Днепр перешел и победил Святополка, и Александр Невский победил шведов, перейдя реку Ижору. И тебе, великому князю, так же надо поступить. Победим врага — всем будет честь, погибнем — так все, от князя и боярина до простого ратника, выпьем одну общую чашу.

Великий князь приказал переправляться за Дон и счесть русское войско.

Говорит князю большой московский боярин, князь Федор Семенович Висковатый:

— В твоем, государь, в большом полку семьдесят тысяч.

— В моем полку правой руки,— говорит князь Владимир Андреевич Боровский,— сорок тысяч.

Воевода полка левой руки князь Глеб Брянский говорит:

— У меня в полку войска тридцать тысяч.

Говорят воеводы сторожевого полка Микула Васильевич,

да Тимофей Волуевич, да Иван Родионович Квашня-Углицкий:

— У нас, государь, в полку тридцать четыре тысячи.

А воевода передового полка князь Дмитрий Владимирович Холмский сказал:

— У меня в полку двадцать пять тысяч.

И в других полках было еще семьдесят тысяч войска, да из Великого Новгорода посадники Яков Иванов сын Зензин да Тимофей Константинович Микулин привели еще тридцать тысяч.

А с Мамаем пришло восемьсот тысяч.

С каждым часом приближались татары. Седьмого сентября подскакали их передовые отряды к самому русскому стану, а русские сторожа донесли:

— Хан Мамай у Гусиного брода, к утру будет он на Непрядве.

Великий князь повелел готовиться к битве, распорядился, где какому полку стоять, а полк брата своего Владимира Андреевича послал вверх по Дону укрыться в дубраве в засаде и поставил воеводой в нем старого, опытного воина Дмитрия Боброка-Волынского.

Потом великий князь Дмитрий Иванович помолился богу, а помолившись, обратился к войску:

— Сотоварищи, братья мои милые, от мала до велика. Ночь наступает, близится грозный день. Мужайтесь и крепитесь, стойте на местах своих, ибо утром разбираться некогда — гости близко, уже на Непрядве-реке. Заутро пить нам общую чашу и каждому свою.

Стояли русские полки, как неоглядное море, вороненые доспехи колышутся, как морские волны, шлемы на головах сияют золотом, как утренняя заря, султаны-яловцы на шлемах горят, как огненное пламя.

Все воины готовы умереть друг за друга и за Русскую землю.

Не было во веки веков еще такого войска и не слыхано было про такую отвагу. А ныне вот оно, такое войско, стоит на поле Куликовом.

Ответили воины князю Дмитрию:

— Мы с тобою готовы умереть, сложить головы за твою обиду, за землю Русскую.

Наступила ночь.

Но не спит великий князь Дмитрий Иванович, не спит воевода Дмитрий Боброк-Волынский.

О полночь сели они на коней, выехали в поле и встали между русским и татарским станами.

Во вражьем войске, слышат они, крик и шум, стук и скрип колесный, будто собирается базар. Позади вражьего стана воют волки страшным воем. Справа воронье грает и орлы клекчут. На реке же Непрядве гуси и лебеди бьют крыльями, как перед грозной непогодой.

Боброк сошел с коня, припал к земле правым ухом, долго-долго слушал, а встал — и поник головой.

— Ну, говори, какое тебе явилось знамение,— сказал князь воеводе.

Но Боброк молчал и только после того, как князь во второй раз приказал ему отвечать, со вздохом проговорил:

— Поведала мне мать сыра земля, что ждут нас и радость и скорбь. Слышал я плач великий. Плачет земля двумя голосами: с одной стороны слышно, будто старуха рыдает по детям и причитает не по-нашему, с другой стороны — плачет юная девица, а голос ее, как свирель. Это предвестье ведомо мне, и сулит оно погибель язычникам, но и христиан падет великое множество.

Князь Дмитрий опечалился тем, что многие русские воины встретят завтра свой смертный час.

Утром, на восходе солнца, поднялся густой туман и скрыл от русских татарское войско.

В первый час дня, на восходе солнца, развернули свои стяги все русские полки. Затрубили боевые трубы, и, услыша их, взыграли боевые кони. Не торопясь и не мешкая, спокойно и бодро идут русские полки, каждый под своим знаменем, на битву, словно идут на мир мед пить.

Во второй час послышались татарские трубы. Все ближе и ближе трубы трубят, а самих полков за туманом не видать.

Сходятся два войска на битву. Никогда не бывало столько людей на Куликовом поле, от великой тяжести поле прогибается, реки из берегов выступают.

Великий князь Дмитрий Иванович в булатных княжеских доспехах объезжал на коне полки и держал речь к воинам:

— Воины русские, братья мои милые, бояре и воеводы, и все князья, малые и большие, встаньте за землю Русскую, за веру православную. Не пожалеем себя, и увенчает нас победный венец. Если же падем, то не смерть обретем, но жизнь и память вечную.

Объехав полки, вернулся князь под свое великокняжеское черное знамя. Здесь сошел он с коня, снял с плеч красный княжеский плащ, отдал коня боярину Михаилу Андреевичу Брянскому, которого любил как брата, надел на него плащ и повелел ему быть под великокняжеским стягом.

Сам же сел на иного коня, надел простую одежду, взял копье, железную палицу и встал в ряды воинов.

Князья и бояре в один голос принялись его отговаривать:

— Не подобает тебе, великому князю, биться самому. Тебе, государю, подобает стоять в стороне и смотреть, кто как исполняет свою службу и кого чем за его службу наградить.

— Братья мои, сыны земли Русской, хочу сам постоять за свою обиду. Если умру, так с вами; если жив останусь, так с вами же,— ответил князь Дмитрий.

Туман рассеялся, стало все видать из края в край поля.

Тронулся с места и пошел передовой русский полк князя Дмитрия Владимировича Холмского. Двинулся полк левой руки князя Глеба Брянского.

И татарская рать надвигается: идут и справа, и слева. Силы татарской нет числа.

Хан Мамай с четырьмя ордынскими князьями с высокого холма взирал на поле, в нетерпении ожидая, когда прольется кровь.

Вот из татарского войска выехал вперед огромный печенежин, силою и ростом равный древнему Голиафу.

Троицкий монах Пересвет, что был в передовом полку, сказал:

— Сей человек ищет себе противника, я готов сразиться с ним. Отцы и братья, прощайте. Ты же, брат Ослябя, помолись за меня.

С этими словами Пересвет пришпорил коня и поскакал к печенегу. Тот пустился ему навстречу. Сошлись, сшиблись, дрогнула под ними земля, и оба бойца упали с коней на землю мертвые.

— С нами бог! — вскричали воины передового полка, и полк левой руки, и сторожевой полк и пошли вперед.

Тут двинулись в битву большой полк и все другие русские полки, кроме одного-единственного, засадного.

Началась жестокая сеча.

Мечи сверкали, как солнце; от ломающихся копий стоял треск, подобный небесному грому; воины задыхались в тесноте: мало́ для такого войска оказалось Куликово поле, хотя

было оно тридцать верст поперек, а в длину целых сорок. Так много войска сошлось здесь, что второго такого побоища уж не увидишь: в единый только час погибли великие тысячи! Потекли кровавые реки, встали озера кровавые.

На шестой час битвы татары начали одолевать. Их конница топтала русских воинов, как траву. Пал конь под великим князем Дмитрием Ивановичем, и сам он был тяжело ранен. Татарского войска на поле прибывало, ряды русских полков редели.

Князь Владимир Андреевич Храбрый, что стоял в засаде, в нетерпении сказал воеводе Дмитрию Боброку-Волынскому:

— Воевода, что пользы в нашем стоянии? Если будем и дальше медлить, кому на помощь придем, ведь всех наших побьют.

— Еще не подошло время,— ответил Боброк.— Но скоро наступит наш час, и тогда воздадим врагам всемеро.

Воины засадного полка плакали, глядя на гибель товарищей, рвались в битву, но воевода сдерживал их:

— Еще немного подождите.

В восьмой час переменился ветер и подул в спину русским, в лицо татарам.

— Князь, наступило наше время! — громко сказал воевода Дмитрий Боброк.

Князь Владимир Андреевич поднял копье, обернулся к воинам:

— Друзья, братья мои, князья и бояре, и все сыны русские, за мною на битву!

И рванулись воины засадного полка из зеленой дубравы. Как ясные соколы с золотого нашеста на журавлиное стадо, налетели русские витязи на татар, с новою силой закипела сеча. Повалились враги на землю, как полегает трава под острой косой.

— Увы, увы нам! — в ужасе закричали татары.— Перехитрили нас русские. До сего часа против нас меньшие бились, а ныне старшие бойцы идут!

Побежали татары и на бегу кричат:

— Увы, увы нам и тебе, Мамай, вознесся ты до небес, теперь пасть тебе в самый ад!

Хан Мамай принялся призывать на помощь своих богов. Но его боги не помогли ему. Русские воины истребляли Мамаевы полчища, как огонь истребляет солому, и никто не мог спастись от их мечей.

Вскочил хан на коня, ударил пятками и побежал прочь от Куликова поля, и с ним четыре ордынских князя.

Русские конники погнались за ними, но не догнали и вернулись, потому что у Мамая с князьями кони были свежие, а у русских воинов притомившиеся в бою.

На том кончилась великая битва на поле Куликовом.

...Князь Владимир Андреевич стал под великокняжеским черным знаменем и велел трубить сбор.

Начали воины, кто остался жив, сходиться каждый под знамя своего полка.

Но, сколько ни трубила труба, не пришел под великокняжеский стяг великий князь Дмитрий Иванович.

Поехал Владимир Андреевич по полкам, расспрашивая, не знает ли кто, где великий князь.

— Я видел князя Дмитрия в пятом часу,— сказал князь Борис Углицкий,— он бился железной палицей.

Подъехал князь Михайла Иванович Байков:

— Я тоже видел великого князя — он дрался сразу против четырех врагов.

— А я видел князя незадолго перед тем, как вы ударили из засады. Был он пеш и ранен,— сказал князь Степан Новосильский.

Князья и бояре и все, кто остался в живых, разошлись по полю битвы искать великого князя.

Нашли его под горою у речки, лежащего под березой.

Страдая от раны, а еще больше от сердечной скорби, потому что не знал еще о победе, князь Дмитрий Иванович не имел даже силы подняться.

— Радуйся, государь наш, новый Александр — победитель врагов,— приветствовал его князь Владимир Андреевич.

— Что ты говоришь, не разберу,— спросил князь Дмитрий Иванович.

— Говорю, что враг побежден и мы спасены!

Тут силы вернулись к князю Дмитрию, он встал на ноги и сказал:

— Коли наша победа, то возрадуемся и возвеселимся в этот день.

Слуги подвели коня. Великий князь сел на коня и поехал по полю.

Увидел он великое множество павших русских воинов, а побитых татар вчетверо более. Обернулся князь к воеводе Броку-Волынскому:

— Воистину оправдалось твое предсказание, воевода.

Ехал великий князь Дмитрий Иванович с братом своим Владимиром Андреевичем и с остальными князьями по ужасному побоищу и, видя гибель стольких православных христиан, сердцем рыдал и лицо умывал слезами.

На поле же Куликовом не видать порожнего места, оно все покрыто телами убитых: лежат сыны русские, но всемеро больше побито татар.

Видит князь, лежат убитые восемь князей белозерских, да углицкий князь Роман Давыдович, да четыре сына его: Иван да Владимир, Святослав да Яков Романовичи. Полегли в одном бою, на едином месте.

А далее, видит великий князь Дмитрий Иванович, полегли князь Михаил Васильевич, да пять князей ярославских, да четыре князя дорогобужских, да оба инока троицких Пересвет и Ослябя, и тут же князь Глеб Иванович Брянский, да Тимофей Волуевич. Убит любимец князя боярин Михаил Андреевич Брянский, воевода Данила Белоусов да новгородские посадники Тимофей Константинович Микулин да Яков Зензин и многие иные.

Восплакал над погибшими великий князь Дмитрий Иванович.

Потом князь Дмитрий Иванович держал речь к тем, кто остался жив после грозного побоища:

— Братья мои, князья и бояре, и все люди русские, вы служите мне, великому князю, так же верно, как служили доселе, и я пожалую вас по заслугам вашим. А ныне прежде всего похороним погибших братий наших, да не будут растасканы дикими зверями.

Двенадцать дней разбирали тела убитых. Князей, бояр и дворян великий князь повелел отвезти на Русь, в их вотчины, к женам и детям. Прочих же похоронили на Куликовом поле, на высоком месте, в трехстах тридцати братских могилах, и насыпали над ними большие земляные холмы.

— Прощайте, братья, знать, суждено вам лежать на поле Куликовом, между Доном-рекой и Непрядвой,— сказал князь Дмитрий Иванович.— Сложили вы головы свои за веру христианскую, за землю Русскую. Вечная слава вам и вечная память.

Всего же пало в битве на поле Куликовом полтретья от ста тысяч и еще три тысячи русских, а осталось в живых пятьдесят тысяч.

Татар же было побито бесчисленное многое множество. Живым убежал в Орду только хан Мамай с четырьмя ор-

дынскими князьями, да и тот в Орде был убит своими же татарами, обрел там бесславный конец.

Князь Ольгерд, услыша про Мамаево поражение и победу князя Дмитрия, с великим срамом поспешно возвратился в Литву. Олег Рязанский бежал из княжества своего и жизнь скончал на чужбине: вырывший яму, сам в нее попадет.

А великий князь московский Дмитрий Иванович с братом своим, с князем Владимиром Андреевичем Храбрым, со всеми князьями и боярами вернулся с поля Куликова в стольный град Москву с великой славой.

И за ту победу над ордынским ханом Мамаем на берегах Дона получил он имя — князь Дмитрий Донской.

Б. Лащилин

СКАЗЫ ПРО СТЕПАНА РАЗИНА

1

КОВШ

Ехал однажды Степан Тимофеевич Разин среди каменных гор. Сам он и его конь сильно притомились. Захотелось Степану Тимофеевичу пить, да так, что нет больше терпения. Поглядел он по сторонам и видит: пещера, а возле нее старый богатырь. Степан Тимофеевич и подумал: «Дай-ка я подъеду к нему и попрошу попить».

Подъехал и видит, что перед ним сам богатырь Илюшенька Муромец. Степан Тимофеевич снял шапку, чинно поклонился и говорит:

— Нет ли водички у тебя, а то уж пить мне очень хочется.

Илюшенька Муромец посмотрел на него и так сказал:

— Водичка для добрых людей у меня никогда не переводится. Пойди в пещеру, там стоит ковшик, попей из него.

Степан Тимофеевич вошел в пещеру, а там стоит такой огромный ковш, что он еле-еле до его края дотянулся. Выпил немного, а Илюшенька Муромец ему говорит:

— А ну-ка, попробуй подними его.

Степан Тимофеевич взялся за ковш и лишь чуть-чуть

приподнял от земли. Илюшенька Муромец покачал головой:

— А ты еще выпей!

Степан Тимофеевич еще выпил воды, а Илюшенька Муромец ему:

— Ну-ка, теперь попробуй!

Легко Степан Тимофеевич поднял ковш. Илюшенька Муромец поглядел, подумал, а потом сказал:

— Ты еще выпей!

Послушался его Степан Тимофеевич и еще выпил. Схватил одной рукой ковш, и показался он ему легче перышка.

— Ну-ка, теперь попробуй,— приказывает Илюшенька Муромец,— кинь его что есть у тебя силы.

Степан Тимофеевич размахнулся и бросил ковш, да так, что он улетел на небо. Улетел и там загорелся семью яркими звездами, по числу драгоценных камней, какими он был украшен. Засмеялся Илюшенька Муромец:

— Вот это сила так сила!

Тут и пошел Степан Тимофеевич простой народ поднимать против господ и бояр. А ковш Илюшеньки Муромца, что забросил он на небо, сияет вечно своими семью драгоценными камнями-звездами. Ночью всюду — и на море, и на суше — указывает людям верный путь.

2

КАЗАНОК

Дело это было после Булавинского восстания, когда все казачьи станицы царские солдаты подожгли и поразорили.

Остались в станицах старики, старухи да бабы с малолетними детьми погорельцев. Жить им было негде и хлеба тоже не достать. Не лучше, чем в других станицах, были дела и в нашей.

Зима с морозами да вьюгами заходит. Для жилья себе казаки землянки порыли, худо ли, хорошо ли — живут. А вот с хлебом так тут совсем беда подошла. Ни у кого во всей станице самой что ни на есть завалящей корочки не осталось. Если бы не один случай, всем бы зимой пришлось с голодухи подыхать.

А вышел он, этот случай, с девочкой-малолеточкой, от рода семилеточкой. Была она круглой сиротой — ни отца, ни матери у нее не было, и приютиться негде было. Она где ночь, где день отиралась, по чужим людям ходила. В этот

день она ходила-ходила, никто ей ничего не подал: у самих станичников нечего было есть. И вот вышла она поздним вечером за станицу, на яр села. Села, кругом себя по сторонам поглядывает... Ни одной живой души не видно. Потом глядит: к ней казак уже не молодой прямехонько идет. Заробела девочка-малолеточка, не ворохнется, а служивый казак к ней подошел, поглядел да так ласково ей и говорит:

— Скажи мне, деточка-малолеточка, что ты не в доме у отца с матерью под окошком сидишь, а вот тут, на яру, время коротаешь?

Загорюнилась девочка-малолеточка, и отвечает она служивому казаку на его ласковые слова:

— А нет у меня ни родного отца с матерью, ни родительского дома с окошечком, и негде мне, кроме как тут, на ветру сидеть. Да это бы с полбеды было, сидела бы я тут да холод-стужу терпела, а когда совсем мерзнуть стала, попросилась бы к добрым людям отогреться. А беда моя — что с самого раннего утра у меня во рту маковой росинки не было. Просила я у станичников, чтобы они мне хлебца маленький кусочек подали, но у них самих завалящей корочки нет, и придется мне, сироте, теперь с голоду помирать.

Стоит, задумался служивый казак, видать, к сердцу чужую беду-горе и сиротские слезы принимает. Долго стоял он так, а потом как топнет левой ногой, как крикнет громким голосом:

— А ну-ка встань, явись передо мною, как лист перед травою, казанок[1] мой не простой, и не один, а вместе с словом наговорным своим.

Глядит девочка-малолеточка, а к ногам служивого казака катится небольшой казанок, всего в него пригоршни две пшена войдет, не больше. Поднял его казак с земли и дает девочке-малолеточке.

— На, возьми, и пусть у тебя будет до тех пор, пока нужда твоя не убудет. Знай, что этот казанок не простой. Как только ты есть захочешь, бери этот казанок, над огнем повесь и скажи: «Вари, казанок, вари, пузанок, кашку мякеньку, молочну-сладеньку». Как только ты это скажешь, так он и начнет варить, успевай только ешь. А как наешься, сними его с огня, положи кверху донышком и скажи: «Казанок, казанок, слуга верный ты мой, вот тебе отдых и покой». И будет казанок лежать смирно и тихо.

Обрадовалась девочка, не знает, как служивого казака

[1] Казано́к — небольшой чугунный котел, котелок.

и благодарить. Хотела она ему в ножки поклониться, да он ее, девочку-малолеточку, до этого не допустил.

— А кто из злых да завистливых людей на твой казанок-пузанок позарится, так ты скажи: «Не тронь, а то придется тебе, лиходей, с самим Степаном Тимофеевичем Разиным дело иметь».

Как сказал это служивый, так в темноте и пропал, словно его и не было.

А девочка недолго думая тут же на яру набрала кизяков, разложила костер, поставила на него казанок и говорит, как ей служивый казак приказал:

— Вари, казанок, вари, пузанок, кашку мякеньку, молочну-сладеньку.

И начал казанок варить. На огонек к девочке-малолеточке мало-помалу вся станица прибежала — старики со старухами, бабы с малыми детьми и кое-какие служивые казаки. Все кашу едят да похваливают, да еще поприбавить себе каждый попрашивает.

Девочка-малолеточка была не жадная: всем каши молочной вволю накладывает, ни одного человека, ни старого, ни малого, не обижает — всех потчует да привечает. Так и прокормились наши станичники в ту голодную зиму вокруг казанка-пузанка, что Степан Тимофеевич Разин с боем у персидского хана отобрал и девочке-малолеточке отдал.

Вл. Муравьев

МУЖИЦКИЙ ЦАРЬ

Из преданий о Пугачеве и пугачевцах

> Пугачев взглянул на меня быстро. «Так ты не веришь,— сказал он,— чтоб я был государь Петр Федорович? Ну добро. А разве нет удачи удалому?..»
>
> *А. С. Пушкин. «Капитанская дочка»*

ПУГАЧЕВ У РАЗИНА

Жил на Дону казак по имени Емельян Пугачев. Был он нрава беспокойного и пошел бродить по Руси. Бродил он девять лет, побывал и в солдатах, и в бурлаках, и в селах, и в городах, и в столицах, и в Сибири.

За эти девять лет вдосталь насмотрелся, как страдает простой народ, как мучают его помещики и начальники, чиновники и неправедные царские судьи и как царица Екатерина II покрывает все их злодейства, да еще самым большим злодеям определяет награды.

Девять лет смотрел Пугачев на все эти несправедливости, на десятый год не стерпело сердце: надо бы дать всему простому народу облегчение, решил он.

Первым делом пошел он за советом-благословением к Стеньке Разину.

Разин в те поры был уже старый старик, по разум сохранил ясный.

Жил он в одной тайной пещере.

Пришел к нему Пугачев, земно поклонился:

— Здравствуй, славный атаман.

— Здравствуй, Емельян Иваныч.

— Откуда же, батюшка атаман, ты меня знаешь?

— А мне все ведомо. Ждал я тебя. Знал, что придешь. Потому что таким людям, как ты, никак нельзя меня миновать.

Уселись они рядком, Стенька Разин и Пугачев, сидят, разговаривают. Разин про свои удалые походы вспомнил. Как Астрахань брал, как в Персию ходил.

— Много гуляно,— говорит,— много граблено, но нет на мне греха, потому что грабил я только богатых и раздавал добро беднякам.

Пугачев же Разину поведал, что задумал прогнать Екатерину, самому сесть на царство и править по справедливости.

Одобрил славный атаман Стенька Разин такие мысли и благословил Пугачева.

В скором времени после того Пугачев объявился народу.

— Хотя вы знаете меня как донского казака Емельяна Иваныча Пугачева,— сказал он,— но я роду царского. Поможете мне одолеть царицу с ее генералами и вернуть принадлежащий мне по закону российский престол, тогда я дарую вам моею царской властью всякие вольности.

А чтобы крепче была вера его словам, показал природные царские знаки: под левой грудью родимое пятно в виде царского орла.

С того самого дня стал Пугачев писать указы во все стороны и посылать во все губернии своих людей, чтобы народ к нему шел.

Услыхал народ праведное слово, узнал, что объявился царь, который обещает вольности, и повалил к нему со всех губерний и волостей.

Столько народу нашло, что собралось у Пугачева большое войско.

ХИТРЫЙ БАРИН

С помещиками Пугачев расправлялся круто и без всякого промедления.

Придет в село, схватит помещика и спрашивает его крепостных:

— Бил он вас?

— Бил,— отвечают крестьяне, потому что какой же помещик не бьет своих крестьян.

— Мучал?

— Мучал.

— Казнить мучителя! — приказывает Пугачев.

И барину тут же острой саблей голову долой.

Стали тогда господа, чтобы спасти свою жизнь, прибегать ко всяким уловкам: один в сене прячется, другой в лес бежит, третий одежду меняет.

Однажды ехал Пугачев через лес по дороге, видит — впереди идет мужик. Мужик заметил его — и шасть в кусты. Пугачев приказал его поймать. Мужика, конечно, тотчас же поймали, вытащили на дорогу.

— Кто ты таков? — начал Пугачев чинить ему допрос.

— Крестьянин из дальней деревни,— отвечает мужик.

— Почему от нас бежал?

— Испугался.

И вправду, видать, очень перепугался, дрожмя дрожит, Кафтан на нем рваный, в грязи, в навозе, вонь от него идет нестерпимая — такой кафтан даже самый бедный мужик не надел бы.

— Пойдешь с нами,— говорит Пугачев.

Добрались до деревни. Велел Пугачев этому вонючему мужику наколоть дров и истопить печь.

Взял мужик топор, по полешку тюк-тюк, а полешко набок — бряк. Еле-еле расколол.

— Ты чего так долго дрова колешь? — спрашивает Пугачев.— Али непривычное для тебя дело?

— Привычное,— отвечает мужик.— Топор плох.

— Ну, коли топор, то ладно.

Стал мужик печь растапливать. Дров наложил, огонь высек, а трубу не открыл. Не горит печь, только дым идет.

— Почто дымом нас душишь? — спрашивает Пугачев.

— Дрова сырые,— отвечает мужик.

— А может, дело для тебя непривычное?

— Привычное, привычное!

Тут привели вора, который у мужиков кур воровал, на суд к Пугачеву. Повелел Пугачев наказать обидчика.

— Бери плеть и пори вора,— приказал он мужику.

Взял мужик плеть в руку — она у него словно приросла к руке. Взмахнул — засвистела, запела плеть, и отделал он вора так, что любо-дорого.

— Здорово ты вора отделал,— говорит Пугачев.

— Я его порол в пол-умелья,— отвечает вонючий мужик,— а кабы во все уменье, он бы у меня с лавки живым не встал.

— Вижу, вот это дело для тебя привычное,— говорит Пугачев.— Немало, знать, ты плеточкой помахал. Ну-ка, покажи руки!

А руки у мужика гладкие, без мозолей. Не мужицкие руки, а барские.

— Хитер ты, барин, а не хитрее меня,— говорит Пугачев.

— Не вели казнить, помилуй! — взмолился барин.

— А ты разве миловал своих мужиков? — спрашивает Пугачев.

— Прежде не миловал, а впредь пальцем не трону,— врет барин, а сам думает: «Мне бы только сейчас живу уйти, а придет время, припомню мужикам сегодняшний страх».

— Ну что ж, и я по-твоему, барин, сделаю: нынче казню, а впредь встречу — пальцем не трону,— сказал Пугачев и приказал барина повесить.

ПОДЗЕМНАЯ РЕКА

На уральских заводах рабочие встречали Пугачева хлебом-солью. Оружие, какое надо, делали без отказу. Пушки, что у него были, почитай, все отлиты уральцами.

И в Узянском заводе было как везде. Когда пришел Пугачев, обрадовались. Свели счеты с начальством, ни один не ушел от справедливого народного возмездия.

На радостях погуляли, потом Пугачев говорит:

— Вставайте, братцы, к работе. Нужны мне для армии пушки.

— Сделаем в самом лучшем виде,— отвечают заводские.

Никогда не работали на Узянском заводе так весело и споро, будто и молоты стали легче, и жар от печей не такой нестерпимый.

Спустя самое короткое время пушки были готовы, и ядра к ним отлиты в достаточном количестве.

— Желаем тебе победы, надёжа наша,— говорят заводские старики.

— Спасибо на добром слове,— отвечает Пугачев.— И за пушки спасибо. Выручили, братцы.

А молодые мужики и парни стали проситься в пугачевскую армию. Пугачев не отказал, конечно.

Вдруг нежданно-негаданно прискакал пугачевский сторожевой, целую ночь скакал, коня загнал.

Недобрую весть принес он.

— Из Оренбурга,— говорит,— идет на нас несметное войско — и солдаты, и драгуны, и артиллерия. Завтра будут здесь.

Собрал Пугачев военный совет и заводских стариков тоже позвал.

— Так и так,— говорит,— в войне по-всякому бывает, противника — много, нас — мало, придется отходить и силы копить.

Старики заводские посовещались между собой и сказали:

— Нам тоже надо уходить. Так как побили мы всех своих начальников — чтоб им в аду мучаться! — солдаты придут, не помилуют ни старого, ни малого. Потому нельзя нам никому оставаться.

— Это вы, старики, справедливо рассудили,— ответил Пугачев.— Пойдемте с нами. Мы — вам защита.

Одно дело собраться и уйти воинскому отряду, другое — стронуться с места всему заводу, с бабами и детьми. Пока прособирались, пока завод рушили, глядь — уже показались передовые драгунские разъезды. Беда! Мужики за сабли и рогатины, бабы — в рев:

— Пропали наши головушки!

Однако Пугачев острым глазом зырк на драгун и усмехнулся:

— Цыц, бабы! Нынче уйдем, а там как бог даст.

Пугачев-то сразу приметил: кони у драгун притомились

и не поены и сами драгуны от усталости в седлах шатаются.

Глянул на них Пугачев, и отлегло от сердца. А за ним и всем стало ясно: не гонцы нынче оренбургские полки.

Но тут посмотрел Пугачев в другую сторону и увидел речку Кухтурку. Течет она за деревней, светлая, прохладной водой плещет, на солнышке сверкает.

Помрачнел Пугачев и говорит:

— Эх, речка Кухтурка, хороша в тебе водица: умоешься — усталость как рукой снимет, напьешься — силы втрое прибавит. Было время, нас ты поила-умывала, богатырской силой одаривала. Теперь будут пить твою воду наши лютые враги, нам на го́ре...

И вдруг плеснула речка Кухтурка волной и пропала из глаз, ушла под землю, словно и не бывало ее.

Не захотела, значит, служить тем, кто идет против народа.

Между прочим, и сейчас Кухтурка сначала течет как все реки, поверх земли, а возле бывшего Узянского завода уходит под землю и часть пути течет под землей.

А тогда-то Пугачев и все узянские от преследователей благополучно ушли.

ЗАВЕТНЫЙ РОДНИК

Под Царицыном в жестоком бою бесчисленные царские полки все же разбили войско Пугачева, а его самого изменой да предательством взяли в плен.

Много тогда мужицких голов полегло, много народу в плен угодило, а кто остался жив и не пленен, те развеялись по окрестным местам.

В том бою, под Царицыном, окружили одного удалого джигита, марийца с Кокшаги, по имени Чорай, целых триста драгун.

Но он ото всех отбился — одних посек саблей, других опрокинул на землю, и вынес его лихой конь с поля боя на широкую равнину.

Оглянулся Чорай назад — видит: за ним вослед гонится сотня врагов. Подхлестнул Чорай коня и поскакал.

Мчится Чорай, драгунской саблей рубленный, вражеской пулей жаленный, мчится через холмы и овраги, мелкие речки с лету перемахивает, большие вплавь переплывает, мчится Чорай в родные края — держит путь к берегам Кокшаги, в родную деревню.

Мчался он с утренней зари до вечера. Вот и солнце село, и луна взошла, и звезды засияли, а драгуны все не отстают.

Вот уж близка родная сторона: холм, а за холмом и деревня, а за деревней — лес, дремучий, родной. Уж он-то укроет Чорая, не выдаст врагам.

Но конь не одолел последнего холма, споткнулся о корягу и упал замертво.

То не туча черная надвигается — то скачут в облаке черной пыли драгуны, а впереди офицер-полковник.

Поднялся Чорай, посмотрел вокруг — далек лес — только зеленые вершины видны, далека деревня — даже крыш не видать. Побежал бы, да ноги не несут: острой саблей посек бы врагов, да сабля сломалась; стрелами бы расстрелял, да пуст колчан.

Тут налетели драгуны, набросились на Чорая, повалили его на сырую землю у подножия холма.

Видит Чорай, что пришли его последние минуты, и говорит:

— Была бы сила, перебил бы врагов, но нет силы на битву. Так оставлю людям хоть память по себе.

С этими словами Чорай схватился рукой за землю и отворотил край холма. И в тот же миг из-под холма забил родник, потекла вода.

...До сих пор возле Кокшаги стоит гора Чорая и бьет из-под нее светлый родник, неиссякаемый, как свободный дух народа.

ПУГАЧЕВ И САЛТЫЧИХА

Когда царицыны генералы захватили Пугачева в плен, то заковали его в цепи, посадили в железную клетку и повезли в Москву на суд и расправу. Клетка крепкая, кованая, вокруг охрана не спит ни днем ни ночью. Начальник охраны — фельдмаршал, охранники — генералы и офицеры, младший по чину — полковник.

А люди, прослышав, что везут Пугачева, сходились из самых удаленных мест к той дороге, по которой его везли, чтобы взглянуть на него. Мужики, понятно, шли пешочком, купцы ехали в кибитках, господа, как положено, в каретах.

Была одна помещица, по прозванию Салтычиха. Сама уже старуха, но еще здоровая, а уж лютая — до невозмож-

ности. Своих крепостных собственноручно порола, иных до смерти запарывала, у баб и девок косы с мясом драла, горничных булавками колола, детишек и тех не щадила.

Конечно, попадись она Пугачеву, когда он со своим войском проходил мимо ее имения,— тут бы ей и каюк. Да Салтычихи в ту пору в имении не было: она гостила в столице у какого-то князя или графа, своего родственника. Тем только и спаслась.

Так вот, эта Салтычиха тоже полюбопытствовала посмотреть на Пугачева.

Фельдмаршал-начальник стал отговаривать Салтычиху.

— Не стоит вам, сударыня,— говорит,— смотреть на него: рожа у него бунтовщицкая, страшная.

— Не бойсь, не испугаюсь, не больно-то я робкая,— отвечает Салтычиха.

Лакеишки ее раздвинули толпу, и она подошла к клетке. Пугачев в то время сидел задумавшись.

— Что, попался, душегубец! — говорит Салтычиха.

Вскочил Пугачев на ноги, загремел цепями, тряхнул клетку — чуть не поломал, глаза кровью налились, взгляд гневом пышет, молнии мечет. Как гаркнет на нее:

— Об одном жалею, что не повесил тебя, треклятую, когда по воле гулял! Но погоди, я еще рассчитаюсь с тобой за все твои злодейства.

Обмерла Салтычиха. Баба-то она была неробкая, да только гневного пугачевского взгляда ни один человек не в силах стерпеть. Обмерла Салтычиха — и бац на землю.

Подхватили ее лакеи, снесли в карету, повезли скорее в имение.

Привезли, спрашивают:

— Что прикажете, барыня?

А она уж без языка. Послали за попом. Тот, как посмотрел на нее — сразу увидел: не жилица она на этом свете, исповедал глухой исповедью и уехал.

Под утро Салтычиха отдала богу грешную душу.

Как Пугачеву сказали, что померла, мол, Салтычиха, он только усмехнулся:

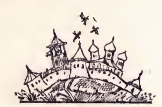
— Говорил, что рассчитаюсь,— вот и рассчитался.

А мужики, которые принадлежали Салтычихе, уж так радовались и потом многие годы Пугачева в молитвах поминали.

...В книгах пишут, что Пугачева казнили лютой казнью в стольном городе Москве. И самовидцы этой казни вроде бы имеются.

Только не верится, чтобы дался Емельян Пугачев казнить себя. Казнить-то казнили, да только не его, а другого кого-то. А настоящий Емельян Пугачев ушел то ли на Дон, то ли на Яик и жил там втайности, ожидая своего заветного часа.

Между прочим, царица Екатерина II тоже об этом ведала, и, говорят, бывало, помянут при ней имя Пугачева, она с лица изменится, чуть жива. «Не подошел ли,— подумает,— его заветный час?» Потому-то она всю жизнь, до последней минуты, в великом страхе жила.

ЛЕГЕНДЫ И СКАЗКИ НАРОДОВ СССР

ИЗ СКАЗАНИЙ ОБ ОЛЕКСЕ ДОВБУШЕ

I

МОЛОДЫЕ ГОДЫ ОЛЕКСЫ

Когда Олексе пошел девятый год, он служил уже у одного хозяина в батраках, и хозяин его сильно бил.

Раз покинул он пастуший шалаш на полонине[1], развел огонь в очаге, сидит себе и плачет. Да так горько-горько плачет, что и слушать прямо нет сил.

И вот подходит к нему какой-то седой старичок и говорит:

— Ты чего, хлопчик, плачешь?

Отвечает Олекса:

— Хозяин меня бьет.

Говорит ему старик:

— Стань мне на носки постолов[2].

Потом седой старичок дохнул на него трижды и молвит:

— Ступай, сын, да вырви теперь из земли вон ту ель.

А Олекса пошел да и вырвал. Дохнул на него старик еще трижды и говорит:

— Пойди взвали на плечи эту ель да и неси.

Олекса и понес...

Говорит ему седой старичок:

— Когда твой хозяин придет к тебе, ты с ним поборись.

Вот подходит к Олексе хозяин и говорит:

— Ты чего, дурень, тут сидишь, ничего не делаешь?

Отвечает ему Олекса:

— А тебе что? Ты думаешь, я боюсь тебя? А ну, выходи со мной биться.

Разъярился хозяин и говорит:

— Да дурак ты, куда тебе со мною тягаться?

Смеется Олекса и говорит:

— Ты меня под мышки хватай, а я тебя одним пальцем-мизинцем под плечи возьму.

Рассвирепел хозяин, и как начали они бороться, ударил его Олекса трижды оземь, и пришлось хозяину о пощаде просить.

На пятнадцатом году собрал Олекса молодцев и пошел бить панов-помещиков, которые крестьянам зло делали.

---

[1] Полонина — горы.

[2] Постóлы — самодельная обувь из кожи.

И когда был он еще хлопцем, забрали его было в солдаты. И тогда стреляло в него все войско, но пули от него отскакивали, словно от чугунной плиты. Стреляли ему и в рот, а он выплюнет пулю, словно вишневую косточку, и хоть бы что.

Потом не захотел он служить ни начальникам, ни царю и скрылся в горах-полонинах.

II

ДОВБУШ — МСТИТЕЛЬ ЗА МИРСКУЮ НЕПРАВДУ

Давно, когда был я еще маленьким хлопцем, была, сказывают, панщина. Крестьяне обязаны были задаром работать на панов от ранней зари и до самой ночи, а кто на работу немного опаздывал и к раннему утру не являлся, тому давали десять ударов палкой и приказывали взлазить на высокую, метров в восемь, горку, на самую вершину, и там кукарекать.

Вот прокричит этак крестьянин до полудня, а потом слезет, и дадут ему еще десять ударов палкой, а потом опять полезай да кукарекай до самого вечера. А на ночь еще десять ударов палкой отсчитают.

Вот терпели-терпели крестьяне такое от пана издевательство, а потом собрались да и пошли искать Довбуша: может, он им что присоветует да в беде поможет. Искали его по лесам и дебрям так, может, с месяц, а как нашли, то поклонились и попросили:

— Ой, друже Олекса, заступись ты за нас, уж такой у нас злой-презлой пан.

Побеседовал с ними Довбуш по душам да и говорит:

— Ступайте домой и не бойтесь: я к вам приду.

Собрал он вскоре своих молодцев и идет к тому пану. А у пана дом каменный, столбы, двери железные — не боится он опришков. Стоит себе пан наверху у окна да из ружья в них нацеливается. Тут вышел Довбуш, стал напротив него, протянул вот так руку вверх и говорит:

— Стреляй, может, и попадешь в меня.

Пан прицелился, выстрелил — вдруг осечка, нет огня. А надо сказать, что у этого пана собирались строить конюшню и лежали на дворе дубовые тесаные бревна, цепи, петли, скобы и всякая всячина.

Вот взяли опришки самый большой дуб, взвалили его на

телегу, привязали цепями и оставили конец в два метра. Подтащили поближе к усадьбе, разогнались и как бабахнут дубом тем в двери — разбились двери, развалились, вот так и вошли опришки в дом. Явились к пану в светлицу, а Довбуш и говорит:

— Ну что, пан, будешь людей бить да заставлять их кукарекать?

Пан вмиг на колени:

— Ой, смилуйся, пан Олекса, надо мной, дам я тебе что хочешь, только меня не губи.

Постращал Довбуш пана, а потом говорит:

— Давай бочонок червонцев.

Вынесли ему из подвала. Ссыпали их опришки в бурлюки и потом двинулись дальше.

А Довбуш и говорит пану:

— Смотри, если будешь мучить людей — хоть в Туретчину убегай, а уж тогда по-иному с тобой поговорим.

И присмирел с той поры помещик.

ЧУДЕСНАЯ МЕЛЬНИЦА САМПО

Карельская легенда

Однажды старуха Лоухи, повелительница туманной Похъелы, сказала Ильмаринену:

— Ильмаринен, кузнец из зеленой Калевалы, выкуй мне чудесную мельницу Сампо, которая одним жерновом молола бы муку, другим соль, а чтобы из-под третьего сыпались деньги. Если выкуешь такую мельницу, то в награду я отдам за тебя мою младшую дочь.

А младшая дочь старухи Лоухи была красавица из красавиц, и кузнец Ильмаринен ответил:

— Выковал же я небо, выкую и чудесную мельницу Сампо.

На берегу моря, среди угрюмых утесов, он поставил горн и наковальню. Разжег в горне огонь и принялся за работу.

— Эй, ветры, южный и северный, западный и восточный, раздуйте пламя в моем горне! — воскликнул Ильмаринен.

Прилетели ветры, задули, забушевали — разгорелось пламя, полетели искры над морем, черная туча гари поднялась к небу и смешалась с облаками.

Пять дней, не угасая, пылало пламя в горне, на шестой

заглянул Ильмаринен в огонь и увидел на дне горнила мельницу.

Выхватил он мельницу из огня, положил на наковальню, выковал своим искусным молотом три жернова, выковал узорную крышку. И вот готова Сампо — чудесная мельница, что одним жерновом мелет муку, другим соль, а из-под третьего сыплются деньги.

Обрадовалась редкозубая старуха Лоухи, подхватила Сампо, утащила мельницу в каменную пещеру, заперла на девять замков и запоров.

— Ну, теперь давай твою дочку,— сказал Ильмаринен Лоухи.

— Прежде надо спросить ее саму: захочет ли она еще выйти за тебя замуж,— говорит хитрая старуха.

А красавица отвечает:

— Если я выйду замуж, кто тогда будет весною петь с птицами, летом ягоды собирать? Кто будет осенью играть в нашей роще? Нет, не пойду я замуж за Ильмаринена.

Возвратился Ильмаринен из туманной Похъелы в зеленую Калевалу ни с чем.

Вещий калевальский певец старик Вяйнямейнен, увидя его, спросил:

— Почему ты сегодня так печален, кузнец Ильмаринен? Как живут нынче в Похъеле?

— В Похъеле нынче живут хорошо,— хмуро ответил Ильмаринен.— Выковал я для старухи Лоухи чудесную мельницу Сампо. День и ночь вертится она в скале, мелет для Похъелы муку, соль и деньги. А печален я, потому что обещала мне в награду за мельницу редкозубая Лоухи свою младшую дочь в жены, да обманула.

Покачал головой Вяйнямейнен:

— Напрасно поверил ты хитрой старухе. Всем известно ее коварство. Ты выковал Сампо для Похъелы, а у нас, в зеленой Калевале, настало лихое время: на полях недород, в деревнях голод. Поедем, кузнец, в Похъелу, привезем чудесную мельницу в Калевалу.

— Проклятая Лоухи заперла Сампо в крепкой скале на девять крепких замков и запоров. Нет, не добыть нам мельницу,— печально сказал Ильмаринен.

Но Вяйнямейнен возразил ему:

— Или мы не мужчины, что не сможем отобрать Сампо у хитрой старухи? Или у нас нет храбрости и силы, чтобы сразиться с воинами Похъелы?

— Есть и храбрость, и сила,— ответил Ильмаринен.

Тогда Вяйнямейнен и Ильмаринен снарядили ладью, взяли с собой юного рыбака и охотника, отважного воина, весельчака Лемминкяйнена, подняли парус и поплыли через море в Похъелу.

Ильмаринен и Лемминкяйнен гребут. Старый певец Вяйнямейнен сидит на руле. Умело проводит он ладью среди мелей, правит через пороги, обходит подводные камни. Вдруг ладья остановилась.

— Посмотри-ка, Лемминкяйнен, что нас держит,— сказал Вяйнямейнен.

Лемминкяйнен перегнулся через борт, заглянул вниз.

— Мы сидим не на камне, а на спине огромной щуки.

Вынул Вяйнямейнен меч из ножен, вонзил его в спину щуки и втащил огромную рыбу в ладью. Щуку сварили на обед, а огромные крепкие кости сложили на берегу.

— Что ты можешь выковать из рыбьих костей, бросив их в свой горн? — спросил Вяйнямейнен Ильмаринена.

— Из рыбьих костей ничего не сделаешь,— ответил кузнец.

Но Вяйнямейнену было жалко выкидывать крепкие щучьи кости. Из челюстей он сделал короб, зубы поставил вместо колков, натянул волосяные струны, и получилось кантеле.

Вяйнямейнен сел на камень, заиграл на кантеле и запел. Никогда еще никто не слышал такой чудесной игры, никто не слышал такого пенья. Люди из окрестных деревень, побросав все свои дела, сошлись послушать певца. Из лесов прилетели птицы, из-за туч опустился орел, из лесной чащи вышли звери, из берлоги вылез медведь, прибежал с болота волк. Сама Хозяйка Леса пришла и села на березовый пень. Сам Повелитель Потоков выплыл на поверхность, разметав зеленую бороду. И все слушали чудесную игру и волшебное пенье.

Потом Вяйнямейнен, Ильмаринен и Лемминкяйнен снова сели в ладью и поплыли дальше.

На туманном берегу Похъелы их встретила повелительница этого вечно мрачного края — редкозубая старуха Лоухи.

— Зачем пожаловали, герои? Что скажете, о чем поведаете?

— Сегодня у нас с тобой речь пойдет о Сампо,— говорит старый Вяйнямейнен.— Мы приплыли, чтобы поделить с тобою дары чудесной мельницы, чтобы молола она муку, соль и деньги для зеленой Калевалы.

Лоухи рассмеялась:

— Не делят охотники добытую белку, не делят куропатку, а чудесной мельнице Сампо хорошо вертеться у меня в скалистой пещере, за девятью замками. Не хочу я с вами делиться дарами Сампо.

— Не хочешь отдать половину — возьмем все! — воскликнул Вяйнямейнен.

Лоухи видит, что Вяйнямейнен не шутит, и закричала:

— Эй, народ Похъелы, все бегите сюда скорее! Эй, юноши, обнажайте мечи! Эй, герои Похъелы, берите в руки оружие!

Тотчас же на громкий зов старухи Лоухи отовсюду, со всех концов Похъелы, набежали люди. Юноши зазвенели мечами, готовые начать бой. Воины-герои взяли в руки боевое оружие.

Тогда Вяйнямейнен положил себе на колени кантеле из костей щуки и заиграл. При первых же звуках кантеле люди остановились. Воины опустили оружие. И вся Похъела — и мужчины, и женщины, и старики, и дети, и сама повелительница Похъелы, редкозубая старуха Лоухи,— все погрузились в глубокий сон, а замки и запоры, на которые было заперто подземелье, где хранилось Сампо, раскрылись сами собою.

Вещий певец Вяйнямейнен, кузнец Ильмаринен и веселый Лемминкяйнен подняли чудесную мельницу Сампо, поставили на ладью и отплыли от мрачных берегов Похъелы.

Плывет ладья, держит путь к зеленой Калевале. Шумят волны на море, а в Похъеле тишина — все спят.

— Почему же не звучит в нашей ладье веселая песня? — спрашивает веселый Лемминкяйнен.— Почему не запоешь ты, Вяйнямейнен, ведь Сампо у нас и мы плывем домой, в зеленую Калевалу?

— Рано петь,— ответил Вяйнямейнен,— до Калевалы еще далеко.

— Если ты, певец, не хочешь запеть, то я спою сам,— сказал веселый Лемминкяйнен и запел своим громким, хриплым голосом:— Ого-го-го! Эге-ге-ге!

Его грубое пенье спугнуло журавля, который, стоя на зеленой кочке на одной ноге, считал пальцы на другой. Испугался журавль, поднялся в небо, закричал и полетел на север, в Похъелу. Его крик пробудил жителей туманной Похъелы.

Очнувшись ото сна и не видя у берега мужей Калевалы и их ладьи, старуха Лоухи первым делом побежала прове-

рять свои богатства. Побежала по хлевам — цела скотина до последнего теленка; проверила амбары — цел хлеб до последнего зерна; поспешила она к подземелью, где была запрятана Сампо, и тут зарыдала, заломила руки:

— Горе мне, горе несчастной! О ты, великий бог Укко, мой владыка, нашли ветер и бурю на море, потопи коварных похитителей чудесной мельницы Сампо — старого певца Вяйнямейнена, кузнеца Ильмаринена и веселого Лемминкяйнена!

Задул ветер, загудела буря, поднялись волны, захлестнули ладью, утащили в пучину чудесное кантеле из щучьих костей. Загрустил Вяйнямейнен, испугался Ильмаринен, дрогнул Лемминкяйнен. Но старый певец говорит:

— Не годится горевать в море, плач не поможет в несчастье. Набивай, Лемминкяйнен, запасные доски на борта! Выгребай, Ильмаринен, против волн!

Так буря и не смогла потопить ладью. Ветер возвратился на небо, волны улеглись.

Видит Лоухи, что ладья осталась цела-невредима, не мешкая снарядила в погоню военный корабль. Усадила на него сто воинов, вооруженных мечами, тысячу воинов с тугими луками, и корабль устремился в погоню за похитителями Сампо.

Вяйнямейнен сказал Лемминкяйнену:

— Залезь на мачту, посмотри, что видно впереди, что видно позади.

Лемминкяйнен влез на мачту.

— Впереди тихая вода, ясное небо, а позади — небо мутное, и нагоняет нас какое-то облако.

— Посмотри-ка получше: чует мое сердце, что это не облако,— говорит Вяйнямейнен.

— Теперь я вижу, что это не облако несется с севера,— отвечает Лемминкяйнен,— это мчится на всех парусах военный корабль. Сто гребцов сидят на веслах, а в корабле тысяча воинов с мечами и луками, и Лоухи там же.

Налегли Ильмаринен и Лемминкяйнен на весла, но корабль с каждым мгновеньем нагонял их.

Видит Вяйнямейнен, что приближается неминуемая беда, достал кошель с огнивом, вынул кремень, бросил через левое плечо в воду, приговаривая:

— Появись среди моря отмель из этого кремня, встань подводный утес, чтобы разбился о него корабль Похъелы.

В то же мгновенье среди моря возникла подводная скала. Корабль налетел на нее и разломился.

Схватила Лоухи шесть железных мотыг — они стали ей изогнутыми когтями. К плечам приложила правый и левый бока корабля — они стали крыльями. Руль стал хвостом. Сто воинов она посадила на крылья, тысячу на хвост, распустила крылья и, ударив одним крылом по небу, другим по воде, полетела словно страшный чудовищный орел и настигла ладью. Железными когтями ухватилась Лоухи за мачту, наклонила ладью, вот-вот опрокинет.

Взмолился Ильмаринен:

— О бог Укко, спаси нас от гибели!

Вяйнямейнен говорит:

— Лоухи, повелительница Похъелы, давай поделим дары Сампо.

— Не хочу я с тобой делиться, несчастный Вяйнямейнен! — злорадно ответила Лоухи и длинным когтем подцепила чудесную мельницу за крышку.

Тут веселый Лемминкяйнен взмахнул мечом и ударил Лоухи по крылу.

Воины с крыльев посыпались в волны вместе со своими мечами и луками.

Тут старый Вяйнямейнен поднял тяжелый дубовый руль из воды и ударил по когтям страшной птицы. Обломились когти, остался только один коготь. Выронила Лоухи Сампо, упала чудесная мельница в море, разбилась на куски. Лоухи успела подхватить одну лишь крышку...

С ней и вернулась редкозубая старуха Лоухи в Похъелу.

Долго носило по волнам обломки чудесной мельницы Сампо. Наконец прибило их к берегу зеленой Калевалы.

Однажды вышел старый певец Вяйнямейнен на берег моря, увидел эти обломки, выловил из воды, закопал в землю, сказав при этом, чтобы отныне и до века прорастали они рожью, пригодной для хлеба, чтобы прорастали они ячменем, годным для варки пива.

И с тех пор на полях зеленой Калевалы растет ячмень, колосится рожь.

КУКУШКА

Ненецкая сказка

Вот что было.

Жила на земле бедная женщина. Было у нее четверо детей. Не слушались дети матери. Бегали, играли на снегу с утра до вечера.

Вернутся к себе в чум — целые сугробы снега на пимах натащат, а мать — убирай.

Одежду промочат, а мать — суши.

Трудно было матери.

Вот один раз летом ловила мать рыбу на реке. Тяжело ей было, а дети ей не помогали. От жизни такой, от работы тяжелой заболела мать. Лежит она в чуме, детей зовет, просит:

— Детки, воды мне дайте. Пересохло у меня горло. Принесите мне водички.

Не один, не два раза просила мать. Не идут дети за водой.

Старший говорит:

— Я без пимов.

Другой говорит:

— Я без шапки.

Третий говорит:

— Я без одежи.

А четвертый и совсем не отвечает.

Сказала тогда мать:

— Близко от нас река, и без одежи можно за водой сходить. Пересохло у меня во рту. Пить хочу!

Засмеялись дети, из чума выбежали. Долго играли, в чум к матери не заглядывали.

Наконец захотелось старшему есть — заглянул в чум. Смотрит он, а мать посреди чума стоит. Стоит и малицу[1] надевает.

И вдруг малица перьями покрылась.

Берет мать доску, на которой шкуры скоблят, и доска та хвостом птичьим становится.

Наперсток железный клювом стал.

Вместо рук крылья выросли.

Обернулась мать птицей и вылетела из чума.

Закричал старший сын:

— Братья, смотрите, смотрите, улетает наша мать птицей!

Тут побежали дети за матерью, кричат ей:

— Мама, мы тебе водички принесли!

Отвечает им мать:

— Ку-ку, ку-ку! Поздно, поздно. Теперь озерные воды передо мной. К вольным водам лечу я.

---

[1] Мáлица — верхняя одежда ненцев; ее шьют из оленьих шкур.

Бегут дети за матерью, зовут ее, ковшик с водой ей протягивают.

Меньшой сынок кричит:

— Мама, мама! Вернись домой! Водички нá! Попей, мама!

Отвечает мать издали:

— Ку-ку, ку-ку, ку-ку! Поздно, сынок, не вернусь я.

Так бежали за матерью дети много дней и ночей — по камням, по болотам, по кочкам.

Ноги себе в кровь изранили. Где пробегут, там красный след останется.

Не вернулась мать-кукушка.

И с тех пор не вьет себе кукушка гнезда, не растит сама своих детей.

А по тундре с той поры красный мох стелется.

М Юхма

АТЛ

Чувашская легенда

> Два платочка беленьких рядышком,
> Два платочка — две половиночки.
> Где ты, милая, синеглазая?
> Иль нам вместе быть не судьба?
>
> *Из народной песни*

Зорька красит восток. Просыпается лес, вздыхает потихоньку, радуясь солнцу и ветру. В шелест листьев вплетается негромкий голос деда Ендимера.

— ...И тронулся Атл со своими тридцатью тремя баторами к хунскому царю...

В эту ночь дед рассказывал без устали. Такое с ним не часто бывает.

Вначале поведал легенду о Ятмапе-эмбю, затем о богатыре Мургаш-баторе, а теперь вот вспомнил сказание о храбром богатыре по имени Атл.

— ...Хунский царь ласково принял Атла: нужны ему были служивые из подвластных земель. Но, узнав, что с Атлом прибыло лишь тридцать три конника, удивился, а затем впал в гнев.

— Как смели презренные рабы насмехаться надо мной! Я просил у шурсухалов три тысячи, а вас всего тридцать три. Да за такие хитрости я их по миру пущу!

Атл остановил его:

— Стая воробьев не спугнет сокола, а сокол распотрошит воробьиную стаю.

— Что ты желаешь этим сказать? — прошипел хунский царь.

— Не торопись судить, пока не убедишься в моей правоте. Хотя нас всего тридцать три батора, но мы сильней иной тысячи.

Услыхал это царь, покачал головой и приказал чувашским баторам быть наготове. Они первыми встретят приближавшегося врага.

С тем и отправился почивать.

Утром к царю прибежали придворные.

— Измена! — закричали они.— Эти мерзкие чуваши переметнулись к врагам. Едва завидели их, бросили лагерь и поминай как звали. Горе нам!

Царь поспешно оделся, велел войско построить. Сам решил расправиться с изменниками, но снова прибежали стражники:

— Чуваши едут!

Вышел царь на крыльцо. В городские ворота, напевая песню, уже въезжала дружина Атла.

— Где вы были, предатели? — закричал хунский царь.— Я думал, вы честные воины, а вы трусы.

— Пока ты спал,— прервал его Атл,— мы тут поразмялись немного. Погляди на ту сторону горы — все поймешь.

— Посмотрите, что там такое,— приказал царь.

Увидели мурзы, что широкое поле сплошь усеяно трупами врагов. Не чуя ног, вернулись обратно.

— О великий и всемогущий,— запричитали они,— о светлый, несравненный, о солнцеподобный и луноподобный, о...

— Хватит! — закричал царь.— Говорите толком, в чем дело.

Перебивая друг друга, рассказали мурзы обо всем, что видели.

Обрадовался царь, а затем, будто шепнули ему на ухо худое слово, сдвинул брови. «Если эти молодцы этакую тьму разгромили,— подумал он,— то моих слуг они вмиг сомнут. Опасные друзья... Страшновато с такими воинами под одной крышей».

И решил поскорее от них избавиться. «Приласкаю их, задарю, а затем одним махом всех порешу».

Объявил хунский царь пир великий в честь чувашских гостей-победителей.

Узнала об этом и единственная дочь хунского царя — красавица Касьни. Еще до того была она наслышана об Атле.

«Хоть бы одним глазком взглянуть на него...» — подумала Касьни.

Вышла в сад и спряталась в кустах. В ту пору Атл прогуливался по саду.

«Какой он красивый, статный! — обрадовалась Касьни, выглядывая из своего укрытия.— Такого и полюбить не грех».

Заметила служанка радость на лице Касьни да и шепнула ей на ухо:

— Такой красавец — и погибнет! Жаль...

— Что? — удивилась Касьни.— Что ты сказала?

— Что слышала,— отвечала служанка.— Кому на пиру веселье, а кому слезы. Погубят молодца по цареву указу, умрет он после первого кубка.

Белей цветка степного стала Касьни.

«Нет, нет,— подумала она с ужасом,— он не должен погибнуть».

А тем временем гости уже собирались на пир. Пришли и чувашские воины.

Тогда-то и побежал к Атлу хунский мальчик и поманил за собой.

— Куда, зачем? — спросил Атл.

— Разве сокол боится воробья? — ответил мальчик.— Ступай за мной.

Удивился Атл и пошел за ним по песчаной дорожке в сад. Там он увидел прекрасную девушку и сразу догадался, кто она.

— Здравствуй,— сказала Касьни,— я ждала тебя, Атл.

— Здравствуй,— ответил Атл, опустив глаза,— пусть любуются тобой звезды. Чем я заслужил такое счастье?

— Дикий голубь, если пожелает, может каждый день любоваться цветком, одиноко растущим в поле.

— О,— сказал Атл,— ты так же мудра, как и прекрасна. Твое имя означает вечернюю зарю. Разве заря может быть одинокой?

— Да,— вздохнула Касьни,— если солнце не захочет взглянуть на нее.

— Сколько звезд, больших и малых, посылало ей свои лучи.

— Я ждала солнца.

— Когда же оно появится?

— Уже появилось.

— А не дала ли заря имя этому солнцу?

— Атл,— ответила девушка и зарделась, точно алый цветок.

— О боги,— прошептал юноша,— разве можно взвалить на одного человека сразу столько счастья.

— Солнце мое,— тихо сказала Касьпи,— беда за счастьем ходит, а ненависть за любовью.

Ничего не понял Атл, лишь молча смотрел на девушку. И тогда рассказала Касьпи о нависшей над Атлом беде.

Поблагодарил молодец красавицу и поспешил к своим баторам. В ту же ночь покинули они хунский город.

Но как ни старался Атл, не мог успокоиться. Все о царевне думал. Понял батор, что полюбил добрую красавицу, которая спасла его от верной гибели, и рассказал обо всем своим друзьям.

Те сразу же остановили своих чудо-аргамаков и поскакали обратно. Въехали в город — и ко дворцу.

Недаром говорят, любящее сердце — вещун. Касьпи стояла у окна своей горницы, будто знала, что вернется ее возлюбленный. И как только увидела Атла под окнами, спрыгнула прямо к нему в объятия. Ни отца не спросила, ни матери. Только сказала:

— Я с тобой, Атл!

Узнав о побеге дочери, разгневался царь и выслал погоню.

Лучшие воины хунов помчались вдогонку за чувашами. Но не посмели они поднять меч на баторов, спасших их от врагов. Постояли, поглядели вслед конникам и повернули назад.

— Как я счастлива, что мы вместе!..— шептала дорóгой Касьпи.

Но недолгой была их радость.

Плохая весть скакуна обгоняет.

Еще не прибыл Атл к своему царю, а хуны уже известили того о случившемся и пригрозили местью. А на храброго Атла возвели напраслину: будто воин он плохой, долга своего не выполнил, да еще дочь украл.

Схватили Атла царские слуги и заточили в темницу.

Атл надеялся, что образумится царь, поостынет и рассудит, кто прав, кто виноват.

Но проходил день за днем. Бедный Атл с товарищами все томился в сыром подземелье. А красавицу Касьпи заточил грозный отец в башне. Плакала Касьпи, все глаза выплакала. Слезы ее лились ручейком, и где-то далеко образовалось из них соленое море, которое назвали Каспийским.

Храбрый Атл тоже не стерпел позора. И попросил он светлое солнце:

— Помоги мне, солнышко, выручи. Сделай меня быстрой речкой, потеку я по долам, по лесам в ту сторону, где живет моя ласточка.

И тут не оставили Атла друзья.

Обратился Атл в великую реку и помчался в сторону хунской земли, а его товарищи понеслись вслед за ним. Потому-то река Атл — по-русски она зовется Волга,— не одна течет, а с тридцатью тремя притоками.

Дед умолк, пососал трубку и посмотрел в сторону речки Карлы.

— И Карлы был другом Атла, вот он и сейчас торопится к Волге.

Над рекой клубился сизый туман, и мне подумалось: прошли века, а человек мало изменился — так же любит и ненавидит, горюет и радуется.

ФАРХАД И ШИРИН

По мотивам узбекского фольклора

Давным-давно в одном ханстве, в одном восточном государстве, жил-был хан. Богатым было его ханство — сокровищ не счесть. Огромным было его ханство — конца-края не видно. Крепка была его власть и широка слава — никто и не пытался с ним сравниться.

Всем казалось, сладка у хана жизнь, как мед. Но не так уж она была сладка: у хана не было детей и он очень горевал об этом.

И наконец родился у хана сын. Дали мальчику имя Фархад.

Удивительный это был мальчик. Он рос не по дням, а по часам. В три года он возмужал, как иные в десять, и был он

не по возрасту разумен. К двадцати годам не осталось ни одной науки, которую не постиг бы Фархад. Стал он быстрым, как олень, смелым, как тигр, мудрым, как седовласый старец. Стрела его долетала до солнца, а меч прорубал ущелья в горах.

Но никогда не хвастал Фархад своей силой, никогда не заносился перед другими. Все любили его, потому что хоть и был он сильней сильного, но никого не обижал. Даже наоборот — чужие беды были ему тяжелее собственных. Такое доброе было у него сердце.

Как-то вздумал хан-отец выстроить для сына четыре дворца: весенний, летний, осенний, зимний. Хотел порадовать своего любимца. Призвал хан лучших зодчих, лучших каменотесов, лучших живописцев.

Удивился Фархад их прекрасному искусству, пленился их умением. Захотелось самому добиться такого же мастерства. Только и думал о том, как научиться ломать и резать камень, складывать стены из громадных каменных плит.

Мастер-камнерез Карен открыл ему тайну особой закалки резца. Эта тайна передавалась из рода в род, из поколения в поколение. Кирка и резец при такой закалке резали камень словно воск.

Изо дня в день работал Фархад вместе со всеми. Засучив рукава, тесал гранит. Сон потерял и покой.

А когда знаменитый живописец Мани стал расписывать стены и потолки, Фархад и вовсе ни разу не отошел от него ни на шаг. Мани картину на стене напишет, а Фархад тут же ее на бумагу перенесет. Так день за днем учился он великому и благородному мастерству строителя и живописца и достиг такого совершенства, что под его резцом камень оживал. Как будто камень сам давался Фархаду в руки, будто хотел поскорей увидеть на своей серой груди узор необыкновенной красоты.

Кисть живописца в руках Фархада тоже благословляла свою судьбу. С наслаждением окуналась она в краски, а сами краски так и сияли, так и улыбались. Очень им хотелось угодить искусному мастеру, хотелось превзойти яркостью живую природу.

Теперь уже не было на Востоке мастера, равного Фархаду.

Шли годы, Фархад мужал, а хан старел и дряхлел. Заботы совсем измучили его. Особенно беспокоило хана, кто станет править страной вместо него, да так, чтобы народ был счастлив? Хан знал, что власть не привлекала Фархада, и

он от нее не раз отказывался. Фархад мечтал о прекрасных подвигах, которые он совершит для народа.

И все-таки еще раз попытался хан уговорить сына, чтоб принял он государство в свои руки.

Но Фархад снова ответил отказом и стал просить отца, чтобы тот отпустил его в дальнюю дорогу повидать заморские страны.

Как ни умолял хан сына остаться в родных краях, Фархад все твердил свое. И как ни тяжко было хану расставаться с сыном, приказал старик привести в порядок корабли, и на следующий день Фархад вышел в море.

Красивые, стройные, под белоснежными парусами шли корабли. Нет, не шли — летели, как прекрасные, гордые лебеди. Мощной грудью рассекали они волны, нет, не рассекали — сами расступались перед ними в восхищении волны.

Но вот в неистовой злобе налетел на море ураган. Волны вздыбились, пена зашипела на их горбатых спинах. И тут же позабыли волны о прекрасных кораблях, которыми только что восхищались. Они думали лишь о том, как бы устоять в схватке с ураганом, как бы выиграть сражение. Зеленохвостые и зеленолапые волны сцепились с чернокрылым ураганом. Ураган и волны обхватили друг друга и свернулись в гигантский клубок, который грохоча катался по морю. Они разнесли в щепки корабль, на котором плыл Фархад.

Все, кто был с Фархадом, погибли. Лишь Фархаду удалось уцепиться за корабельную доску. Крепко он держался за нее. Долго носило его по морю.

Уже давно сложил свои поломанные и изорванные в клочья крылья ураган, уже давно уснули измученные жестокой схваткой победительницы-волны, а Фархад все плыл и плыл, не зная, не ведая куда.

Но вот, проснувшись, одна волна увидела Фархада. Он был едва живой. Стыдно стало волне, жалко ей стало Фархада, и она выбросила его на землю.

Очнувшись на берегу, Фархад осмотрелся вокруг. Земля показалась ему пустынной. Вдали виднелись горы, но и они были неприветливые, безлесые. Встал Фархад и пошел куда глаза глядят.

Долго ли, коротко ли шел, трудно сказать. Вначале палило нещадное солнце, потом наступила холодная ночь, а Фархаду все не попадалась ни одна живая душа. Очень хотел он пить, но нигде не было ни одного даже самого маленького ручейка. Очень хотел он спрятаться от солнца, но

нигде не было ни одного зеленого кустика. Вся зелень выгорела.

Вдруг Фархад заметил юношу, который рыл яму. Подошел к нему Фархад и спрашивает:

— Скажи, куда я попал, в какую страну? Почему не встретил я ни одного человека? Ты первый на моем пути. Корабль мой утонул, и все мои спутники погибли.

— Сочувствую твоему несчастью, путник! Попал ты в страну Армен[1]. Правит этой страной наша добрая и прекрасная, как солнце, Ширин. А людей ты не встретил оттого, что все ушли в горы, спрятались от шаха Хосрова. Он разорил нашу страну за то, что Ширин не хочет стать его женой. Не любит Ширин шаха, никогда не будет она его женой. За это отнял у нас шах Хосров воду, а Ширин не велел выходить из ее замка.

— А для чего ты роешь яму?

— Не могу снести позора. Не могу стерпеть власти шаха, а сил у меня мало, чтобы бороться со злодеем. Вот и хочу лечь в яму и помереть. Хочу закрыть глаза и ничего не видеть.

— Ты молод и здоров. И потому должен в бою постоять за родину. Уж если умереть, так вместе с врагами. Это достойно мужчины. Отведи меня к Ширин. Хочу поговорить с ней. Может, я смогу помочь вам.

Отправились Фархад и Шапур — так звали юношу — к Ширин.

Высоко в горах стоял ее замок. Мрачным он показался Фархаду. Окружали замок высокие серые стены. Вокруг него не видно было ни травинки, ни былинки.

Подъехали путники к замку. Открылись перед ними тяжелые ворота, и стража проводила Фархада и Шапура к Ширин.

Увидел Фархад Ширин, и сердце его сжалось от жалости. Сидит царевна одна-одинешенька, бледная и печальная.

Приветливо приняла она гостей и спросила, зачем пожаловали. Фархад ответил, что хочет освободить Ширин и страну Армен от власти шаха.

Услышав такие добрые вести, расплакалась Ширин, а когда успокоилась, сказала:

— Если б вы знали, как трудно мне здесь живется. Нет рядом никого из близких, одна старая нянька. Она и служит мне и утешает. Даже воду отвел от дворца шах Хосров,

[1] Армéн — Армения.

чтоб заставить меня покориться. Погиб без воды мой красивый и веселый сад. Какие росли в нем диковинные цветы и деревья! Без сада стало здесь так мрачно, так неуютно. Бедная старая нянька ходит по воду в горы высоко-высоко. Там бьет из-под земли один-единственный бесстрашный ручеек.

Говорил Фархад с Ширин и не мог наговориться. Смотрел на нее не отрывая глаз и не мог наглядеться. Хороша была Ширин собою, умна, добра. Полюбил ее Фархад, и Ширин его полюбила.

Поклялся Фархад вернуть счастье стране Армен. А Ширин поклялась стать женой Фархада.

Но, чтобы вернуть счастье стране Армен, нужно было прежде вернуть воду здешним бесплодным и сухим полям. Нелегкое это было дело, но Фархад принялся за работу.

Исходил он все горные тропы, облазил все горные уступы, забирался на самые высокие вершины. Все отыскивал большую реку. Наконец нашел.

Большая была река, полноводная. Чиста и вкусна была ее вода. Да только текла река в противоположную от страны Армен сторону, и преграждали ей путь высокие скалы. И тогда решил Фархад повернуть реку вспять.

Но одна пчела немного меду натаскает. Как ни силен, как ни работящ был Фархад, а понимал, что не справиться ему с работой без товарища своего Шапура. Принялись они за дело вдвоем.

Фархад ущелье прорубает, Шапур камни растаскивает. Шапур ущелье прорубает, Фархад камни растаскивает. Рассекут одну скалу надвое, за другую примутся. Разные скалы попадаются. Те, что гладкие,— подобрее были; те, что острые,— позлее были. С уступами — неуступчивые, без уступов — уступчивые.

День за днем шел, месяц за месяцем. Не знал Фархад ни сна, ни отдыха. Не замечал, что руки у него в кровавых мозолях, что спина сгорбилась, как у старика. Все рубил и рубил скалы. Сажень за саженью разворачивал реку и направлял в сторону страны Армен.

И вот настал долгожданный день.

С утра светило солнце. Небо было синим-синим и прозрачным.

Вдруг по полям, по долинам, по горам прокатился небывалый шум и грохот. Казалось, приближается чернокрылый ураган. Небо задрожало и кусками посыпалось на землю, такими синими-синими и прозрачными. Лучи солнца тоже

задрожали и посыпались на землю, как тучное зерно в закрома. И так их было много, что заполнили они все темные уголки на земле.

Оказывается, это хлынула в новое русло река. Она была такая сильная, какой здесь никогда не видывали.

Забурлила, заклубилась она в узких ущельях, водопадами хлынула с высоких гор, веселыми ручьями зазвенела на маленьких пригорках. Привольно и широко разлилась в полях и долинах. Наполнила высохшие колодцы и арыки. Не забыла напоить даже самую малую травинку.

Узнав, что вода вернулась, вернулись и люди в свои жилища. Наполнили водой бочки и кувшины, чаши и стаканы, пили воду вместо вина — такая она была вкусная да хмельная. Пили и славили Фархада.

А на следующий день все вокруг зазеленело, закудрявилось — и в лесу, и в поле, и в огороде.

Потом Фархад принялся за другое дело. Решил он выстроить для Ширин новый дворец, потому что тяжело ей было жить в жилище своих предков, где все напоминало о мрачных, тоскливых днях.

Выбрал Фархад для дворца самое красивое место в стране. На высоком зеленом холме, откуда видно было все вокруг.

Привезли для постройки самые лучшие гранит и мрамор. Всех цветов и оттенков. Привезли эвкалипт крепчайший, сандал и самшит. Не прошло и месяца, как вознеслись под самые облака белые, как снег зимой, стены дворца. Недаром учился Фархад у зодчего Бани. Драгоценной мозаикой украсил Фархад дворец внутри и снаружи. Великолепными картинами расписал его. Недаром учился у живописца Мани.

Богатый получился дворец, всем на удивленье. Но не в богатстве дело. Ведь не то дорого, что красного золота, а то дорого, что доброго мастерства. Одним словом, чудо какой вышел дворец. Все так и ахнули, увидев его.

Перебралась Ширин в новый дворец. И по случаю новоселья устроили пир. Вино лилось рекой, меду было на пиру целые озера, мяса — целые горы, под стать Арарату: задерешь голову — вершины не увидишь.

Много добрых дел сделал Фархад. Счастливо зажили люди. Счастливы были Фархад и Ширин. Скоро должны были они сыграть свадьбу. Вот только отца с матерью дождутся.

Ветер море колышет, молва — народ. Много песен сложил народ о Фархаде и Ширин. Много добрых слов было в

этих песнях. Столько же много, сколько добрых дел у Фархада.

Услышал эти песни Хосров. Созвал своих вазиров на совет и велел подымать войско против Фархада.

Собралось сто тысяч лучников, сто тысяч латников, сто тысяч копьеносцев. И все на отборных конях. Отправилось войско в страну Армен.

Не дрогнув, встретили его Фархад с Шапуром. Обнажили мечи и ринулись в тущу врагов.

Ударят налево — тысячи лучников как не бывало; ударят направо — тысячи латников как не бывало; ударят впереди себя — тысячи копьеносцев как не бывало.

Видит Хосров — плохи дела. Стал просить мира. Обещал больше не воевать с Фархадом, обещал больше не приходить в страну Армен.

Тихо, смиренно говорил шах. Но недаром придумали люди пословицу: речами тих, да сердцем лих. Хитрил побежденный враг. Не было в его сердце мира. Пылала в нем злоба и месть.

Но Фархад был чист душой и поверил ему.

Притворился Хосров, будто покидает здешние места навсегда. В смирении, с клятвами покинул военный лагерь Фархада. А чуть отъехал подальше, чуть с глаз долой скрылся, повернул свою конную сотню ко дворцу Ширин. «Не хотела красавица выйти за меня добром, выйдет силком. Да и Фархад будет долго помнить Хосрова»,— думал шах.

Прискакал Хосров к дворцу Ширин. Переплыл глухой ночью крепостной ров. Подкупил золотом дворцовую стражу, она и пропустила его.

Пробрался Хосров в покои Ширин. В это время царевна уже спала. Подошел к ней крадучись Хосров, дал понюхать сонного зелья. От него заснула Ширин, будто умерла. Завернул ее шах в ковер и потащил. Слуги Хосрова взвалили Ширин на коня поперек седла.

Только и видели царевну.

Возвратился Фархад с поля боя. Спешит порадовать любимую. Ведь с победой вернулся. Навстречу ему вышла старая нянька вся в слезах: так-то, мол, и так, увез шах Ширин.

Не медля ни минуты, вскочил Фархад на коня. Вместе с ним верные товарищи, и среди них Шапур. Всего тысяча воинов.

Началась погоня.

Мчались они, коней не жалея и сил своих не щадя. Да что там говорить, скакали так, как никогда не скакали. Но ведь сколько ни скачи, сколько ни терзай себя и коня, отдыхать придется. Остановились они у горной реки. Напоили коней, сами напились. Вот и весь отдых. Только занесли ногу в стремя, как увидели старуху. Она махала им рукой — просила подождать.

Нет черней на свете вести, чем та, которую принесла старуха. Пожухла трава от той вести, облетели цветы, надломились деревья, попадали замертво птицы и звери. Едва удержались на ногах бывалые воины, видавшие на своем веку не одну смерть. А Фархад, тот упал замертво. А все потому, что Ширин умерла. Отказалась стать женой Хосрова, не покорилась шаху, хоть была его пленницей. Сказала, что любит Фархада и будет ему верна до самой смерти. И смерть пришла за ней. Избавила Ширин от позора. Не уберегли, не укараулили Хосров и его слуги Ширин. Выбежала она ночью из шатра и бросилась с обрыва.

Когда Фархад очнулся, горе снова нахлынуло на него. Такое горе, как море,— не выпьешь его до дна. Понял Фархад, что не жить ему без Ширин на белом свете.

Окружили Фархада его верные друзья и товарищи, и сказал он:

— Хочу проститься с вами, мои братья! Зовет меня к себе Ширин, моя дорогая невеста. Не плачьте обо мне. Ведь умереть для меня теперь радость, жить для меня теперь горе. Любите свой народ, свою землю. В дни войны защищайте ее, в дни мира украшайте.

С этими словами бросился Фархад с обрыва. С того самого обрыва, где нашла смерть Ширин.

Долго стояли Шапур и воины над бездонной могилой Фархада и Ширин. Преклонили они колена и опустили головы.

Всю ночь горели в горах прощальные костры и слышались грустные, тихие песни.

О подвигах Фархада, о его великом мастерстве зодчего и живописца пелось в этих песнях. О великой любви, которая не выносит разлуки, пелось.

Никогда не забывали люди этих песен. До сих пор поют их всюду на Востоке:

— Бескорыстной доброте — слава! Беззаветной храбрости — слава! Мастерству высокому — слава! Любви верной — слава!

Позор — злобе! Трусости — позор! И коварству — позор!

Наири Зарьян

ЛЬВОРАЗДИРАТЕЛЬ МГЕР

По мотивам армянского эпоса

В Сасуне хлеб вздорожал. Народ умирал с голоду.

Горожане к Мгеру пришли, остановились у ворот, сказали:

— Мгер! Мы умираем с голоду. Ради бога, окажи нам помощь! На небе нет у нас никого, кроме бога, на земле — никого, кроме тебя.

— Не знаю, как быть,— молвил Мгер.— Пойду поговорю с Кери-Торосом. Посмотрим, что он скажет, почему такая дороговизна.

Позвал Мгер Кери-Тороса.

— Дядя,— сказал он,— в Сасуне нет хлеба.

— Что ж я тут могу поделать, мой мальчик? — отвечал Кери-Торос.— В моих амбарах пусто. Может, ваши амбары еще не совсем опустели?

— У нас тоже нет хлеба. Народ с голоду мрет. Дядя, почему у нас голод? Градом ли побило хлеба, засуха ли их сожгла, ветер ли зерна унес?

— Нет,— отвечал дядя.— Мы, сасунцы, не пашем и не сеем. Мы разводим ослов, мулов и коз и пасем их на пастбищах. Хлеб нам доставляли Шам и Алеп.

— Почему же теперь не доставляют?

— В горах объявился лев-людоед, никому от него ни проходу, ни проезду. Вот уж три года, как никто от нас не едет в Шам и Алеп, а оттуда никто не едет в Сасун. Льва боятся: бросается на людей и раздирает их в клочья. Вот почему такая дороговизна в наших краях.

— А что такое лев-людоед? — спросил Мгер.

— Это зверь такой. Его называют царем зверей.

— Что же он, издалека людей ест или когда подойдешь?

— Когда подойдешь, тогда и съест.

— Клянусь хлебом, вином и господом вездесущим, утром я выйду на льва! — объявил Мгер.

— Не ходи, Мгер, разорвет!

— Нет, я буду биться со львом!

На зорьке все, кто только мог взобраться на коней, вслед за Мгером направились к логову льва. И вот появился лев. Хвостом бьет по земле, пыль и мгу поднимает. Подошел,

стал перед Мгером и его войском и так зарычал, что эхо от его рыка по горам и долам прокатилось.

— Хлеб, вино, вездесущий господь! — вскричал Мгер.— Если кто ударит льва мечом или палицей, я льва не трону, а того человека убью. Меня мать родила, льва тоже мать родила. Нет у льва ни оружия, ни доспехов,— стало быть, и мне следует оружие и доспехи наземь сложить и вступить в бой безоружным.

Побросал тогда Мгер оружие и доспехи наземь, рукава засучил, хлеб и вино помянул, бросился на льва. Сцепились Мгер и лев. Мгер льва одной рукой за верхнюю челюсть ухватил, а другой рукой за нижнюю, пополам льва разорвал, одну часть налево швырнул, а другую направо.

Весть о том долетела до Дехцун-цам.

— Радуйся,— сказали ей,— твой Мгер убил льва.

Дали Мгеру грозное прозвище — Львораздиратель Мгер.

Вернулся Мгер вместе со всеми в Сасун.

Собрались сасунцы, пришли к Мгеру, сказали:

— Львораздиратель Мгер! Теперь ты наш царь. Правь Сасуном.

Дехцун-цам поцеловала сына, достала оружие и доспехи сасунского царствующего дома, Мгеру все отдала и сказала:

— Ты — опора Сасунского царства. Для кого же мне это теперь хранить?

Мгер облекся в доспехи отца.

Бархатный надел он кафтан,
Серебряным поясом обвил стан,
Натянул и обул два стальных сапожка,
Вывел во двор Джалали-конька,
Седлом перламутровым его оседлал,
Уздой золотою его взнуздал.
Только взялся он за молнию-меч —
Глядь: ратный крест у него оплечь.

Сел Мгер на коня и умчался в горы Сасунские — погулять и царство свое своими глазами увидеть.

Враги признали себя побежденными и покинули горы Сасунские. Был теперь у Сасуна вождь и заступник.

О. Романченко

СУРАМСКАЯ КРЕПОСТЬ

Грузинская легенда

Много лет назад возле небольшого грузинского города Сурами росла высокая чинара. Ствол ее был обуглен, ветки

поломаны. Немало горя повидало на своем веку старое дерево. Трудно приходилось в те времена жителям города: то с одной, то с другой стороны подбирались к ним враги. Грузинские женщины, наспех укутав маленьких детей, бежали с ними в горы, а мужчины, если даже их было очень мало, брали оружие и шли навстречу жестоким чужеземцам.

Враги вытаптывали поля, жгли дома, угоняли скот. Не однажды они дотла сжигали Сурами, и не однажды город снова поднимался из пепла.

А женщины и дети все так же оплакивали павших в неравном бою воинов.

И не было у жителей Сурами иной защиты, кроме старой чинары: с ее высокой вершины можно было заранее заметить приближение врага.

С некоторых пор у подножия дерева выросла бедная хижина. В ней поселился согбенный годами седобородый человек.

Ни одна душа не знала, кто он и откуда пришел. Следы цепей были на его руках, следы кнута — на спине, глубокие шрамы прятались в морщинах лица. И лишь взгляд оставался огненным и зорким.

Возможно, кто-нибудь из стариков и вспомнил бы его, но в те трудные времена немногие достигали старости, и на сурамской земле жили уже внуки и правнуки прежних воинов.

Пришелец был мудр, великодушен, осмотрителен, и слава мудреца прочно утвердилась за ним.

Однажды старый мудрец сказал жителям Сурами:

— Разве помощник храброму чинара? Не с веток дерева, а со сторожевых башен могучей крепости должны следить вы за приближением врага. Его нужно встречать лицом к лицу и с высоких стен забрасывать горящей смолой и камнями.

И народ согласился с мудрецом. Крепость решили строить на горе, чтобы еще труднее было добраться врагу до ее неприступных стен. Работали все жители города. Каждый, кто спускался в долину, возвращался, толкая впереди себя камень. Эти камни говорливая речка пригоняла с высоких вершин, как пастух гонит с летнего пастбища овечью отару.

Шли недели, месяцы... Крепость была уже почти достроена, как вдруг обрушилась одна из стен. Камни с грохотом мчались в долину, и гора стонала и гудела под их тяжкими ударами.

И опять мужчины, женщины, дети поднимались в гору, толкая камни впереди себя. Стену воздвигли снова, но она снова обрушилась, и так несколько раз.

Многие люди стучались в те дни в хижину старого мудреца.

— Врагов тучи,— говорили одни.— Это океан, в котором все мы захлебнемся. Разве под силу маленькой крепости сдержать напор океана?

— Лучше совсем уйти отсюда,— говорили другие.— Где-нибудь мы найдем уголок, чтобы спрятаться от зла.

— Пока на земле есть зло, от него никуда не спрячешься,— отвечал старый мудрец.— Зло нужно одолеть, а не бежать от него.

— Так почему же ты не научишь нас, как достроить крепость? Или ты бессилен, старик, как и все мы?

— Нет, я знаю, как достроить крепость,— медленно сказал мудрец.— Надо найти женщину — мать единственного сына, и юношу — единственного сына у матери. Юношу нужно замуровать в стену. Тогда крепость будет стоять века. Но надо, чтобы мать отдала сына добровольно и чтобы юноша не дрогнул перед лицом смерти. Эти люди передадут стене свою стойкость.

Вскоре весь город узнал о словах мудреца, и сразу же три матери привели своих единственных сыновей. Из них выбрали одну: женщину, у которой, кроме сына, красивого мальчика по имени Зураб, не осталось на свете ни одного близкого человека.

Зураб обнял мать, лицо которой почернело за одну ночь, поклонился ей за все, что она для него сделала, и уверенно, спокойно пошел в сторону крепости. У поворота дороги Зураб замедлил шаг, но не обернулся. Он понял, что, если оглянется, шаги его уже не будут такими уверенными. И он знал, что никто не должен видеть слез на глазах воина, если воин идет на подвиг.

Люди молча ждали. Когда Зураб встал в пролом стены, люди начали подкатывать камни и класть их вокруг него.

А на гору в это время не спеша поднимался согбенный седобородый человек со следами цепей на руках и глубокими шрамами, прятавшимися в морщинах лица. Вот он оглядел зорким огненным взглядом работавших и обратился к матери Зураба, которая помогала другим женщинам очищать камни:

— Как же ты решилась отдать единственного ребенка?

Ты стареешь. Кто будет помогать тебе? Кто поддержит твою старость?

— Никто не смеет спрашивать у меня, как я решилась на это и что будет со мной после,— гордо ответила женщина.— А у сына моего есть другая мать — Родина. Это она сегодня позвала его...

Мудрец спросил мальчика:

— Зураб, прислушайся к своему сердцу. Нет ли в нем страха?

— Страха нет во мне,— ответил мальчик.— С детства я ждал дня, когда смогу стать воином и защитником своего народа. Этот день настал. Гордость чувствую я, а не страх.

Тогда мудрец жестом остановил людей, которые собирались закрыть Зураба камнями.

— Жители Сурами, грузины,— сказал мудрец.— Неужели страх или отчаяние могут овладеть людьми, пока живут среди них такие матери и такие сыновья? Отпустите мальчика и стройте стену. Пусть десять раз она обрушится, но на одиннадцатый вы все-таки ее воздвигнете.

Снова без устали втаскивали сурамцы на гору тяжелые камни, и Зураб работал вместе со всеми. Теперь люди смеялись и пели, и звонче всех других звучал юный голос Зураба.

Много веков прошло с тех пор. Давно обрушилась Сурамская крепость. Но до сих пор непоколебимо стоит одна из ее стен — та стена, которую труднее всего было построить.

ЛЕГЕНДЫ И СКАЗКИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Алоис Ирасек

ЯНОШИК

Словацкое сказание

Кралова Голе[1], что высится над обширными лесами и живописной долиной верхнего Грона,— гора историческая. Ее могучая вершина безлесна; никогда не затихает ветер в ее вольных просторах, залитых солнцем. В туманы и грозы, под ветром и солнечными лучами одиноко стоит на Краловой Голе поросший мхом старый каменный стол. Всеми забытый, выглядывает он из травы, вереска и зарослей низкорослого горного сосняка.

Некогда, много-много лет назад, видывал он гостей, и широкие просторы Краловой Голе оглашались криками охотников и звуками рога. Это было в ту пору, когда навещал его владыка Венгерской земли, веселый король Матей.

Каждый раз, охотясь в окрестностях Липтовских гор или в Зволенских лесах на медведей и диких кабанов, отдыхал он тут со своей многочисленной свитой. Король был в охотничьем костюме, золотой рог висел у него на перевязи. Магнаты[2] щеголяли богатыми доломанами[3], блестящими коваными поясами и шапками из дорогого меха с перьями. В руках у них были копья, за поясами — охотничьи ножи. Пышные усы украшали их бритые загорелые лица.

Взобравшись на гору, все усаживались вокруг каменного стола. Своры гончих псов-овчарок и волкодавов ложились у ног охотников и, высунув языки, жадно хватали прохладный горный воздух. Слуги и крестьяне близлежащих сел выкладывали из корзин на стол яства и вина. И, сидя за каменным столом, высоко-высоко над долиной, весело пировал король со своими панами. С наслаждением обозревал он величественные горы, спускавшиеся по их склонам темные зеленые долины, дремучие леса, затопленные потоками золотого света. Солнце ярко освещало и белые домики земанов[4], и рдеющие крыши замков, что высились над усадебными строениями и крестьянскими хатами. Широко и далеко раскинулась прекрасная Словацкая земля.

Так бывало при короле Матее.

---

[1] Го́ле — безлесное плоскогорье.
[2] Магна́ты — крупные помещики.
[3] Долома́н — одежда, род кафтана.
[4] Зе́ман — дворянин, мелкий помещик.

После его смерти тихо стало на Краловой Голе, каменный стол был надолго забыт. А между тем в замках и поместьях бесчинствовали своевольные паны. В деревнях крестьян давили непосильный труд и неволя. Великие обиды чинились народу. Паны и земаны заставляли крестьян дни и ночи гнуть спину на барщине. В страхе перед солдатчиной парни спали неспокойно.

Невмоготу стало людям. Спасаясь от панского гнета, бежали молодые словаки из деревень в далекие горы. Становились они там вольными «горными хлопцами». Свободные просторы карпатских голей были их домом, а леса — надежной охраной.

В те тяжелые времена оживилась Кралова Голе. Снова уселась за каменный стол дружина со своим предводителем. Но не король то был, а горный хлопец — Яношик из Тярховой, что в Горнотрепчанском крае. И с ним не магнаты, не ясновельможные паны в доломанах и кованых поясах, а вольница — одиннадцать удалых молодцов в широкополых войлочных шляпах, зеленых рубахах, в белых суконных штанах с широкими поясами и кожаных поршнях[1]. Не было у них мечей и дорогого оружия, зато у каждого на боку — нож в ножнах, два пистолета за поясом, валашка[2] в руке да ружье-самострел за плечами. Звались удальцы — Суровец, Адамчик, Грайнога, Потучик, Гарай, Угорчик, Тарко, Муха, Дюрица, Михальчик и Ильчик-Хитрец, большой мастер играть на волынке.

Лишь в суровую зимнюю пору не собирались молодцы вокруг каменного стола на Краловой Голе. С ранней весны до студеной зимы выходили они на особую охоту. Водил их Яношик отбирать у панов неправедно нажитое богатство, бороться с несправедливостью, защищать бедных и обездоленных. Всем сердцем жалел Яношик томящийся в тяжелой неволе народ Словакии, сыном которого он был. И если не мог оказать ему помощь, то хоть мстил за него.

Были и свои счеты у Яношика с панами. Натерпелись и он и отец его жестокого насилья и горя.

Однажды приключилось с ним дивное диво, когда был он еще мальчишкой, пошел он к роднику набрать ведро воды. Верный пес, единственная память о родном доме, бежал за ним. Родник выбивался из-под скалы, заросшей кустами шиповника и диких роз. В то время, когда хозяин

[1] **По́ршни** — самодельная обувь из одного куска кожи.
[2] **Вала̀шка** — топорик с длинной рукояткой.

черпал воду, пес зарычал, потом вдруг неистово залаял и бросился в кусты. Яношик невольно повернулся и прислушался. Ему показалось, что в кустах кто-то плачет. Прикрикнув на собаку и отогнав ее, Яношик сам полез в кустарник.

Среди зарослей диких роз, как дивное видение, предстала перед ним прекрасная девушка в белой одежде. Поблагодарив Яношика за то, что он отогнал пса, девушка пообещала исполнить любое его желание.

— Силы хочу! — недолго думая, воскликнул Яношик.

Неспроста пожелал силы Яношик. Решил он наказать жестоких панов за все те обиды, что причинили они народу.

И дала ему горная дева пояс с волшебным корнем да валашку. В той валашке таилась сила целой сотни человек.

И, пока оставалась в руках у Яношика та валашка, никто не мог его одолеть.

*

С той поры начал Яношик мстить за себя и за исстрадавшийся словацкий народ. И прозвали бедняки Яношика и его вольницу «добрыми хлопцами». Всюду принимали их как желанных гостей, а в минуту опасности укрывали в горных хижинах и в деревнях. Когда же ударяли морозы и глубокие снега засыпали горы и долы, Яношик и его молодцы спокойно жили в домах у хозяев под видом работников.

Но лишь только бук начинал распускаться, уходили они в горы на «добычу»...

Не проливал Яношик человеческой крови. И сам не убивал, и другим не велел. Нападали они лишь на богатых и сильных.

— Отдавай богу душу, а нам — деньги! — кричали хлопцы, угрожающе размахивая оружием.

Чаще всего подстерегали они жестоких панов и земанов. Выследив «добычу», Яношик выходил из засады и кричал громовым голосом:

— Поди-ка сюда, пан! Хватит тебе драть семь шкур с крестьян!

Панское добро Яношик делил по числу товарищей на равные части. Свою долю он либо отдавал бедным и обездоленным, либо прятал в расселинах скал, пещерах и дуплах старых деревьев. Много у него было тайников, где храни-

лись и деньги, и сукна, и разное оружие. Говорят, что немало кремницких дукатов[1] доброй чеканки закопал он в ямы, чтобы не попали они в руки ни панам, ни разбойникам.

Любил Яношик музыку и песни. Сидя вечерами в пастушьем шалаше, охотно слушал он игру на свирели. А когда девушки заводили песни, собравшись в кружок на лужайке, просил их Яношик петь еще и еще и не жалел золота в награду.

Бывало и так: соберется вольница высоко на Краловой Голе, в темном ущелье или безопасном месте в лесу, разожгут хлопцы костер, и прикажет тут Яношик бойкому Ильчику играть на волынке. И заиграет Ильчик на своей волынке с тремя трубками. А играл Ильчик так, что звуки далеко-далеко разносились по горам и лесам и веселили сердца горных хлопцев. Сидит Яношик, потягивает свою деревянную трубку в медной и латунной оправе, выложенную рыбьей костью, и разглаживаются складки на его хмуром лице.

Любимым местом Яношика была Кралова Голе. Тут-то и довелось ему раз схватиться с панами. Выслали паны гайдуков и целое войско изловить Яношика, да не вышло у них ничего, и с позором повернули они вспять. А расправился с ними Яношик один со своей валашкой, что рубила, как сотня бойцов.

Бывал Яношик и в Просечной, и в Римавской долинах. Убил он там в бою генерала, что шел на него с шестьюстами солдат. Как пал в бою генерал, разбежались солдаты.

Любил Яношик ходить переодетым. То бродил он из деревни в деревню в обличье нищего, то появлялся в городе в одежде монаха. А то, нарядившись паном, верхом на коне являлся нежданно-негаданно в замок и принимал почести, подобающие знатному гостю. Потом забирал все, что хотел, подчас наказывал жестокого хозяина и уезжал спокойно со своими хлопцами, переодетыми слугами и гайдуками. Случалось, известит он треугольным письмом, чтобы ждали его в Липтове, а на другой день, словно дикий овес взойдет, где его не сеяли, окажется там, где его и не ждали,— на другом конце Словацкой земли.

Расставят на него сети — ускользнет, как угорь. Зайдет в корчму недалеко от деревни, ест, пьет, веселится с парнями — и вдруг скроется с глаз. Только на другой день узна-

---

[1] Кремницкие дукаты — деньги, чеканившиеся на монетном дворе в городе Кремнице (Словакия).

вали паны, где он был, что делал и как ушел от них почти из-под рук.

Так ходил он по горам много лет. Мстил панам, помогал бедным, защищал обездоленных. Во многих поместьях, во многих замках магнаты стали лучше обращаться с крепостными — не из милосердия, конечно, а из страха перед местью Яношика.

Сгубила Яношика измена. Коварный музыкант Ильчик выдал панам место, где скрывался Яношик, и сказал, как его поймать. Помогал изменнику какой-то газда[1]-предатель. Этого газду Яношик хорошо знал, и потому, когда однажды зимой приехал газда в горы, чтобы позвать Яношика в гости, тот, не подозревая измены, доверчиво сел к нему в сани. Лишь только доехали они до деревни, выманил газда у Яношика его могучую валашку. А в избе уже сидели в засаде гайдуки с солдатами.

Едва переступил Яношик порог, как поскользнулся и упал: насыпали ему враги гороху под ноги. Навалились гайдуки на Яношика и связали по рукам и ногам. Но одним рывком разорвал Яношик веревки и давай хлестать солдат и гайдуков, приговаривая с насмешкой:

— Эй, сколько вас, сушеных, пойдет на фунт?

Плохо пришлось гайдукам, начали они отступать к дверям. Но тут какая-то сморщенная старуха визгливо крикнула с печи:

— Перерубите ему пояс!

Ударил один солдат, и так метко, что сразу перерубил пояс с волшебным корнем, что дала ему горная дева. Лопнул корень, и пропала сила Яношика. Без валашки и пояса не мог одолеть он врагов. Снова связали его, положили в сани и отвезли в тюрьму. Было это в Кленовце, близ Тисовца, у газды Благи.

Держали Яношика сначала в старой Граховской башне, а потом перевели во Врановский замок. В мрачном подземелье лежал Яношик, прикованный к стене, и лишь для допросов и пыток выводили его из темницы.

Горько и тяжко ему было. Но не о себе, не о своей судьбе были думы Яношика, а о друзьях и больше всего о бедном народе. С грустью вспоминал он свободу и свою вольницу, вспоминал, как сиживал он с хлопцами на Краловой Голе, как ходил с ними по зеленым лесам, по горам и долам на утренней заре и под мерцающими звездами, под солнечны-

[1] Га̀зда — крестьянин, хозяин.

ми лучами и при сиянии месяца. Вспоминал Яношик о словацком народе и глубоко вздыхал:

— Ох, бедный люд, кто теперь заступится за тебя!

А потом привели Яношика на суд и осудили на смерть. Было это в 1713 году, в тринадцатый день марта месяца.

Окруженный солдатами, сопровождаемый толпой народа, смело шел Яношик к виселице. Был он молод и полон сил. В последний раз взглянул он на горы, в последний раз взглянул на леса, на прекрасное солнце. Но не пал он духом, а твердо шагал, гордо подняв голову. И четыре раза прошелся в танце Яношик вокруг виселицы, чтобы видели паны, что не страшна ему смерть. Так кончил свои дни добрый горный хлопец Яношик.

А что сталось с могучей валашкой?

Завладев ею, паны укрыли валашку за семью замками, за семью дверями. Но не осталась она взаперти. Начала валашка рубить первую дверь. Рубила, рубила — прорубила одну, принялась за другую, за третью... И так добралась она до седьмой. Рубит валашка последнюю дверь, а Яношика на казнь ведут. Одолела валашка и седьмую, последнюю дверь, но уже поздно было — Яношик испустил дух.

А валашка скрылась в горах. На любимой Яношиком Краловой Голе вонзилась она в дерево, да так и осталась навеки.

А что сталось с горными хлопцами?

Недобрый был их конец. Оставшись без атамана, не смогла вольница противиться панской силе. Переловили хлопцев одного за другим, побросали в тюрьму, и там окончили они дни свои. Многие, как и Яношик, приняли лютую смерть.

Погибли горные хлопцы, но не забыты их имена. С особой любовью хранит народная память имя Яношика.

Помнит народ все места, где он хаживал и жил, помнит все его тропинки, пещеры. А больше всего ходит рассказов о кладах с дукатами, что прятал он в дуплах старых дубов и в расселинах на обрывистых скалах.

До сих пор кое-где в словацких деревнях висят в хатах картинки с изображением горных хлопцев, нарисованных красками по стеклу,— и в зеленых рубахах, белых штанах и широких поясах, с валашкой в руке и ружьем за плечами.

В длинные зимние вечера вспомнит старый газда давно минувшие времена и обязательно начнет рассказ о горных

хлопцах. Он покажет вам на картинке и Суровца, размахивающего валашкой над головой, и Грайногу, перескакивающего через бук и ели, и всех остальных добрых хлопцев, а прежде всего — Яношика. Поведает старик о его силе, о том, сколько он претерпел, как мстил панам за словацкий народ, как преследовали его за то и как погубили.

Тихо в избе, разве только у кого вздох тяжелый сорвется. Жалко всем доброго хлопца.

А убеленный сединами газда махнет рукой и добавит:

— Да воздаст ему бог! Ведь за то пострадал он, что защищал свой народ... Но есть старинное пророчество — верьте ему дети: опять придет Яношик словакам на помощь. И тогда жизнь станет лучше... Уж поскорей бы пришел!

МАСТЕР МАНОЛЕ

Румынская легенда

Было это несколько веков тому назад в стране высоких, поросших лесами гор, зеленых долин и быстрых рек. Господарь Негру-Водэ объезжал свои владения в горах Арджеш. С ним на быстрых конях ехали девять лучших в стране строителей-каменщиков, мастеров и подмастерьев, и мастер Маноле, самый умелый и самый искусный,— десятый. Ехали они долго по горам и долинам, по дорогам и тропкам, пробираясь сквозь чащу, но никак не могли найти то, что искали.

Вдруг навстречу им свинопас со своим стадом. Поздоровались, и господарь, не теряя времени, спросил его:

— Скажи, свинопас, не знаешь, не видел ли ты место, где стояла старая крепость? Если видел, если знаешь, где она была, поезжай тотчас с нами, покажи.

Свинопас задумался, потом ответил:

— Да, господарь, видел я древнюю разрушенную стену крепости, знаю, где она: там, где заросли камыша, там, где цветет ракита, там, где зеленеет орешник.

Господарь обрадовался:

— Раз так, поехали с нами быстрее! Покажи нам ее!

Но свинопас ответил:

— Не могу я ехать, господарь! Как оставлю стадо? Нападут на него волки, и хозяин изобьет меня до смерти!

— Не бойся, свинопас,— успокоил его господарь.— За каждую пропавшую матку с поросятами заплачу тебе пятьсот лей, а за каждого борова — золотой, и будет у тебя вместо одной свиньи две, а вместо двух — девять...

Свинопас согласился, бросил стадо, и снова отправились они в путь: господарь Негру-Водэ, девять мастеров, мастер Маноле — десятый, и свинопас вместе с ними.

Ехали недолго — вот она, старая, разрушенная стена крепости на склоне горы, поросшей густым лесом. Господарь соскочил с коня, обошел стену кругом, осмотрел, а мастер Маноле хлопнул в ладоши и крикнул:

— Господарь! Здесь построим монастырь. Места много — работы еще больше!

И приказал им господарь строить.

Принесли камни, известь. Маноле протянул веревку, отмерил место и принялись за работу. Строят они с раннего утра до позднего вечера, по́том обливаются, по — что за день построят, ночью разрушается! Снова строят, кладут камни, возводят стену, и снова напрасно: утром просыпаются — все разрушено.

Проходит так день, проходит другой, вот уже и целая неделя прошла. Мастера-каменщики работают, а Маноле не работает — думает. Думал он, думал, а когда зашло солнце, не поехал с остальными домой, улегся у стены. И то ли заснул, то ли нет, но приснился ему сон: будто наяву сказал кто-то, что напрасно они будут строить, если не замуруют заживо в стену молодую и прекрасную женщину, жену кого-нибудь из них.

Занялся день. Маноле поднялся, увидел, что стена опять упала. Приехали мастера, снова начали строить, и, пока они работали, Маноле размышлял, а вечером собрал всех и сказал:

— Девять мастеров, я — десятый! Вот для чего я созвал вас: давайте поговорим, давайте посоветуемся... Сами видите: что за день построим, ночью разрушается, и вот приснился мне сегодня сон, что зря будем работать, если не замуруем заживо в стену молодую и прекрасную жену кого-нибудь из нас. Давайте же поклянемся великой клятвой, поклянемся хлебом и солью: чья жена, молодая и прекрасная, придет первая в четверг, пасмурным, туманным утром, чтоб принести нам еду, ту и замуруем. Иначе никогда не построить нам монастырь!

И все десять поклялись, что так и сделают.

Уже стемнело, и девять мастеров отправились домой, а

по дороге сговорились и, как приехали, позвали своих жен и сказали им:

— В четверг, пасмурным, туманным утром, не приносите нам еды — незачем ходить вам так далеко.

А Маноле домой не поехал, лег спать у стены, положив голову на камень, и снова за ночь разрушилась стена.

Утром, проснувшись, Маноле взял листок бумаги, написал письмо и велел слуге отвезти его домой жене, молодой и прекрасной Анне.

Получив письмо и узнав почерк, Анна очень обрадовалась и тут же стала читать. Муж, Маноле, писал: «Милая Анна, дорогая моя жена! Ты помнишь, был у нас белый бычок, он год назад потерялся. Как получишь это письмо, сразу же отправляйся в лес, найди бычка, приведи домой, зарежь, приготовь заму[1] и принеси ее мне в четверг, туманным, пасмурным утром».

Прекрасная Анна сделала, как велел муж. Ранним утром, по росе, отправилась в лес. Долго искала бычка, не могла найти, а тут, глядь, он сам навстречу идет. Поймала его Анна, привела домой, зарезала, приготовила заму, налила в горшок и отправилась в путь.

Еще не совсем рассвело, а она была уже близко. Маноле не работал, стоял на горе, смотрел на дорогу. Разглядев в полутьме Анну и узнав ее, он тяжело вздохнул, и слезы потекли у него по лицу. И взмолился Маноле: «Пусть вырастет на ее дороге кустарник, колючий, непроходимый, и пусть вспыхнет огнем! Увидит она пожар, испугается, споткнется, прольет заму и вернется домой. А пока придет снова, будет уже поздно».

Вырос на дороге кустарник, густой и колючий, вспыхнул пожар. Анна испугалась, споткнулась, выпал горшок у нее из рук, пролилась зама на землю. Пошла Анна обратно. Но, придя домой, налила замы в горшок и поспешила к мужу. Только рассвело — она уже рядом.

Маноле, который все еще стоял на горе и глядел на дорогу, увидел ее, горько вздохнул и снова взмолился: «Пусть выбежит на дорогу бешеная волчица с разинутой пастью, с огненным языком! Увидит ее Анна, испугается, споткнется, выронит еду, вернется домой, а пока соберется обратно, будет поздно».

Выбежала на дорогу бешеная волчица с разинутой па-

---

[1] Зама — молдавское кушанье, мясная похлебка.

стью, с огненным языком — испугалась Анна, выронила еду. Вернулась домой, взяла новую — и бегом обратно.

Маноле увидел ее сверху, слезы ручьем хлынули у него из глаз, и снова взмолился он: «Пусть выползет на дорогу огромная змея с ядовитым жалом! Испугается Анна, споткнется, выронит еду и вернется домой, а пока снова доберется досюда, будет совсем поздно».

И выползла на дорогу огромная змея с ядовитым жалом, преградила Анне дорогу. Но она, видя, что уже поздно, не испугалась, не споткнулась, побежала дальше. Пересекла поле, поднялась на гору — и вот она здесь.

Мастера обрадовались, засмеялись, а Маноле тяжко вздохнул, подошел к жене, молодой и прекрасной Анне, взял ее на руки и поднес к стене. И начали каменщики-строители, мастера и подмастерья, работать. Строили, приговаривая: «Камень и известь, места много, работы еще больше!» Все крепче стена, все толще, все выше — вот уже до пояса Анне, вот до груди... Все выше стена, и все беспокойнее на душе у Анны. Застонала она, запричитала:

— Маноле, Маноле, мастер Маноле, если ты шутишь, шутка это плохая! Или не видишь, что камни сжимают, давят мне грудь, дышать трудно...

Но молчал Маноле, и слезы текли у него по лицу, а мастера продолжали строить, торопились, воздвигали стену, приговаривая: «Камень и известь, места много, работы еще больше!» Все выше стена, и все тише, все глуше голос Анны.

Ночь настала, а мастера строили, и под утро вывели последнюю башню, самую высокую, под самые облака.

А утром, только взошло солнце, мастера не успели спуститься с башни на землю, подъехал господарь Негру-Водэ со свитой, в сопровождении знатных бояр. Они приехали посмотреть, как работают мастера, и, увидев монастырь, увидев стены и башни, изумились: так они были красивы, так они были высоки — солнце остановилось в небе, залюбовавшись на него!

Господарь подъехал поближе, соскочил с коня, обошел монастырь кругом и крикнул мастерам, сидевшим на крыше башни:

— Молодец, Маноле, умелый, искусный ты мастер! Молодцы и вы, девять мастеров-подмастерьев! Все, что я велел, все вы сделали на славу! По-царски отблагодарю вас, но скажите правду, скажите, положа руку на сердце: сможете вы построить другой монастырь еще выше, еще красивее, чем этот?

Маноле молчал, ничего не ответил, остальные девять мастеров сказали хвастливо:

— Господарь! Да стоит нам только захотеть, и мы построим монастырь куда выше и красивее этого!

Услышав такие слова, господарь задумался. А потом приказал разрубить, сломать все лестницы, чтобы мастера никогда не смогли спуститься вниз, никогда не смогли больше строить.

Господарь со свитой и боярами уехал, а мастера остались на крыше. Дул ветер, продувая их насквозь, поливал их дождь, грыз их голод, иссушала жажда. Сидели они, девять строителей-каменщиков, мастеров и подмастерьев, мастер Маноле — десятый, сидели три летних дня, три осенних, а вот уже и зима пришла.

И тогда девять мастеров обратились к десятому:

— Маноле, Маноле, мастер Маноле, скажи, что нам делать? Неужели так и помрем здесь, на крыше?

И дал им Маноле совет, и сделали они, как он посоветовал: взяли доски, обтесали их, соорудили крылья, приладили, привязали к рукам и прыгнули вниз. Упали они на землю и превратились в черные камни.

Остался мастер Маноле на крыше один. Сидел, скорбные мысли терзали его. Просидел пять дней, а на шестой принялся за дело. Взял дранку, обработал ее, соорудил крылья и стал приколачивать железными гвоздями сначала к одной руке, потом к другой, и оттуда, куда вбивал гвоздь, ручьем текла кровь.

Кинулся Маноле вниз и упал у подножия башни, на прекрасную, поросшую зеленым лесом землю, упал и превратился в белый камень, а из-под белого камня забил чистый и прозрачный источник. Но вода в нем была солона, как слезы Анны, молодой и прекрасной жены мастера Маноле.

РОЛАНД, ДОБЛЕСТНЫЙ РЫЦАРЬ

Французская легенда

Император Карл Великий, славный повелитель франков, семь долгих лет воевал с сарацинским царем Марсилием. Карл отобрал у сарацин почти все земли, захваченные ими

в Испании. Лишь столица Марсилия Сарагоса, что стояла на высоком берегу бурной реки Эбро, все еще оставалась под властью сарацинов.

— Мои войска больше не в силах противостоять доблестным франкам,— сказал царь Марсилий.— Дайте совет, о мудрейшие из мавров, как нам избежать позора и смерти.

Ответил мудрец Бланкандрин:

— Царь Марсилий, принеси Карлу клятву в вечной дружбе. В знак своей покорности обещай отречься от нашей веры, приехать в столицу его империи Ахен и там принять христианство. Пошли богатые дары повелителю франков. Карл поверит в твое дружелюбие и уйдет из Испании в свою милую Францию. Когда же он поймет, что обманут, будет слишком поздно.

— Да исполнится все по-твоему,— сказал Марсилий и повелел Бланкандрину отправиться во главе посольства к Карлу Великому.

Меж тем могучий Карл в покоренной им Кордове отдыхал в прекрасном саду. Вокруг него на белых шелковых коврах сидели его храбрые рыцари — цвет милой Франции. И среди них любимый племянник короля — граф Роланд.

Карл сидел под сенью высокой сосны на троне из чистого золота. Его осанка была горда и величественна, на плечи короля спускались кудри, белые, как цветы яблони.

Послы Марсилия предстали перед Карлом, и Бланкандрин обратился к королю франков с коварными речами.

Карл выслушал его речи и отпустил послов, не дав им никакого ответа. А у своих рыцарей король спросил, можно ли верить обещаниям Марсилия.

Сказал граф Роланд:

— Вы не должны, государь, верить маврам! Они жестоки и коварны. А Марсилий, их царь,— презренный лжец. Ведь однажды он уже предлагал нам мир и дружбу. Вот так же прислал послов, и каждый из них держал в руке оливковую ветвь. Вы, государь, послали тогда к маврам двух своих послов с ответом. А богопротивный Марсилий им обоим отрубил головы. Не мириться теперь с ним надо, а взять его столицу Сарагосу и жестоко отомстить за наших послов.

Так сказал Роланд.

Но тут выступил вперед отчим Роланда — граф Гвенелон.

— Великий Карл,— сказал он,— не надлежит тебе слушать советы безумцев. Внемли мудрому совету: коль хочет Марсилий стать твоим покорным вассалом, не отвергай его! Семь лет мы сражаемся. Пора кончать войну.

Все франки согласились с этими словами и порешили единодушно: да будет мир!

— Кого же послать мне в Сарагосу? — спросил Карл.

— Меня! — вызвался Роланд.

— Нет,— возразил граф Оливьер, ближайший друг Роланда, храбрый и рассудительный рыцарь.— Мавры вероломны. А вы, Роланд, отличаетесь пылким нравом и можете навлечь на себя беду. Уж лучше я вместо вас отправлюсь к Марсилию.

— Ни вас, Роланд, ни вас, Оливьер,— никого из двенадцати пэров Франции я не рискну отправить к сарацинам,— сказал Карл.

— Тогда позвольте поехать мне,— сказал архиепископ Турпин.— Я сумею достойно поговорить с ними.

Но Карл в ответ только покачал головой.

Тогда сказал Роланд:

— Пусть едет Гвенелон, мой отчим. Он лучше других сумеет исполнить поручение короля.

Страх обуял Гвенелона: еще никто из франков не возвращался от мавров живым. Со злобой и досадой сказал он пасынку:

— Если король прикажет, я поеду к Марсилию. Но коль позволит судьба мне вернуться от мавров, до самой смерти я не забуду, что ты посылал меня на верную гибель.

— Я охотно отправился бы вместо вас, будь на то соизволенье короля,— возразил Роланд.

— Поедешь ты, Гвенелон! — сказал Карл.— Возьми мою перчатку, мой жезл, как подобает послу, и поезжай.

Принимая жезл и перчатку короля, Гвенелон уронил перчатку на землю.

— О боже! — вскричали франки.— Это дурной знак! Не себе ли на горе мы шлем посла к Марсилию?

— Время покажет,— ответил на это Гвенелон и пустился в путь.

В оливковой роще он нагнал послов Марсилия. Гвенелон вступил в разговор с Бланкандрином и открылся ему, что отныне его заветное желание — погубить своего пасынка Роланда.

*

Царь Марсилий в своем дворце восседал на высоком троне, покрытом драгоценным александрийским шелком. Вокруг него в глубоком почтительном молчании стояли двадцать тысяч мавров.

Бланкандрин сказал:

— Карл Великий не дал нам никакого ответа. Вместо этого он прислал к тебе своего посла, графа Гвенелона, чтобы объявить через него свою волю.

— Говори! — приказал Марсилий послу.

Гвенелон выступил вперед:

— Мой властелин велел сказать, что должен ты, царь, приехать в столицу Карла — Ахен и там отречься от своих богов, а принять истинную веру — христианство. И тогда Великий Карл отдаст тебе во владение половину Испании. А второй половиной станет править Роланд — племянник короля. Такова воля Карла, и тебе надлежит ее исполнить. Если же ты, царь, ослушаешься могучего Карла, он возьмет твою столицу, а тебя предаст позорной казни.

Марсилий сразу воспылал гневом, а царевич Джюрфалей воскликнул:

— О государь, позволь мне наказать надменного франка! За свои дерзкие речи он достоин немедленной казни.

Услышав эти слова, Гвенелон обнажил свой меч с золотой рукоятью.

Бланкандрин шепнул Марсилию:

— Останови кровопролитье, царь! Граф Гвенелон хочет оказать нам услугу.

Бланкандрин взял Гвенелона за руку и подвел его к трону.

— Дивлюсь я Карлу,— проговорил царь Марсилий.— Ведь он очень стар, говорят, ему уже за двести лет. Он завоевал много стран и низверг их властителей. Немало страшных ударов принял на себя его щит, и немало булатных копий пронзило его тело. Когда же Карл устанет воевать?

— Не раньше, чем погибнет Роланд! — ответил Гвенелон.— Ни Запад, ни Восток еще не знавали такого отважного рыцаря. Покуда жив Роланд, никто не сможет победить Карла. Покуда жив Роланд, Карл будет вести войну.

— Любезный друг, граф Гвенелон, не знаешь ли ты средства погубить Роланда? — спросил Марсилий.— Может быть, мне нужно собрать побольше войска?

— Нет, Карл разобьет любое войско,— ответил Гвенелон.— Лучше сделай так, как я тебе скажу. Пошли Карлу обещанные подарки и притворись покорным ему во всем. Тогда Карл уйдет в милую Францию. А я подстрою так, что в арьергарде он оставит Роланда с малым войском. Вот то-

гда ты нападешь на франков с большой ратью, тогда Роланд неминуемо должен погибнуть.

Так сказал изменник!

За свою злодейскую измену Гвенелон получил богатые подарки и, как ни в чем не бывало, вернулся к франкам. Он привез Карлу ключи от Сарагосы, дары Марсилия и его клятвенные заверения в верности.

— Хвала творцу! — воскликнул Карл.— Конец жестокой и долгой войне! Ты, Гвенелон, получишь от меня награду.

И Карл двинул свои войска к границам милой Франции.

*

Французы шли ущельями среди высоких и мрачных гор.

Вот перед ними открылась широкая Ронсевальская долина. А дальше — снова горы, снова ущелья.

Король сказал:

— Высоки вокруг горы, темны узкие ущелья. Может быть, они таят опасность? Нужно оставить в Ронсевале двадцать тысяч человек на страже, чтобы остальное войско могло идти без опаски. Но кого же оставить в арьергарде?

— Роланда! — сразу же воскликнул Гвенелон.— Он самый храбрый рыцарь, пусть он останется прикрывать отход наших войск.

— Я остаюсь! — с готовностью отозвался Роланд.— Иди спокойно, Карл. Покуда я жив, тебе ничто не будет угрожать.

Двенадцать пэров Франции остались в Ронсевале, а с ними двадцать тысяч войска.

О горе! Не знают франки, что Марсилий собирает против них большое войско и уже набрал четыреста тысяч храбрецов.

Сарацины надели на себя тройные доспехи, взяли в руки крепкие щиты. Шлемы на них сарагосской работы, булатные мечи остры и надежны.

Вскочили сарацины на коней и помчались к Ронсевалю. Трубные звуки их рогов доносились до арьергарда франков.

Граф Оливьер поднялся на холм и увидел оттуда несметные полки неверных.

— Не миновать нам жестокого боя! — воскликнул он.

— И слава богу! — отозвался Роланд.— Для нас большая честь и радость сразиться за нашего короля. Не станем жалеть своей крови, будем биться отважно.

Сказал Оливьер:

— На нас движется не менее ста тысяч язычников! Роланд, товарищ милый, возьмите свой заветный рог Олифант, трубите громче — услышит Карл и вернется сюда со своим войском.

— Нет, ни за что! — ответил ему Роланд.— Не рог Олифант, а меч Дюрандаль возьму я в руки. На горе себе пришли сюда сарацины: все они погибнут от ударов наших мечей.

— Роланд, трубите в рог! — заклинает друга Оливьер.— Карл поспешит нам на помощь.

— Нет! Это покрыло бы позором меня, мой род и милую Францию.

— Трубите в рог, Роланд! Еще не поздно. Карл вернется и поможет нам одолеть мавров. Иначе мы все тут погибнем: слишком неравны наши силы.

Но Роланд был непреклонен:

— Уж лучше смерть, чем срам! Своей чести я не запятнаю. И если погибну, тот, кому достанется мой Дюрандаль, скажет, что этим мечом владел верный и доблестный вассал.

Роланд надел боевые доспехи, взял в руку острое копье и вскочил на своего скакуна Вельянтифа.

За ним и остальные воины надели доспехи, сели на коней и приготовились к бою. Архиепископ Турпин благословил франков, и они помчались навстречу сарацинам, которые приближались, как темная грозовая туча.

Полки сошлись.

Жестокие удары разят и сарацин, и французов. Поломаны острые копья, разорваны в клочья боевые знамена.

Роланд и Оливьер бьются с несметными полчищами врагов. Не отстает от них и отважный архиепископ Турпин.

Бесстрашно сражаются франки, но их ряды тают. Много смелых полегло на землю, никогда уж не увидеть им ни жен своих, ни матерей, ни милой Франции.

Но и сарацин погублено без счета.

Тогда Марсилий бросил в битву новые полки. И снова вступили в сражение бесстрашные франки, сея вокруг себя смятенье и смерть. И снова в самом пекле боя — доблестный Роланд.

Видит Роланд, что французов осталось всего шестьдесят человек.

— О горе! — вскричал он.— Сегодня Франция, милая родина, лишилась лучших своих рыцарей. Нельзя допустить, чтобы победа досталась проклятым язычникам. Друг

Оливьер, я стану трубить в свой рог. Карл Великий услышит его и придет к нам на подмогу.

— Теперь поздно трубить в рог,— возразил Оливьер.— Я вас просил об этом раньше, но вы не пожелали меня слушать. Дорого обойдется нам ваша, Роланд, непомерная гордыня. Ведь безрассудство и отвага — это не одно и то же. Если бы вы послушались моего совета, Карл был бы уже здесь и нашею была бы победа. А теперь, когда погибло столько франков, звать на помощь Карла было бы позорно.

Сказал Турпин:

— Сейчас не время спорить. Карл далеко, ему не поспеть к нам на помощь. И все же трубите в рог, граф Роланд. Карл вернется и, по крайней мере, отомстит за нас неверным.

Взял Роланд свой заветный рог Олифант и затрубил в него с такой силой, что на губах у него выступила кровь.

Могучие звуки перелетели через горные вершины, и Карл услышал тревожный зов Олифанта.

— Должно быть, наши дерутся в Ронсевале,— сказал король.— Роланд трубит в свой рог, он зовет меня на помощь.

— Нет, вовсе не о битве вещают звуки рога,— отозвался изменник Гвенелон.— Наверное, Роланд затеял там охоту и, трубя, гоняется за зайцами. Не останавливайтесь, государь, прошу вас. Путь до Франции далек, не станем попусту терять время.

Но снова и снова слышат франки тревожные призывные звуки Олифанта.

Тогда всем стало ясно, что граф Роланд в беде. И что виной тому изменник Гвенелон.

Не медля ни минуты, Карл повернул свои войска и двинул их к Ронсевалю.

А Гвенелона король приказал держать под стражей, покуда не придет день суда над изменником.

Вершины окрестных гор высоки и грозны, в темных, глубоких ущельях бурлят стремительные потоки.

Франки идут без отдыха, они спешат в Испанию, на выручку Роланду.

Меж тем Роланд ведет в бой оставшуюся горстку воинов. Никто из них не ждет себе спасения и не просит пощады.

В яростной битве Роланд схватился с самим царем Марсилием и отсек ему руку. А царевича Джюрфалея Роланд поразил насмерть своим булатным мечом.

Граф Оливьер смертельно ранен. Из последних сил на-

носит он жестокие удары, рубит сарацин без жалости и тела их бросает грудою одно на другое.

Но вот Оливьер подозвал к себе Роланда:

— Прощайте, мой милый друг! Прощайте, Роланд! Уже близка моя кончина.

Умер Оливьер, а Роланд, склонившись над его телом, от горести лишился чувств. Когда он очнулся, то увидел, что при нем осталось всего лишь два воина: Турпин и Готье де л'Ом. Но вот погиб Готье, верный вассал и храбрый рыцарь.

А у Турпина щит разбит, шлем расколот, на голове зияет рана. Кольчуга его пробита — четыре дротика вонзились Турпину в грудь. Скакун под ним убит...

Сказал Роланд:

— Сеньор, вы пеши, я на коне. Но мы должны делить и радость и горе. Я вас не брошу, будем биться рядом.

Ответил Турпин:

— Я не перестану сражаться, пока во мне теплится хоть искра жизни.

И они вместе стали наносить врагам тысячи ударов.

Но вот и под Роландом пал конь, пал ретивый Вельянтиф.

А бой все кипит, франки — два бесстрашных воина — стоят насмерть!

Наконец сарацины обратились в бегство.

Тогда Роланд пошел по полю битвы искать тела своих погибших друзей, пэров Франции. Он их нашел и положил у ног умирающего архиепископа. Вскоре Турпин умер.

Почувствовал Роланд, что и его конец близок.

Меж тем один мавр уже давно следил за Роландом. Он, лежа среди трупов, притворился мертвым. Когда он понял, что Роланд совсем ослабел, то бросился вперед и выхватил заветный меч Дюрандаль из рук умирающего героя.

— Презренный нехристь! — вскричал Роланд, и от гнева к нему вернулись силы.— Как посмел ты коснуться моего славного меча!

Он схватил свой заветный рог, свой Олифант, и ударил им сарацина по золотому шлему. Рухнул сраженный мавр, а Олифант раскололся посредине, и драгоценные камни, которыми он был изукрашен, посыпались на землю.

Взял Роланд в руки свой меч и так сказал:

— Мой верный меч, мой прекрасный Дюрандаль! Во всех боях мы с тобою побеждали врагов и завоевали для Карла Великого немало царств. Второго такого меча нет во всей

Франции. Ты служил храброму рыцарю. Теперь приходится нам с тобой расстаться. Но я не хочу, чтобы после моей смерти ты попал в недостойные руки.

Роланд сплеча ударил мечом по большому крепкому камню. Но булатный клинок не сломался, не зазубрился — лишь зазвенел и отскочил от камня.

Еще раз ударил Роланд, и еще... Полетели на траву куски гранита, а Дюрандаль остался невредим!

Понял тогда Роланд, что не под силу ему сломать свой меч, и стал он горевать над ним:

— Как ты красив, мой Дюрандаль! Как ты хорош, мой булатный меч! Как сверкаешь ты в лучах солнца! Не должен ты, мой меч, достаться язычникам!

Роланд крепко прижал к груди верный меч Дюрандаль и заветный рог Олифант, лег на траву и приготовился к смерти. Он лег лицом к Испании: пусть знают все, что доблестный рыцарь Роланд погиб непобежденным!

*

В скором времени великий Карл достиг Ронсеваля. Пришел — и видит: долина, горы и ущелья сплошь покрыты телами погибших сарацин и франков.

Воскликнул Карл:

— О где же ты, мой племянник Роланд? Где бесстрашный Турпин? Где отважный Оливьер? Где все двенадцать пэров?

Увы, никто не отозвался на призыв короля.

В великой горести Карл рвет свою седую бороду. Рыдает император, с ним вместе рыдают все его воины. Многие из них замертво пали на землю, так велика была их печаль.

— Сегодня погиб цвет милой Франции,— сказал Карл.— Мы должны отомстить неверным!

Тут все увидели, что вдали клубится пыль: то в страхе убегали язычники.

Карл бросился в погоню, но не успел он их настичь, как начала спускаться ночь.

Властитель франков сошел с коня, простерся ниц на земле и стал молить бога продлить день.

И свершилось великое чудо: солнце в небе остановилось, снова засиял день!

Воины Карла настигли полчища мавров и, избивая их, погнали к Сарагосе. Те сарацины, что не были убиты в сражении, в страхе бросились в волны Эбро и все до единого утонули в бурной реке.

Лишь тогда закатилось солнце и наступила ночь.

Узнав о поражении, царь Марсилий горько зарыдал и умер с горя.

И тогда Карл без помехи вошел в Сарагосу.

Карл оставил в Сарагосе тысячу своих воинов, а с остальными отправился в милую Францию. Он взял с собой тела Роланда, Оливьера и Турпина. С великими почестями героев схоронили в родной земле.

Вот приезжает Великий Карл в свою столицу Ахен.

Красавица Альда, сестра Оливьера, вышла встречать франков.

— А где Роланд? — спросила Альда.— Где мой милый жених Роланд?

— Роланд погиб,— рыдая, ответил ей Карл.— Тебе в супруги я дам моего сына и наследника.

Сказала Альда:

— Как странно ты говоришь, король! Может ли статься, что я переживу Роланда?

Альда побледнела, упала к ногам короля и умерла. Все горевали о ее кончине.

А изменника Гвенелона казнили позорной казнью: он был разорван лошадьми. Да будет кара всегда сопутствовать измене!

ПЕРСЕВАЛЬ, ИЛИ РАССКАЗ О ГРААЛЕ

Кельтская легенда

До сих пор на побережье Англии сохранились развалины замка Кардуэлл, в котором, по преданию, много веков назад жил со своими рыцарями король Артур. Удивительными и бесстрашными подвигами прославили рыцари двор Артура. Кто не слышал о славном Ланселоте, рыцаре Тележки, о храбром Кее, о мудром волшебнике Мерлине?

Когда двор короля Артура достиг зенита своей славы, в замке, стоявшем в глуши уэльских лесов, родился мальчик. Мать решила во что бы то ни стало уберечь последнего сына от судьбы, постигшей двух ее старших сыновей — оба они

погибли на рыцарских поединках,— и делала все, чтобы ни один отголосок внешнего мира не проникал в ее уединение. Мальчик почти не выходил из замка. Он не знал, что за мир начинается за уэльским лесом; не знал он, что на свете есть войны, что мужчины носят рыцарские доспехи и убивают друг друга на турнирах. Не знал он даже своего имени. И вот однажды, когда деревья в рощах покрылись молодыми листочками, а поля — первой травой, этот мальчик, превратившийся к тому времени в красивого юношу, решил прогуляться по лесу. Он ехал, наслаждаясь пением птиц и любуясь первыми цветами, как вдруг дорогу ему пересекла группа всадников. Юноша еще ни разу в своей жизни не видел рыцарей и решил, что это какие-то сверхъестественные существа — так поразили его их доспехи, парадные кони, сверкающие копья.

— Кто вы такие, таинственные незнакомцы? Бог или дьявол послал вас сюда?

— Мы — рыцари короля Артура из Кардуэлла,— ответил ему один из всадников.

Кавалькада скрылась в чаще леса. Не в силах сопротивляться охватившему его желанию, юноша поспешил домой. «Во что бы то ни стало я должен стать рыцарем! Как смéла мать скрывать от меня истинное назначение мужчины!» — думал молодой уэльсец, собираясь в дорогу. С рыданиями упрашивала его мать не покидать ее, но он даже не оглянулся на стены своего родного замка.

Три дня и три ночи ехал юноша через глухой уэльский лес, спрашивая дорогу у прохожих дровосеков. И наконец впереди зашумело море и показались стены желанного Кардуэлла.

Вдруг юноша увидел, что навстречу ему скачет рыцарь,— видно, он только что покинул замок.

Когда рыцарь поравнялся с юношей, последний не мог сдержать восхищения: это был настоящий великан в огненно-красных доспехах.

Юноша поспешил в замок. В большом зале за круглым столом сидели рыцари. За круглым столом, как известно, все места одинаковы, и поэтому среди рыцарей не было ни старших, ни младших. «Кто же из них король?» — подумал уэльсец. Но, как он ни присматривался к сидевшим, не мог распознать среди них короля. Тогда он обратился к одному из рыцарей, меч которого покоился в голубых ножнах:

— Достойный рыцарь, не скажете ли вы мне, кто здесь король Артур?

Рыцарь указал ему на короля, сидевшего в глубокой печали. Юноша поклонился.

— Входите,— приветствовал его король,— отдайте вашего коня слугам и будьте нашим гостем. Не встретили ли вы рыцаря в алых доспехах? Он только что был здесь и грубо оскорбил нас. Он выплеснул кубок вина на платье королевы.

— Да, я видел его,— ответил юноша.—Мне очень понравились его доспехи.

— Ха-ха-ха! — расхохотался рыцарь Кей, известный не только своим бесстрашием, но и злым языком.— Так что же ты не отнял их у него, храбрец!

Услышав эти слова, юноша подумал: «Хорошо же, я докажу вам всем, что не только Кей может быть рыцарем Артура!» Он поспешно вскочил на коня, которого слуги не успели даже покормить, и бросился вдогонку за Алым рыцарем. Как стрела несся его конь по дороге, пока не засверкали вдалеке красные латы великана.

— Остановись! — крикнул юноша.— Ты оскорбил двор Артура! Я вызываю тебя на поединок!

Увидев, что его преследует невооруженный всадник, Алый рыцарь размахнулся и на скаку проткнул своим копьем плечо юноши. Юноша зашатался в седле, но не потерял присутствия духа: здоровой рукой он схватил дротик — единственное, что у него было,— и метнул его в глаз великана. Алый рыцарь тотчас испустил дух. Юный уэльсец облачился в его доспехи, а коня и золотой кубок послал вместе со слугою убитого во дворец королю Артуру.

Так начал юноша из Уэльса свою ратную жизнь. К вечеру этого же дня он добрался до замка, на крепостной стене которого стоял пожилой человек с благородным и храбрым лицом. Он пригласил юношу провести ночь под его кровом, а когда узнал, что тот только начинает свой рыцарский путь, предложил обучить его всем законам рыцарства. Горнемант — так звали хозяина замка — научил нашего героя носить доспехи, обращаться с мечом и копьем, а также преподал ему две важнейших рыцарских заповеди: всегда дарить жизнь побежденным и никогда ни о чем не спрашивать.

— Помни, — напутствовал юношу Горнемант,— рыцарь не должен задавать вопросов.

Юноша провел у Горнеманта несколько дней, а потом поехал дальше. Он встречал по дороге рыцарей, со многими вступал в поединки и, победив, не убивал их, а посылал королю Артуру. Слава о нем облетела все королевство. Но чем

дальше странствовал он, тем больше томила его тоска. Его мучили воспоминания об оставленной матери. Он решил во что бы то ни стало повидать ее, но словно какой-то рок препятствовал ему в этом.

Однажды ночь застигла его в лесу. Глубоко задумавшись, он ехал по узкой лесной тропе, как вдруг, словно по волшебству, перед ним появилось широкое и спокойное озеро. Посредине его на плоту двое мужчин ловили рыбу. Юноша попросил их перевезти его на другой берег. Когда они узнали, что он ищет ночлег, один из них пригласил его к себе. Они подплыли к неприступной скале, которая неожиданно раздалась, открыв широкий и светлый проход. Проплыв по этому проходу, они добрались до дворца, такого прекрасного, что рыцарь онемел от изумления. Его ввели в покои, где на золотой кровати лежал старый человек, страдающий неизлечимым недугом. Он позвонил в колокольчик, и им принесли ужин, также поразивший юношу своим великолепием. Арабские вина, испанские фрукты, сосуды из далеких южных стран — все это удивило молодого человека, но он твердо помнил, что главнейшая заповедь рыцаря — не задавать вопросов. Так они ели и беседовали, как вдруг отворилась боковая дверь, и оттуда вышла странная процессия: двое юношей несли по светильнику, третий нес чашу и копье, с которого по капле стекала кровь. Чаша сверкала так, что свет светильников померк, как меркнут звезды и луна при появлении солнца. Процессию замыкали две девушки, несшие серебряный полог. Несколько раз из одной двери в другую проходила эта странная процессия, но юноша, хоть и сгорал от любопытства, не спросил у хозяина, что это значит, ибо твердо помнил наказ Горнеманта — не задавать вопросов.

Его положили спать на белоснежной постели, и он заснул спокойным сном. А когда проснулся, то увидел, что в комнате никого нет. Он прошел через весь замок и никого не встретил. Во дворе стоял оседланный конь, и подъемный мостик через ров был опущен. Юноша проехал по нему и как только ступил на берег, мост сам собой поднялся. И когда он, отъехав от замка, оглянулся — замка уже не было. Под деревом он увидел девушку с распущенными волосами.

— Как твое имя? — спросила она.

— Персеваль,— помимо своей воли ответил рыцарь, который до этого момента не знал своего имени. Тогда он понял, что эта девушка — колдунья.

— Ты избран судьбой, — сказала девушка.— Ты был сей-

час в гостях у короля Рыболова. Давным-давно его ранили в бою, и рана его неизлечима. Но если бы ты спросил его, что означает чаша и копье, старый король избавился бы от своих страданий!

— Но мой наставник Горнемант учил меня не задавать вопросов!

— Для тебя наступило время, когда нужно слушаться другого наставника — свое сердце,— сказала девушка.— Почему, почему ты не задал вопроса!

Не успел Персеваль ответить ей, как она исчезла. В смущении и тоске отправился Персеваль дальше. Он странствовал долгих пять лет, совершил много подвигов, но, как ни старался, не мог еще раз проникнуть в замок короля Рыболова.

Однажды вместе со своими рыцарями король Артур отправился на охоту. Было самое начало зимы, и первый легкий снег лишь слегка припорошил землю. Персеваль проезжал неподалеку от того места, где со своей свитой расположился король Артур. Уж очень давно Персеваль думал лишь об одном: почему не является ему опять волшебный замок? Что нужно сделать для того, чтобы снова попасть туда? Он перестал заботиться о себе, забыл о рыцарских упражнениях, ночевал в лесу в шалаше или прямо на земле. Многие думали, что он помешался. Не замечая ничего вокруг, ехал Персеваль по лесу этим зимним утром. Но вдруг, подняв голову, он увидел в небе стаю диких гусей. Один из них был ранен и заметно отставал от остальных. Он летел все ближе к земле, казалось, он вот-вот упадет. Персеваль поспешил к нему, но гусь, взмахнув крыльями, рванулся вверх, уронив на снег три капли крови. Увидев кровь на белом снегу, Персеваль вдруг потерял сознание. Он впал в забытье. Слуги короля нашли его, замерзающего на снегу, и привели в шатер короля Артура.

— Что с тобой, о достойнейший рыцарь? — спросил его король.— Почему ты, прославив свое имя на все королевство, теперь скрываешься от людей? Останься с нами, развей свою тоску в веселых пирах и турнирах.

— Нет, достойный король,— ответил Персеваль,— я видел замок короля Рыболова и волшебный сосуд. Я должен вернуться туда еще раз. Разреши мне странствовать дальше.

Король не задерживал его. Прошли еще долгие годы. Как-то раз Персеваль встретил в лесу старика, который сказал ему:

— Чаша, которую ты видел,— это святой Грааль, и тай-

на ее открывается лишь тому, кто хранит ее. Рыцари — хранители Грааля невидимы для мира, у них нет земных имен, но, когда где-нибудь совершается несправедливость, они приходят на помощь. Никто не должен спрашивать их, откуда они пришли. Если рыцарь Грааля откроет свое настоящее имя человеку, он умирает. Король Рыболов неизлечимо болен. Он хочет передать сосуд другому рыцарю, и он выбрал тебя. Ты снова увидишь Грааль.

Слова отшельника сбылись. Персеваль снова увидел Грааль.

— Что это значит? — спросил он у больного короля.

И как только прозвучал этот вопрос, страдания, много лет мучавшие старого хранителя Грааля, отпустили его, и он спокойно скончался на руках Персеваля. Так Персеваль стал хранителем Грааля. Он не совершал больше ратных подвигов, но, когда на земле готовилась несправедливость, являлся неизвестный рыцарь и карал виновного. Это был Персеваль.

СКАЗАНИЕ О РОБИН ГУДЕ

Английская легенда

О смелом парне будет речь.
Он звался Робин Гуд.
Недаром память смельчака
В народе берегут[1].

Было это в давние-давние дни. Правил тогда Англией король Ричард I, прозванный Львиное Сердце.

Однажды море вскипело, забурлило и прибило к берегам чужеземные корабли. Их было много, очень много. А на них враги с мечами и копьями. Они захватили все земли. Непокорных убивали и жгли их дома. А покорившихся делали рабами, на шею им надевали железный ошейник с вырезанным на нем словом «раб».

Да, тяжко приходилось простому люду: он терпел притеснения и от чужеземцев, и от своих баронов и шерифов — наместников короля. А как грабили крестьян монахи!

У Робин Гуда тоже отняли землю, сожгли его дом. И то-

[1] Стихи приводятся в переводе И. Ивановского.

гда он собрал сотню молодцов, таких же бедняков, как он сам, и увел их в Шервудский лес. И там:

Бродили вольные стрелки
У всех лесных дорог.
Проедет по лесу богач —
Отнимут кошелек.
Но тех, кто сеял и пахал,
Не трогал Робин Гуд:
Кто знает долю бедняка,
Не грабит бедный люд.

А богачи, шерифы и монахи дрожали при одном имени Робин Гуда. Да, он стрелял без промаха! И так владел мечом, что редкий осмеливался с ним потягаться!

Но особенно не терпел Робин Гуд монахов. Он ненавидел их притворство. Ведь только и слышишь, что пекутся они о нас, грешниках, а сами в то же время обирают так, что последнюю рубаху готовы снять!

Слава Робин Гуда росла. Крестьяне шепотом передавали друг другу вести о смелом их защитнике. И все больше и больше людей приходило к Робин Гуду в его отряд.

Однажды весенним утром Робин Гуд встретил в лесу незнакомца. О! То был настоящий великан: огромного роста, широкоплечий. В руках он держал толстую палку.

Робин столкнулся с ним на узком мостике через речку.

— Посторонись! — воскликнул гордый Робин Гуд.— Я еще никому не уступал дороги.

Но незнакомец не двинулся с места.

— Ты трус! — спокойно отвечал он.— Ты вооружен мечом и луком, а у меня только палка!

— Хорошо,— сказал Робин Гуд,— я могу прогнать тебя с дороги и палкой.

С этими словами он сошел на берег, бросил на землю лук и меч и, сломив с дерева большой крепкий сук, вернулся на мостик.

— Будем драться, пока кто-нибудь из нас не упадет в воду! — предложил он.

— Согласен,— улыбнулся верзила.

Они долго дрались, и наконец Робин Гуд нанес своему противнику такой отчаянный удар, что тот пошатнулся и еле-еле устоял на ногах. Но в следующий миг незнакомец с такой силой ударил Робина, что у того кровь брызнула из плеча. Он покачнулся и упал с моста в реку.

К счастью, Робин Гуд был отличный пловец. Несмотря на рану, он выплыл и вышел на берег.

— Люблю храбрых парней! Будем друзьями! — Робин

Гуд улыбнулся и протянул своему противнику руку.— Скажи, как твое имя и куда ты идешь?

— Меня зовут Джон,— сказал верзила.— Враги разорили мой дом, убили отца, угнали братьев. Я спасся чудом и теперь ищу Робин Гуда. Хочу вступить в его дружину.

— Ты нашел, кого искал. Я — Робин Гуд!

Джон раскрыл рот от изумления, а Робин Гуд вынул охотничий рог и трижды в него протрубил. К великому удивлению Джона, очень скоро на поляне появились люди в зеленых плащах — товарищи Робин Гуда.

— Ты ранен! — с тревогой воскликнул Вилл Стетли, друг Робин Гуда.

Стрелки хотели броситься на Джона, но Робин остановил их.

— Пустяки,— смеясь сказал он.— Этот малыш слегка меня поцарапал. Он хочет быть нашим товарищем. Примем его? Он стоящий парень!

— Примем и назовем Малютка Джон,— предложил Вилл Стетли.

Стрелки согласились, и с тех пор не было у Робин Гуда товарища верней, чем Малютка Джон.

Однажды Джон прибежал к Робин Гуду с известием, что к лесу приближается епископ Герфорд с большой свитой. Робин Гуд вскочил на ноги, глаза его блеснули.

— Что же, пригласим святого отца на обед! — весело воскликнул он.— Ребята, приготовиться!

Епископ Герфорд ехал в отличном настроении: монахи только что собрали налоги с крестьян окрестных деревень и епископу досталась немалая доля. Слуги его везли награбленное добро, за ними следовала вооруженная охрана.

Выехав на лесную поляну, епископ вдруг увидел большой костер, над которым жарился олень. Вокруг костра сидели люди в одежде пастухов, они весело смеялись, шутили и, как видно, готовились попировать. Пришпорив коня, епископ подъехал к костру.

— Как смели вы убить оленя в королевском лесу! — грозно воскликнул он.

— Простите нас, святой отец,— сказал один из пастухов, вставая и низко кланяясь.— Мы круглый год, от темна до темна, пасем господских овец, а нынче у нас праздник. Хотим поесть досыта, а после поплясать.

— Негодяй! — зло воскликнул епископ.— Кто убьет оленя в королевском лесу, тому петля! Я прикажу вас всех заковать в кандалы и отправить к королю!

— Пощади нас, святой отец! — взмолился пастух.

— Нет вам пощады! Взять его! — приказал епископ.

Но пастух вдруг засмеялся и сильной рукой схватил под уздцы лошадь епископа. Сидевшие у костра вскочили и окружили свиту епископа, а из кустов выбежали еще полсотни молодцов, и в несколько минут вся свита епископа была обезоружена и связана.

Поняв, что перед ним Робин Гуд, епископ задрожал от страха.

— Пощади! Пощади! — заохал он.

— Вам ли говорить о пощаде, ваша честь! — улыбнулся Робин Гуд.— Мы не собираемся вас вешать. Нет! Вам только придется пообедать с нами, попеть и поплясать!

И Робин Гуд сдержал слово. У себя в лагере он устроил веселый обед, усадил епископа за стол и, видя, как поп то краснеет, то бледнеет от страха, смеясь, подливал ему вина.

— А не кажется ли вам, святой отец, что за обед надо заплатить? — сказаал Робин Гуд, когда обед кончился.

— У меня нет ни гроша,— затряс головой епископ.

Но тут подошел Малютка Джон, расстелил на земле свой плащ и сказал:

— А ну посмотрим, так ли уж беден святой отец!

Под общий смех из карманов епископа посыпался целый дождь золотых монет. Малютка Джон сгреб их и пересчитал.

— Пятьсот золотых! — объявил он.— Вот это бедняк!

Робин Гуд приказал все награбленное добро вернуть крестьянам, а епископа посадил на лошадь задом наперед и дал ему в руки вместо поводьев конский хвост.

— Держись крепче, святой отец! — крикнул Малютка Джон, стегнув лошадь.

— Да скачи быстрей, пока я не передумал! — прибавил грозно Робин Гуд.

Узнав о злоключениях епископа, шериф ноттингемский был вне себя от гнева.

Епископ ездил к королю жаловаться, и король, призвав шерифа, приказал ему немедленно поймать Робин Гуда и живым доставить во дворец.

И тогда шериф пустился на хитрость. По всем дорогам в городах и селах герольды[1] сообщили, что шериф ноттингемский устраивает состязание в стрельбе. Наградой победителю будет серебряная стрела с золотым наконечником.

[1] Геро́льд — вестник, глашатай.

«Важно заманить Робин Гуда в город, а узнать его,— думал шериф,— будет нетрудно: ведь он самый меткий стрелок во всей округе и, конечно, выиграет приз».

Узнав о состязании, Робин Гуд немедленно стал собираться.

Друзья отговаривали его, понимая, как это опасно. Но Робин Гуд только посмеивался.

— Не трусь, Малютка,— сказал он, хлопнув Джона по плечу,— не так-то просто меня поймать!

На другой день он один ушел в Ноттингем. По дороге ему встретился торговец мясом, который вез полную тележку бараньих туш на рынок.

— Привет, хозяин, — сказал Робин Гуд, подходя к нему. — Продай мне свой товар вместе с тележкой и конем.

— Да ты шутник, я вижу! — рассердился мясник.— Посторонись с дороги! Я тороплюсь!

— Я не шучу! Назначай цену! — Робин Гуд вынул и подбросил в руке тяжелый кошелек.

Мясник придержал лошадь и с удивлением оглядел странного незнакомца. Он назвал цену втрое бóльшую, чем стоит его товар.

— Согласен! — воскликнул Робин Гуд. Он отсчитал деньги, уселся в тележку и стегнул лошадь.— Прощай, хозяин! — крикнул он.— Посмотрим, кто из нас удачливей!

Приехав в Ноттингем, Робин Гуд остановился перед домом шерифа, который стоял в центре города и окна его выходили прямо на рыночную площадь. Продавать мясо Робин Гуд стал в пять раз дешевле, чем все остальные мясники. Над ним посмеивались.

— Смешно смотреть на этого молодца,— говорили торговцы.— Наверное, решил пустить на ветер имение отца.

А вокруг тележки Робина собралась толпа — каждый спешил купить мясо подешевле.

Шериф пригласил богатого торговца к себе отобедать. За столом у шерифа только и было разговору, что о завтрашнем состязании и о Робин Гуде. Шериф был в отличном настроении. Он расспрашивал своего гостя-мясника, богат ли он, сколько у него земли и скота.

— Я очень богат,— отвечал Робин Гуд,— мои стада пасутся повсюду, и земель у меня много, да вот беда: разбойник Робин Гуд не дает покоя!

— Завтра он будет пойман и казнен! — воскликнул шериф.— Я знаю: он не устоит и явится на состязание стрел-

ков. А я приказал окружить город войсками, закрыть все дороги и никого не выпускать из города.

Сидевший рядом с шерифом рыцарь Гай Гисборн покачал головой:

— На вашем месте, шериф, я бы не очень надеялся на завтрашнее состязание,— сказал он.— Я думаю, что слухи о смелости Робин Гуда сильно преувеличены, и он никогда не решится явиться сюда. Гораздо верней было бы послать солдат прочесать лес и уничтожить всю шайку Робин Гуда. Я охотно бы возглавил этот отряд.

— Ваша честь,— обратился к шерифу мнимый торговец мясом,— мне так хотелось бы посмотреть, как вы поймаете Робин Гуда, нельзя ли и мне остаться на праздник?

— Конечно! — воскликнул шериф.— Будьте моим гостем!

На другой день огромная толпа народа окружила просторное стрельбище. Двести стрелков, позванивая тетивами луков, ждали начала состязания.

Шериф, его жена и знатные гости взошли на помост, украшенный лентами.

Шериф подал знак, и состязание началось. Сначала была поставлена круглая мишень за двести ярдов от черты. Потом ее отодвинули еще на сотню ярдов. И наконец, к третьему туру слуги принесли охапку прямых, очищенных от коры ивовых прутьев и воткнули три прута в землю на расстоянии трехсот ярдов от черты. Шериф и его стража зорко всматривались в толпу стрелков. Кто стрелял лучше, кто хуже, некоторым удалось сбить по одному пруту, другие только оцарапали их, но никто не смог попасть три раза кряду и сбить все три прута.

— Напрасная затея,— мрачно сказал Гай Гисборн, обращаясь к шерифу.— Я предсказывал, что разбойник не явится сюда.

Шериф был в растерянности: хитрость его явно не удалась.

Вдруг его гость-мясник встал и подошел к нему.

— Ваша честь, позвольте и мне выстрелить, авось мне улыбнется счастье! — сказал он.

Шериф кивнул и велел подать ему лук и стрелы.

Мясник вышел к черте и прицелился. Толпа замерла. Три стрелы, одна за другой, слетели с его лука, и три прута упали как срезанные.

Громкие ликующие крики толпы приветствовали победителя. И ему была вручена награда — серебряная стрела с золотым наконечником.

Вечером мнимый мясник устроил пир в доме шерифа в ознаменование своей победы. Он сидел на почетном месте, рядом с шерифом и его женой. Выбрав удобный момент, мясник предложил помочь шерифу поймать Робин Гуда.

— Я выследил разбойника и покажу вам, где он скрывается. Дайте мне несколько человек надежных солдат, и мы схватим его живым.

— Нет,— сказал шериф,— я сам хочу его поймать и поеду вместе с вами!

Наутро отряд во главе с шерифом уже мчался по дороге к лесу. Мясник ехал на своей тележке, указывая дорогу.

Люди Робин Гуда, с тревогой ожидавшие возвращения своего предводителя, давно уже следили за дорогой. Они еще издали увидели отряд шерифа и были наготове. Как только всадники углубились в лес, мясник вынул рог и трижды в него протрубил. И в ту же минуту со всех сторон появились стрелки в зеленых плащах, некоторые спрыгнули с деревьев прямо на плечи солдат. После короткой схватки шериф и его солдаты были взяты в плен.

— Ну что ж, шериф,— улыбнулся Робин Гуд,— ты хотел заманить меня к себе, но попался сам!

Шериф был вне себя от бессильной злобы. Подумать только: Робин Гуд, тот самый Робин Гуд, которого он так жаждал поймать, сидел с ним за одним столом, спокойно спал в его доме, выиграл стрелу, а теперь взял его, шерифа, в плен!

А в лагере Робин Гуда царило веселье, все поздравляли Робина с победой в состязании. Шерифа и его солдат тоже заставили выпить за здоровье и успех Робин Гуда, а потом отпустили, взяв у них оружие и коней.

Пешком, жалкие, дрожащие от страха, вернулись шериф и его солдаты в Ноттингем. С той поры шериф лютой ненавистью возненавидел Робин Гуда.

Вскоре разнесся слух, что за его голову обещана награда и что шериф готовит большое войско для похода в Шервудский лес.

Все опаснее становилось Робин Гуду появляться где бы то ни было. Малейшая неосторожность могла стоить ему жизни.

Но вот однажды к нему прибежала вдова из соседней деревни. Обливаясь слезами, она рассказала, что трех ее сыновей схватили солдаты шерифа за то, что они отказались платить непосильные налоги и бросили долговые книги в

костер. Завтра утром их повесят. На поле у городских ворот уже ставят виселицы.

— Ты рано плачешь, мать! — воскликнул Робин Гуд, сжав кулаки.— Клянусь, я спасу твоих сыновей!

На другой день стрелки Робин Гуда, переодевшись в крестьянское платье, смешались с толпой, ожидавшей начала казни.

По дороге к месту казни Робин Гуду встретился оборванный старик нищий, и они обменялись одеждой. Надевая старые штаны с огромной дырой, Робин Гуд засмеялся.

— Затейливый покрой у тебя, папаша! — пошутил он.

Толпа на поле замерла в ожидании. Из городских ворот выехали шериф и его приближенные. Следом за ними стража вела осужденных. Шериф и его свита заняли свои места, стража окружила их. Осужденных ввели на помост. Шериф уже подал знак, забили барабаны, но казнь не начиналась.

— Палач куда-то исчез, а другого нет,— доложили шерифу.

В это время Робин Гуд протиснулся вперед и поклонился шерифу.

— Благородный лорд шериф, что ты пожалуешь мне, если я буду палачом? — сказал он, изменив голос и шамкая по-стариковски.

Шериф окинул его взглядом.

— Новые штаны, старик, да еще пригоршню монет в придачу! — крикнул он.

— Согласен, ваша милость,— прошамкал Робин Гуд и влез на помост.

Он подошел к одному из братьев, взял веревку, делая вид, что хочет накинуть ему петлю на шею, но в тот же миг одним ударом ножа рассек связывавшие его веревки и, выхватив из своих лохмотьев меч, сунул ему в руки. Секунда потребовалась, чтобы развязать оставшихся двоих братьев. Стража бросилась на них, но несколько десятков стрел, пущенных лесными стрелками, скрывавшимися в толпе, запели в воздухе. Одна из них просвистела возле самого уха шерифа; он задрожал и бросился к лошади.

А стрелки Робин Гуда уже дрались с солдатами. Схватка окончилась тем, что Робин Гуд и его товарищи ускакали в лес на шерифовых лошадях, увозя с собой спасенных ими сыновей старой вдовы.

А неподалеку, в овраге, валялся связанный по рукам и ногам палач с кляпом во рту...

Такие истории рассказывают о Робин Гуде.

СИД ВОИТЕЛЬ

Испанская легенда

О нем говорили, что он родился в добрый час. Во всей Кастилии не было рыцаря храбрее, чем Рой Диас де Бивар. Всю жизнь сражался он с маврами, отвоевывая захваченные ими испанские земли. Враги-мавры трепетали перед ним и почтительно называли его Сид, что на их языке означало «господин». Испанцы восхищались его бесстрашием на поле брани и дали ему прозвище Воитель.

Смолоду Сид Воитель служил королю Санчо как верный и преданный вассал. Но дон Санчо был предательски убит, а новый король дон Альфонс невзлюбил незнатного и небогатого Сида за гордый и неуступчивый нрав. Вскоре случилось Сиду прогневить короля Альфонса, и король изгнал его из Кастилии, повелев жить в изгнании.

И вот Воитель покидает свой родовой замок. В последний раз оглянулся и вздохнул в печали: в брошенном доме не заперты двери и ворота растворены настежь.

Вслед за Сидом скачут шестьдесят всадников с флажками на пиках — это те немногие, что остались ему верны и в несчастье, идут пешие воины.

Перед ними город Бургос. Горожане вышли посмотреть на славного Воителя, толпами стоят на улицах, облепили все окна в домах. Все любуются Сидом, но никто не зовет его к себе на ночлег. Прежде Сида поспел в город Бургос королевский гонец с королевским указом; читали тот указ на всех площадях:

— «Опальному Рою Диасу де Бивару, прозванному Сидом Воителем, не давать ни пищи, ни приюта. А кто ослушается, того ждет страшная кара».

Потому-то горожане, хоть и жаль им Сида, ни за что на свете не отопрут ему, пусть хоть вышибет двери!

Подъехал Сид со своими людьми к какому-то дому. Хозяева притаились, даже шороха из дома не слышно.

Вынул Сид ногу из стремени и ударил в ворота. Но крепки были ворота и заложены крепким засовом.

Вышла из дома девочка лет девяти, посмотрела на грозного всадника и сказала:

— О славный Воитель! Мы и хотели бы вас впустить, да не смеем ослушаться королевского указа. В наказание король лишит нас имущества и самой жизни. Разве прибудет вам добра от нашего горя?

Тогда Сид покинул город и стал лагерем на другом берегу Арлансона, как раз против городских ворот. Разбили палатки — ночлег готов. Только вот поесть изгнаннику и его людям нечего: не смог Сид купить в Бургосе никакой еды, даже хлеба никто ему не продал.

Но вечером пришел в лагерь Сида бургосский горожанин по имени Мартин Антолинес. Принес с собой и вина, и хлеба, и много всякой другой снеди.

— Позвольте, мой Сид, остаться и служить вам,— сказал он.— Пусть падет на меня за это гнев короля. Не жаль мне бросить ради вас свое имение.

— Мартин Антолинес! — воскликнул Сид.— Хотелось бы мне щедро тебя наградить, но нет у меня сейчас ни золота, ни серебра. Дай срок, я отблагодарю тебя достойно.

На другое утро, еще петухи не пропели, Сид тронулся в путь. Прежде чем покинуть милую Кастилию, он хотел проститься с женой и двумя дочерьми, которые жили в это время в монастыре Сан-Педро.

Приезжает Сид в монастырь. Жена его донья Химена упала перед мужем на колени и, горько рыдая, целовала ему руки.

Сид прижимает к груди жену и дочерей, вздыхает горестно и говорит:

— Любезная моя супруга, я ухожу в изгнанье, а вы оставайтесь при наших дочерях. Бог даст, доживем мы с вами до их свадьбы.

Звонят колокола в монастыре Сан-Педро. Разносится весть по всей Кастилии: непобедимый Воитель уходит на чужбину!

Многие тогда решили бросить свои дома, земли и уйти вместе с героем. За одни только сутки у моста через Арлансон собралось сто пятнадцать рыцарей. Мартин Антолинес привел их к Сиду. Тот был рад, что растет его войско. Рыцари целовали Сиду руки как своему сеньору, а он им говорил:

— Молю я бога, чтобы успел я до смерти своей воздать вам вдвойне за все, что вы теряете, уходя со мною.

Живет Сид в монастыре день, живет другой. А ведь король дал Сиду срок, чтобы тот покинул страну, и, если в положенное время не пересечет он рубеж, дон Альфонс его не помилует.

Собрал Сид своих рыцарей и велел им наутро седлать коней: срок истекает, а дорога далека.

Рано утром — еще петухи не пропели — все были готовы.

Прощаясь с Сидом, заплакала донья Химена. Вам не доводилось видеть, чтобы кто-нибудь так плакал. С болью оторвалась она от мужа, как будто ноготь от пальца...

Едет Сид прочь от монастыря и все оглядывается на его стены, так что верному вассалу Альвару Аньесу пришлось сказать своему господину:

— Где ваша стойкость, мой Сид? Поспешимте сейчас. А придет время, вы еще свидитесь с любезною вашей супругой.

Покидает Сид Воитель Кастилию, и с каждым часом полнится его войско: уже триста пик, украшенных флажками, колышутся над головами всадников. А пеших воинов и считать нечего, достаточно сказать, что их было немало.

Наконец Сид пересек границу Кастильской земли. Ехал он, ехал, и вот впереди показалась крепость Кастежон.

Сид подъехал к ней под вечер и всю ночь пролежал в засаде. А прекрасным, сверкающим утром, когда мавры, ни о чем не подозревая, настежь открыли ворота крепости и устремились в свои сады и на пашни, Сид вышел из засады.

Богатая досталась испанцам добыча, и всю ее они без утайки отдали Сиду. Ему по праву полагалась пятая часть добычи, а остальное он по совести разделил между всеми: по сто марок на каждого конного воина, по пятьдесят — на пешего. Все остались довольны таким дележом.

Вскоре Сид отправился дальше по занятой маврами земле, и вот раскинул он свой стан на высоком холме близ крепости Алькосер.

Из крепости выслали ему дань, но сдаться отказались. Пятнадцать недель длилась осада; наконец Сид решил пойти на хитрость: приказал снять лагерь и пошел со своим войском вниз по течению Халона.

Осажденные обрадовались, говорят:

— Видно, кончились у Сида припасы. Нужно напасть на него сейчас. Разобьем Сида, поживимся на славу: ту дань, что ему заплатили, вернем с лихвой.

Вышли мавры из города, пустились за Сидом в погоню. Так им хотелось настичь его, что забыли об всем: даже ворот крепости не заперли и поснимали всю стражу.

Сид заманил мавров подальше от города, а потом внезапно повернул назад, и началась битва! В короткое время испанцы перебили триста врагов, ворвались в никем не защищаемый город и водрузили знамя Сида на самой высокой башне.

Узнали об этом мавританские цари Фарис и Гальве.

По всем окрестным землям разослали они гонцов скликать людей к Алькосеру, чтобы осадить в нем Сида Воителя.

Три недели осаждали мавры крепость. Говорит Сид рыцарям:

— Хлеб у нас на исходе, а воду враги нам уже давно отрезали. Нас окружает многочисленное войско. Что будем делать?

За всех ответил бесстрашный Альвар Аньес:

— Хотя врагов тысячи, но и нас немало: целых шесть сотен! Надо завтра же утром ударить на мавров!

Утром, едва разгорелась заря, начался бой.

Видели бы вы, как кололи копья, как разили острые мечи! Щиты, разбитые на куски, так и летели на землю. Панцири были смяты или разрублены. Бой еще только начался, а уже тысяча триста мавров лежат на земле бездыханные!

Разбиты и бегут Фарис и Гальве. Среди испанцев радость и веселье: захватили они вражеский стан, досталось им пятьсот арабских скакунов, а уж сколько золота, сколько серебра они захватили — вам бы и не сосчитать! Стал богатым каждый конник в войске Сида, каждый пеший воин. У доброго сеньора и вассалы не знают нужды.

Призвал Сид верного своего Альвара Аньеса и сказал:

— Альвар Аньес, поезжайте в Кастилию. Скажите королю, моему сеньору, что в большой битве одержали мы победу. Отведите ему в подарок тридцать отменных скакунов, все под седлами, в драгоценной сбруе. Возьмите с собою сапог, полный золота и серебра, закажите в христианской земле тысячу месс святой Марии, а остальные деньги передайте моей жене донье Химене.

— Исполню все с охотой,— ответил Альвар Аньес.

Вот приезжает он в Кастилию. Приводит к королю тридцать арабских скакунов и говорит:

— Рой Диас де Бивар, прозванный Сидом Воителем, разбил в жестоком бою двух мавританских царей. Мой Сид целует вам руки и ноги, высокородный сеньор, и просит вашей милости.

Ответил король:

— Того, кто навлек на себя опалу, нельзя так скоро простить и вернуть ему свою благосклонность. Но коней я приму охотно, раз они отняты у наших врагов — мавров.

Когда Альвар Аньес вернулся к Сиду, тот остался доволен его посольством: король принял подарок, Альвар в христианской земле заказал тысячу месс святой Марии и привез

Сиду поклон от жены и дочерей. На радостях Сид решил выступить в новый поход.

По всем соседним странам пролетела молва, что кастильский изгнанник то и дело совершает дерзкие набеги на города и крепости мавров.

Дошла молва до графа дона Раймунда Беренгера в Барселону. Позавидовал он славе Сида, а так как граф был большой хвастун, то тут же объявил, что одержит над Сидом верх, а самого его захватит в плен.

Собрал граф большое войско и повел его против Сида. Но Сид — в добрый час надел он шпагу — одержал победу и над графом. Сам дон Раймунд попался в плен, и достался Сиду среди другой добычи драгоценный меч Колада.

Кончился бой. Сид пригласил дона Раймунда в свою палатку и стал угощать его со всем радушием. Но спесивый граф не захотел ни кусочка взять в рот: мол, лучше ему умереть голодной смертью, раз уж его победил такой незнатный рыцарь, как Сид.

Три дня отказывался дон Раймунд от еды. Послушайте, что сказал ему Сид:

— Граф, поешьте хлеба и выпейте вина. Если вы это исполните, я отпущу на волю вас и двух ваших вассалов.

— Возможно ли это? — воскликнул граф.— Если вы сдержите слово, де Бивар, я не устану вами дивиться!

— Я отпущу вас на волю,— говорит Сид.— Но из моей добычи вы не получите назад ни ржавой денежки. Я должен платить своим людям, которые бросили все и ушли со мной в изгнанье.

Граф попросил воду для рук и принялся за еду.

— Никогда еще не ел я с такой охотой,— приговаривал он.

После еды дону Раймунду и двум его рыцарям подвели коней, дали богатые плащи. Провожая пленников, Сид сказал:

— Поезжайте, граф, вы свободны! Покорно благодарю за все, чем я от вас поживился. Если же вы захотите мне отомстить, дайте знать, и мы с вами снова сразимся.

— Нет, мой Сид,— ответил дон Раймунд.— Больше у меня не возникнет такого желания. Прощайте!

Пришпорил граф коня и поскакал. Скачет, а сам все время оглядывается: видно, боится, как бы Сид не передумал. Но Сид никогда не был вероломным и ни за что на свете не поступил бы бесчестно. Граф ускакал, а Сид, довольный, вернулся к своим вассалам.

*

Много земель отвоевал славный кастилец Сид Воитель у мавров. Дошел он до самого моря, стал станом у стен Валенсии.

Решили валенсийцы выйти из города и первыми напасть на испанцев.

Увидел Сид, как много у мавров войска, послал гонцов в испанские города за подмогой.

Через три дня собралось у Сида большое войско, и в первом же бою досталась Сиду победа. Испанцы гнали мавров до самых стен Валенсии и вернулись в свой лагерь с большой добычей.

Радуется Сид, радуются его вассалы, что одолели врагов.

Так, завоевывая город за городом, провоевал Сид три года.

Валенсийские мавры сидели тем временем в своей Валенсии и не смели выйти за ее стены. Ниоткуда не подвозят им хлеба, и все сады вокруг города Сид приказал вырубить. Не знают мавры, что и делать. Худо приходится, когда жены и дети мрут от голода!

Наконец решил Сид, что пора ударить на Валенсию. Велел он кликнуть клич в Наварре и Арагоне, отправил гонцов в Кастилию: кому надоела бедность, кто хочет стать богатым, пусть примет участие в штурме. Сид задумал отнять Валенсию у мавров.

Никто не стал медлить, повалили к Валенсии целыми толпами. Штурм — и Валенсия пала! Взвился над нею стяг Сида Воителя.

Стал Сид правителем Валенсии. Живет, доволен и весел.

Только замечает Сид, что многие из его вассалов, разбогатев, рады бы теперь вернуться по домам. Сиду это не по нраву: мало захватить город, надо его удержать.

Чтобы никто не ушел незаметно, приказал Сид пересчитать всех своих воинов. Оказалось у него три тысячи шестьсот человек.

— Много меньше было у меня людей, когда я уходил в изгнанье,— говорит Сид.

Снова посылает он Альвар Аньеса в Кастилию:

— Отведите королю Альфонсу, моему благородному сеньору, сто коней в подарок. Поцелуйте за меня ему руки и просите позволенья забрать из монастыря Сан-Педро мою супругу и дочерей.

Король в это время был в городе Каррионе.

Приехал туда Альвар Аньес, пал перед королем на колени, целует ему руки:

— О высокородный король, мой Сид почитает вас своим сеньором. Изгнанный вами на чужбину, он не терял времени даром. Много городов и земель завоевал мой Сид и наконец отобрал у мавров Валенсию.

Ответил король Альфонс:

— Я рад, что Сид Воитель совершил столько подвигов, и охотно принимаю от него в подарок сто коней под дорогими седлами и со всею сбруей.

После этого дон Альфонс дал согласие, чтобы жена и дочери Сида покинули монастырь и отправились в Валенсию. И еще сказал, что прощает всех, кто ушел с Сидом, и отпускает к нему тех, кто захочет служить ему впредь.

И вот донья Химена, а с нею дочери, донья Эльвира и донья Соль, после долгих дней пути подъезжают к Валенсии.

Сид выехал встречать их на великолепном Бабьеке, коне, добытом им в бою. Что за дивный конь, как великолепен всадник! Все вокруг любовались Сидом, а когда прижал он к груди жену и дочерей, все от радости залились слезами.

С большими почестями вошла донья Химена с дочерьми в город. Поднялись они на самую высокую башню и оттуда осмотрели всю округу. И все, что они видели, радовало их взор: и сама прекрасная Валенсия, и бескрайнее море, и обширная плодородная равнина.

Зажил Сид без горя и забот. Так прошла зима. А с весной прилетела весть: заморский царь Юсуф, правитель Марокко, собрал пятьдесят тысяч войска и идет на Валенсию.

Перед самым сражением Сид повел жену и дочерей на самую высокую башню, чтоб увидели они своими глазами, каково приходится испанцам на отвоеванных землях и легко ли достается воинам хлеб.

Было испанцев без малого четыре тысячи, но они первыми ударили на пятьдесят тысяч мавров. Ударили и погнали их с поля битвы.

Видели бы вы Сида в бою! Бесстрашный Воитель колет и рубит без устали.

Самому царю Юсуфу нанес он три тяжелых удара. Только добрый конь и спас Юсуфа. Вместе с царем спаслось бегством лишь сто четыре человека, остальные полегли на поле битвы.

Испанцы захватили лагерь мавров. Самой ценной добычей оказался царский шатер с изукрашенными золотом столбами.

Сказал Сид:

— Этот шатер марокканского царя я пошлю в дар королю Альфонсу, чтобы верил он молве о моих победах над маврами. А в придачу — две сотни коней.

Охватила короля Альфонса великая радость, когда посланцы Сида Альвар Аньес и Педро Бермудес привезли ему богатые дары.

Сказал дон Альфонс:

— Видно, близится час моего примирения с Сидом Воителем. Своими подвигами он усилил мою Кастильскую державу.

Все это слышали дон Диего и дон Феррандо де Каррион, два брата, два инфанта из знатного графского рода. Говорят инфанты де Каррион друг другу:

— По всему видно, сильно разбогател этот Сид. Вот бы жениться на его дочерях! Сейчас мы только знатны, а тогда стали бы и богаты!

И попросили они короля посватать их к дочерям Воителя.

Велел король посланцам Сида передать их господину, что король Альфонс сватает к его дочерям двух благородных братьев, инфантов де Каррион, и пусть Воитель предстанет перед своим королем когда угодно: дон Альфонс обещает ему свою милость.

Все это было в точности пересказано Сиду. Обрадовался Сид, что вернул милость короля. А вот сватовством был не очень доволен: инфанты де Каррион знатного рода, они спесивы и чванливы сверх меры. Но раз сам король сватом — ничего не поделаешь, придется выдать дочерей за инфантов.

Торжественную встречу короля Альфонса и Сида Воителя назначили через три недели. Выбрали и место — на берегу Тахо.

Вместе с королем прибыли его вельможи, все со свитою. Приехали и инфанты де Каррион. Приехали, ждут Сида.

Вот показался славный Воитель со своими вассалами. Не часто увидишь столько великолепных скакунов, столько дорогого оружия, столько цветного платья, расшитых плащей и сверкающих мехов. И все это богатство никто не дарил Сиду — он сам добыл его в бесчисленных сражениях с врагами Испании!

Сошел Сид с коня, упал перед королем на колени, целует ему руки:

— О мой сеньор, пусть я буду прощен так, чтобы слышали это все, кто стоит тут вокруг!

Ответил король:

— Пусть знают все, что я от души прощаю вас, Сид Воитель. Возвращаю вам любовь и принимаю в свою державу.

Поднял король Сида с земли, целует его в уста.

Весь этот день король Альфонс угощал Сида в своей палатке и все не мог на него налюбоваться.

На другой день Сид задал пир для короля и вельмож, и все сошлись на том, что давно не видали подобного угощения.

А на третий день король повелел всем собраться и сказал:

— Услышьте, рыцари, графы и все ратники, что́ я скажу. Я прошу, вас, Рой Диас де Бивар, славный Сид Воитель, отдать ваших дочерей в жены инфантам де Каррион.

Ответил Сид:

— Сеньор, и я, и мои дочери подвластны вам до конца наших дней. Вы вольны отдать моих дочерей, кому вам будет угодно.

— Так пусть же донья Эльвира и донья Соль станут супругами дона Диего и дона Феррандо де Каррион! — провозгласил король.

А Сид пригласил на свадьбу всех, кто захочет, пообещав щедро одарить гостей.

Две недели праздновали в Валенсии свадьбу дочерей Сида. Но вот гости стали собираться домой, в Кастилию. Всех их Воитель отпустил с богатыми дарами. А сам с дочерьми и зятьями остался жить в Валенсии.

*

Живут инфанты де Каррион в доме Сида год, живут другой.

Однажды в доме случился большой переполох. В то время как Сид почивал после обеда, из клетки в его зверинце вышел на волю огромный лев. Рыцари окружили скамью, на которой спал Сид, чтобы прикрыть собою своего сеньора.

И только дон Феррандо, инфант де Каррион, спрятался под той самой скамьей, а его брат дон Диего проворно забрался на высокий столб, изодрав на себе одежду.

Проснулся Сид и, узнав, в чем дело, бесстрашно подошел к хищнику, взял его за гриву и отвел обратно в клетку.

Вернулся Сид, спросил, где же его зятья. Долго их звали, но они не откликались. Наконец нашли братьев, бледных от пережитого страха, одного на столбе, другого под скамьей.

Слышали бы вы, как все смеялись над инфантами, покуда Сид не пресек насмешек. Но инфантам казалось, что Сид в душе тоже смеется над ними, и они затаили на него злобу.

Едва закончилась для братьев первая неприятность, как подоспела другая: царь Букар привел из Марокко пятьдесят тысяч войска и осадил Валенсию, расставив свои шатры по всей равнине Куарто.

Не по нраву инфантам предстоящая битва. Говорят они между собой:

— Как бы нашим женам не остаться вдовами. Быть бы нам сейчас не здесь, а дома, в Каррионе!

А Сид и его рыцари рады, что пожаловали враги: верят испанцы, что одержат победу. А победа — это и слава, и богатство.

Мавры забили в свои барабаны — начинается бой.

Сид прикрылся щитом, наставил копье, пришпорил своего Бабьеку, врезался в самую гущу врагов, семерых выбил из седла, четверых сразу прикончил. Видели бы вы, какая жаркая была битва! Щит отлетал вместе с рукой, головы в шлемах катились по земле, кони скакали по всему полю без всадников.

Воины Сида гнали врагов, а сам Сид погнался за царем Букаром:

— Вернись, Букар! — кричит Сид на скаку.— Ведь ты пришел из-за моря, чтобы встретиться со мной, а теперь убегаешь!

Хорош конь у Букара, но Бабьека все-таки его нагнал. Взмахнул Сид мечом Коладой — и рухнул Букар, царь заморский. Достался Сиду его драгоценный меч Тисона.

Ликуя, вернулись испанцы в Валенсию. Сид, полагая, что инфанты де Каррион сражались так же храбро, как и другие, хвалит их, говорит:

— Хорошая молва пойдет о вас в Каррион!

Сид говорит так от чистого сердца, а трусливым братьям кажется, что он над ними насмехается. Зашептались братья:

— Давай уедем в Каррион. На нашу долю пришлось много добычи. Мы теперь богаты да к тому же знатного рода. Дочери Сида недостойны быть нашими женами. Мы с тобой можем жениться снова и взять жен из знатного

рода. А дочерей Сида предадим позору — так мы отомстим их отцу за все насмешки над нами.

Послушайте, что было дальше.

Говорят инфанты де Каррион, что хотят поехать домой, чтобы показать женам свои владения.

Отвечает им Сид:

— Раз я отдал вам дочерей, вы стали мне вместо сыновей. Отпущу вас от себя с богатыми дарами: дам три тысячи серебром, дам подседельных коней и боевых скакунов, дам шелка, сукна и всякого платья. А главное, отдам два добытых в бою драгоценных меча — Коладу и Тисону. Поезжайте и помните, что, увозя моих дочерей, вы увозите и мое сердце.

Наступил день отъезда. Инфанты грузили мулов дарами Сида, а сестры прощались с матерью и отцом, целовали им руки, слезно просили присылать о себе вести в Каррион. На прощание донья Эльвира и донья Соль обняли своих служанок и рысью выехали из ворот Валенсии.

Подозвал Сид своего племянника Фелеса Муньоса и велел ему проводить сестер до самого Карриона.

Долго ехали инфанты с женами и со своею свитой. И вот въезжают они в дубовый лес Корпес. Высоки деревья в том лесу — до самого неба тянутся ветви, в темной чащобе рыщут дикие звери.

Инфанты приказали свите и слугам ехать вперед, а сами с женами спешились на лесной поляне.

Говорят инфанты своим женам:

— Донья Эльвира и донья Соль, да будет вам известно, что мы решили предать вас позору, а потом бросить здесь одних на растерзанье диким зверям. Как дойдет эта весть до вашего отца, вспомнит он льва и все свои насмешки над нами!

Привязали они дочерей Сида к двум дубам и стали без всякой пощады бить их плетьми и шпорами.

Донья Эльвира и донья Соль говорят им смиренно:

— Дон Диего и дон Феррандо! Не избивайте нас столь жестоко и позорно, лучше возьмите острые мечи Коладу и Тисону, которые подарил вам наш отец, и отрубите нам головы. За то, что вы творите, вас осудят и христиане, и мавры.

Как ни умоляли сестры, инфанты ничего не слушали, а делали свое черное дело. Наконец братья притомились, бросили окровавленных и почти бездыханных женщин в лесу, а сами ускакали догонять свою свиту.

Хорошо, что Фелес Муньос не уехал со свитой, а, при-

таившись в кустах близ дороги, ждал, когда мимо него проедут инфанты с женами. Но вот мимо него промчались во весь опор инфанты, громко похваляясь, как ловко они отомстили Сиду.

Тогда Фелес Муньос вернулся на поляну...

Когда Сид узнал о постигшем его несчастье и позоре, в гневе воскликнул он:

— Клянусь бородой, это не пройдет инфантам де Каррион даром!

И вот прискакал в Кастилию гонец к королю Альфонсу. Сид просит короля собрать кортесы[1] и назначить суд над инфантами де Каррион.

Собрал король кортесы, назначил судей и велел им решить дело по справедливости.

Первым стал говорить Сид:

— Я требую, чтобы инфанты де Каррион, которые отплатили мне злом за добро, вернули мне мои мечи, Коладу и Тисону.

И судьи решили:

— Это справедливо.

Пришлось инфантам де Каррион вернуть мечи. Поглядел Сид на мечи и сказал:

— Скоро вы, Колада и Тисона, отомстите за моих дочерей. Передаю вас в руки достойных рыцарей...

И он отдал Коладу Мартину Антолинесу, а Тисону — Педро Бермудесу.

Сид продолжал:

— Я еще не все взыскал с инфантов де Каррион. Когда они уезжали из Валенсии, я дал им три тысячи серебром как своим любимым зятьям. Они мне больше не зятья, так что пусть вернут деньги сполна.

Сказали судьи:

— Это справедливо.

Взвыли инфанты. Они уже порастрясли деньги Сида. Откуда им взять такую огромную сумму? Пришлось им отдать Сиду своих коней и мулов, оружие и доспехи.

— А теперь,— говорит Сид,— отвечайте мне, инфанты де Каррион, за что вы так жестоко обошлись с моими дочерьми?

Поднялся с места дон Феррандо и сказал надменно:

— Пора кончать это дело. Все ваше добро мы вам, Сид, вернули. А с дочерьми вашими поступили так, как нам

---

[1] Кортéсы — собрания дворян, созываемые королем.

было угодно. Мы имели на то право: каждый знает, что мы знатнейшего графского рода и ваши дочери нам не пара.

А дон Диего добавил:

— Мы нисколько не раскаиваемся в том, что учинили над бывшими нашими женами. И пусть они теперь вздыхают и плачут до самой могилы!

Но тут в кортесы входят два благородных рыцаря: один — посланец инфанта Наварры, другой — прислан инфантом Арагона. Рыцари говорят так, что слышат все:

— Наши сеньоры целуют королю руки и просят его отдать им в жены дочерей славного Сида Воителя, чтобы быть им королевами Наварры и Арагона.

И король, и сам Сид были рады, что так обернулось дело, и охотно дали свое согласие. Не по нраву пришлось это сватовство инфантам де Каррион, а тут еще Альвар Аньес сказал им:

— Прежде дочери Сида были вам супруги, а теперь вы станете служить им как королевам!

Чтобы смыть позор с Сида, три его вассала вызывают на поединок троих из рода Каррион.

Инфанты де Каррион просят короля отложить поединок: мол, отдали они коней и оружие Сиду, надо им ехать в Каррион, добывать новых коней и другое оружие.

Король назначил поединок через три недели. Многие бароны разъехались покуда по домам. Отправился в Валенсию и Сид. Расставаясь с тремя бойцами, что станут биться за его честь, он сказал:

— Добрые мои вассалы, Мартин Антолинес, Педро Бермудес и Муньо Густиос! Сражайтесь за справедливость как герои!

Ответил ему Мартин Антолинес:

— Сеньор, вам не придется услышать о нашем поражении. В Валенсию придет весть или о нашей гибели, или о победе!

Через три недели много баронов съехалось к месту поединка. Прибыл и сам король.

Вот когда пришло время инфантам де Каррион раскаяться в гнусном своем поступке! Дорого бы они сейчас дали, чтобы не было этого поединка!

Но уже по знаку судей Педро Бермудес схватился с доном Феррандо. Инфант нанес по щиту Педро такой удар, что пробил щит насквозь. В ответ Бермудес вонзил копье в грудь противника — не помог и щит! Но был дон Феррандо одет в тройную кольчугу — это его и спасло. Упал он на зем-

лю, а как увидел занесенную над собою Тисону, не стал дожидаться удара, закричал на все поле:

— Я побежден!

Теперь Мартин Антолинес и дон Диего сшиблись копьями. Так силен был удар, что оба копья сломались. Выхватил Антолинес Коладу и ударил инфанта по шлему, отсек верхушку шлема вместе с волосами. Видит дон Диего, что плохи его дела, натянул поводья и удрал с поля, только его и видели. Досталась победа Мартину Антолинесу.

И третья пара бойцов — Муньо Густиос и дон Асур из рода Каррион — бились недолго.

Заносчивый граф, выбитый из седла богатырским ударом, признал:

— Вы победили, рыцари Сида Воителя!

Велико было посрамление инфантов де Каррион. Послужит оно уроком всякому, кто обидит безвинную женщину!

А бойцы Сида с честью вернулись в Валенсию.

Вскоре сыграли две новые свадьбы. Стали дочери Сида королевами Наварры и Арагона. Теперь его потомки будут испанскими королями. Вот как возвеличился непобедимый Сид Воитель! Не зря о нем говорили, что он родился в добрый час.

ДРУГ И МЕРТВЫЙ ОЛЕНЬ

Вьетнамская сказка

Кто не слыхал о друге и мертвом олене?

Как ни ищи, вряд ли найдется такой, даже если обойдешь все селения и одинокие хижины от океанского берега до дальних гор. Дети знают эту историю от стариков, а старики слышали от своих дедов и прадедов. Давно это случилось.

Жили со своей матерью два брата. Жили они небогато, но все же лучше, чем иные из их соседей.

Было у них маленькое поле. И приходилось не щадя сил трудиться над этим клочком каменистой земли. А по вечерам, когда солнце уходило к себе домой, над их очагом поднимался вверх синеватый дымок.

К этому часу собиралась вместе вся семья, и каждый, удобно усевшись на земле, получал чашку дымящегося рису.

Нередко получал такую же чашечку душистого рису и соседский мальчик, однолеток младшего брата.

С самого раннего детства братья не походили друг на друга и почти никогда друг с другом не играли.

Старший работал и в поле и дома, помогал матери по хозяйству. Он терпеливо рыхлил мотыгой скудную землю, окаменевшую под жарким солнцем. Дома он растирал в каменной ступке рисовые зерна для лепешек. Чинил сети, приносил сухую траву и ветки, чтобы вечером можно было разжечь огонь.

Младший гнушался домашними делами. Они казались ему недостойными того, у кого сильная рука и мужественное сердце.

«Где уж тут, у собственного порога, выказать доблесть?» — думалось ему.

И с утра он старался убежать из дома в лес, где на каждом шагу встречается что-нибудь новое и неожиданное, где хочется бороться и побеждать — и дикого зверя с когтистыми лапами, и непроходимые дебри с их ядовитыми испарениями, и горные кручи с обвалами и пропастями.

Он зорко выслеживал зверя, ловко расставлял капканы, а в стрельбе достиг завидной меткости. В зарослях бамбука он умел находить самые сладкие молодые побеги и доставал в дальних рощах самые большие кокосовые орехи.

Но ни разу еще мясо убитого зверя он не зажарил сам и если раскалывал иной раз орех, то лишь для того, чтобы тут же самому выпить из него все прохладное кокосовое молоко. И никогда не задумывался, возвращаясь домой, по чьей милости не ложится спать голодным и чьим тяжелым трудом добыта для него каждая рисовая лепешка. Не спрашивал себя, когда расставлял в лесу капканы, чьими руками они сделаны.

А их сплетал из ветвей и лиан его старший брат, оберегавший беззаботную юность младшего.

Младшему казалось, что брат не понимает его, поэтому всегда выбирал себе в спутники соседского мальчика, товарища детских забав. С ним они были неразлучны.

Тот тоже хорошо стрелял, знал лесные тропы и повадки зверей. А еще знал он много диковинных рассказов от своего деда, старого охотника.

Так, вдвоем, мальчики проводили целые дни, а придя домой, делили добычу.

Если же порой они и не были вместе, младший брат на обратном пути из леса заходил к другу и делился с ним

всем, что достал за день,— будь то убитая птица или сладкие плоды.

Как-то он охотился один и убил дикого козла. Это далось ему нелегко. Дикий горный козел убегал и увлекал его за собой. Зверь менял направление, кидался в разные стороны и завел его в глухую чащу, далеко от знакомых мест охоты.

Была уже ночь, когда юноша возвращался домой, изнемогая под тяжестью козлиной туши. Он был даже не в силах зайти к другу.

Наутро друг сказал ему с усмешкой:

— Так и поверил я, что ты один одолел дикого козла!

Обидно стало молодому охотнику, и он подумал с горечью: «Да любит ли меня мой друг?»

Вскоре обычным путем снова пошел он в лес. На тропе, по которой звери ежедневно шли на водопой, еще не было свежих следов. Ни один лесной зверь не повстречался ему на этот раз.

Так шел он долго. Из лощины поднимался туман.

Вдруг ему послышалось, будто на склоне холма кто-то ударил оземь мотыгой.

Он забеспокоился: кто бы это мог быть? Ветер разорвал туман, и охотник увидел оленя. Это зверь ударил своим копытом. Сейчас он лакомился свежей травой и не заметил, как подошел человек.

Юноша пустил стрелу. Прицел был верен. Олень упал мертвым.

Охотник, подойдя, вынул окровавленную стрелу и побежал домой. «Сейчас я проверю дружбу!» — подумал он.

Добежав до хижины друга, стал звать его. И, показав окровавленную стрелу, сказал:

— Друг мой, чем поможешь мне в беде? Я бродил в лесу и там в тумане принял человека за оленя и убил его. Что делать мне?

Друг сказал очень быстро:

— Это твое дело.

И тогда молодой охотник низко опустил голову. Мысль о том, что друг, которому он привык верить, отступился от него в беде, пронзила его сердце, как стрела. Так больно стало ему, что он на мгновенье даже сам поверил в свое придуманное несчастье...

Тут вспомнил он о старшем брате и побежал к нему:

— Помоги! — крикнул он и повторил рассказ.

— Поспешим,— прервал его старший брат.— Я захвачу

с собой целебных трав, рана, может быть, и не смертельна. А там поглядим, что делать... Идем же, друг мой!

Младший остановил его.

— Я искал друга,— сказал он,— и нашел.

И рассказал правду. А потом добавил:

— До сих пор я видел только одну доблесть — в смертельных схватках с диким зверем. Сейчас я узнал и другую.

С того дня познавшие силу дружбы братья остались истинными друзьями на всю жизнь — в беде и в радости.

С того дня и напоминают люди в разговорах о друге и мертвом олене. А кто слышит, понимает, о чем речь. И кто сам в своей дружбе тверд и верен, слушает рассказ всегда охотно.

Но бывает и так, что при одном лишь упоминании о друге и о мертвом олене иной смущается и отходит в сторону, чтобы не услышать в этом рассказе укора себе.

СОДЕРЖАНИЕ

Легенды и сказки народов СССР

Легенды и сказки зарубежных стран

Э95 **ЭХО.** Предания, сказания, легенды, сказки. Свердловск, Средне-Уральское кн. изд-во, 1978.

224 с. с ил.

Сборник преданий, сказаний, легенд и сказок, сложенных разными народами в глубокой древности и в не так отдаленное от наших дней время.

$Э \frac{70803-095}{М158(03)-78}$ С61

ИБ № 523

ЭХО
(предания, сказания,
легенды, сказки)

Редактор Добрина Т. Ф.
Художественный редактор
Филаненко Ю. Н.
Технический редактор
Голобокова Л. М.
Корректор Казанцева М. А.

Сдано в набор 31/I 1978 г.
Подписано в печать 3/VII 1978 г.
Бумага типографская № 2. Формат
84×108/32. Уч.-изд. л. 12,6.
Усл. печ. л. 11,8. Тираж 200 000.
Заказ 106. Цена 50 коп.

Средне-Уральское книжное издательство, Свердловск, Малышева, 24. Типография изд-ва «Уральский рабочий», Свердловск, пр. Ленина, 49.

50 коп.

Свердловск
Средне-Уральское
книжное издательство
1978